

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (166). Август, 2017

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сютёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ доктор биологических наук, профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ доктор технических наук, профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН (Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ доктор филологических наук, профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ доктор архитектуры, профессор, действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН доктор технических наук, профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ доктор биологических наук, профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ доктор физико-математических наук, профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА доктор экономических наук (Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН доктор физико-математических наук, профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Р. ГРЮНТХАЛ доктор философии, профессор (Хельсинки, Финляндия)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ доктор филологических наук, профессор, ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
Н. В. ДРАННИКОВА доктор филологических наук, профессор (Архангельск)	Е. И. ЛЕЛИС доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
П. М. ЗАЙКОВ доктор филологических наук, профессор (Йоэнсуу, Финляндия)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. КАЩЕНКО доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	Н. В. ПАТРОЕВА доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА доктор исторических наук (Петрозаводск)	И. А. РАЗУМОВА доктор исторических наук, профессор (Апатиты)
Ю. В. КРИВОШЕЕВ доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	М. И. ШУМИЛОВ доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 5 (166). August, 2017

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

- V. BOL'SHAKOV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)
- I. DUDANOV**
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)
- Y. INOUE**
Professor (Tokyo, Japan)
- A. ISAYEV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)
- M. VOCHOZKA**
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)
- V. LEVIN**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)
- V. MAEVSKIY**
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)
- N. MEL'NIKOV**
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- V. ORPHINSKIY**
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
- P. PELKONEN**
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
- I. ROMANOVSKIY**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
- E. SENYAVSKAYA**
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
- A. TITOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- R. YUSUPOV**
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board

- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
- S. KASCHENKO**
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)
- U. KILIN**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
- E. LELIS**
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)
- T. MAL'CHUKOVA**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- A. PASHKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)
- M. SHUMILOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Васильев Ю. А.*
 Политическая элита Карело-Финской ССР в период позднего сталинизма 7
- Кабатов С. А., Курочкина С. А., Алибеков С. Я.*
 Использование естественно-научных методов при исследовании керамических грузил селища Вёжи (Костромская область) 15
- Кривошеев Ю. В.*
 «Дать фронту больше рыбы...»: рыбаки Ладоги в годы войны 21
- Шумилов М. И., Киселев А. А.*
 Активизация внешнеэкономической деятельности Карелии в начале 1990-х годов 28
- Каменев Е. В.*
 «Советский патриотизм» декабристов: повествование М. В. Нечкиной о борьбе членов Союза Благоденствия против исторической концепции Н. М. Карамзина 33
- Кривоноженко А. Ф.*
 Репрессии в отношении Петроградского университета в период Гражданской войны 41
- Румянцева М. Ф.*
 Источниковедение в структуре исторического знания: неоклассическая модель науки 44
- Каракчиев В. Н.*
 Развитие образования, здравоохранения и социальная помощь населению в волостях Автономной области Коми в 1920-х годах 52
- Кузнецова Н. Ю.*
 Изучение старообрядчества на Русском Севере: особенности исследовательского опыта С. А. Приклонского и А. С. Пругавина 57

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Зайцева Н. Г.*
 'Сердиться' по-вепски (именования понятия в контексте лингвистической географии) 61
- Гилясов Ю. В.*
 Прагматика англоязычного мотивационного дискурса . . . 70

- Мухина Е. А.*
 Семантические оппозиции в лирическом духовном стихе 77
- Нечаева Н. А.*
 Объективные факторы интеграционных процессов в языке экономики 81
- Рожкова А. В.*
 Анафора в поэзии И. И. Дмитриева: роль риторических фигур в синтаксической организации поэтического текста 88
- Попова Л. А.*
 Ключевые слова современности: проблема термина . . 93
- Чэнь Шэннань*
 Структура и лексические особенности русско-китайского словаря Иллариона Россохина (40-е годы XVIII века) 98
- Кладова Н. А.*
 Художественный смысл родственных отношений героев в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» 103
- Чевтаев А. А.*
 Стихотворение Н. Гумилева «Лесной пожар»: становление поэтики адамизма 110
- Гришкевич Е. Д.*
 Гомилии Трифона Петрова в контексте русской теории красноречия XVIII века 116
- Рецензии**
- Никитин О. В.*
 Рец. на кн.: Котов А. А. Введение в лексикографию . . 121
- Хорошун Т. А.*
 Рец. на кн.: Витенкова И. Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой) 122
- Память**
- Памяти А. Л. Витухновского 123
- Contents** 124

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.08.2017. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 80 экз.). Изд. № 159

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, заместитель главного редактора общенационального научно-политического журнала «Власть», профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
vasyural@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

Освещается отголосок «ленинградского дела» в Карело-Финской ССР, раскрывающий трагический аспект механизма функционирования партийной системы в СССР в условиях позднего сталинизма. Послевоенный период олицетворяется с опытом политического выживания в условиях сталинской модели политической власти, достигшей своего апогея. Показано, что важной частью формирования системы высшей власти являлось выдвижение молодых лидеров, сделавших головокружительную карьеру. В их числе были ведущие политические деятели Карелии – Г. Н. Куприянов и Ю. В. Андропов. Авторская позиция, связанная с изучением взаимоотношений в руководстве Карелии, основана на взгляде на данную проблему сквозь призму противостояния и борьбы группировок в партийной системе периода позднего сталинизма. Оба партийных руководителя республики были воспитанниками одной и той же сталинской системы, но волей судьбы оказались в разных политических группировках. Андропов стал представителем партийной элиты, возглавляемой Г. М. Маленковым, противостоявшей ленинградской, которую возглавлял А. А. Жданов, – ее представителем являлся Куприянов. Участники разных партийных групп были выдвиженцами и одновременно заложниками единой политической системы, нередко становясь ее жертвами.

Ключевые слова: поздний сталинизм, политическая система, Карело-Финская ССР, «ленинградское дело», Г. Н. Куприянов, Ю. В. Андропов, О. В. Куусинен

В послевоенные годы – период позднего сталинизма – в СССР достигла апогея модель высшей власти, основанная на сверхцентрализации. Механизм функционирования власти осуществлялся в условиях безраздельного господства одной формы собственности (государственной), одной идеологии (марксизма-ленинизма), правления одной партии (коммунистической), руководства одного лидера (см.: [8: 5]). Понимание сути сталинской системы позволяет выяснить мотивацию действий и поступков исторических деятелей, дать им оценку. Соратники И. В. Сталина, называвшие его *Хозяином*, не обладали политической самостоятельностью, однако имели определенную ведомственную автономность при решении оперативных вопросов, входивших в сферу их ответственности. Данная модель высшей власти достигла своего расцвета в послевоенный период (см.: [16: 398–463]). Частью этой автономности являлось формирование иерархической системной сети партийных групп «покровитель – доверенные лица». Под руководством партийных лидеров, выполнявших функции *покровителей*, формировались политические группировки – партийные элиты: *выдвиженцы, назначенцы, ставленники, доверенные лица* в центральной, региональной, местной власти. Партийные лидеры старались расставить на ключевые посты своих людей. Сложившиеся формальные и неформальные коммуникации в рамках партийных группировок позволяли осуществлять согласование групповых – ведомственных и региональных ин-

тересов через доверенных людей, чтобы обладать реальными рычагами административного влияния. Личное соперничество между партийными руководителями за влияние переросло в борьбу за лидерство и схватку за власть. Методы политической борьбы приобрели характер закулисных и негласных междоусобиц, лицемерия, коварства, стремления добиваться цели любой ценой. Сталин нередко выступал арбитром в столкновениях внутрипартийных групп, практиковал систему сдержек и противовесов. Аналогично действовали руководители и на местах.

Важная часть формирования новой системы высшей власти – выдвижение молодых лидеров, получавших свои посты и власть непосредственно по воле Сталина. В условиях многочисленных партийных чисток, массовых репрессий, «большого террора» 1930-х годов новая волна молодых выдвиженцев сделала головокружительную карьеру. Участники разных партийных групп были воспитанниками и одновременно заложниками одной политической системы, нередко становились ее жертвами. Система установила правила игры – если кто-то не следовал неписаным правилам поведения, в лучшем случае он выпадал из номенклатурной обоймы.

На рубеже 1945–1946 годов Сталин изменил состав своего ближайшего окружения: ключевые позиции в партийном и государственном руководстве заняла «ленинградская группа». На первые роли в руководстве партийным аппаратом был выдвинут А. А. Жданов. 29 декабря 1945 года

Сталин добавил его в «пятерку» – руководящую группу политбюро ЦК партии, таким образом оформилась «шестерка». В октябре 1946 года появилась «семерка» – в состав руководящей партийной верхушки, составлявшей ближайшее окружение вождя, был включен Н. А. Вознесенский. 4 мая 1946 года пленум ЦК вывел Г. М. Маленкова из состава Секретариата ЦК, он был лишен всех реальных рычагов управления партийным аппаратом. Фактическим руководителем Секретариата и Оргбюро стал Жданов, в его ведении также было Управление пропаганды и агитации. Ленинградский выдвиженец А. А. Кузнецов занял прежнюю маленковскую должность секретаря ЦК партии, стал руководителем Управления кадров. В результате «ленинградская группа» заняла ключевые позиции в партийном и государственном руководстве. К тому же в функции Кузнецова добавилось кураторство органов государственной безопасности, в структуре которых он начал чистку выдвиженцев Л. П. Берии.

Сложившийся в результате этих перестановок баланс политических сил в партийной системе просуществовал до середины 1948 года. После внезапной смерти Жданова 31 августа 1948 года опорой для Сталина вновь стали Маленков и Берия. Продолжением перетряски высшей власти явилось «ленинградское дело», когда были физически уничтожены многие ленинградские руководители и выдвиженцы.

Волна «ленинградского дела» прокатилась по всему северо-западному региону, но особенно болезненным оказался ее карельский отголосок. Партийный руководитель Карелии (июнь 1938 – январь 1950 года) Г. Н. Куприянов являлся типичным воспитанником сталинской партийной системы. По характеристике карельского писателя О. Н. Тихонова, в его образе отражалась примечательная черта руководящей партийной элиты – «сановно-мужицкий аристократизм» [15: 391]. В период «большого террора» партийная карьера Куприянова развивалась стремительно. Стаж руководящей работы в партийных органах был невелик: сначала в качестве второго секретаря Куйбышевского райкома партии в течение всего лишь одного месяца (ноябрь – декабрь 1937 года), затем он был утвержден первым секретарем этого же райкома. После 6 месяцев работы руководителем Куйбышевского райкома партии г. Ленинграда 32-летнего партийного работника по рекомендации секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова (с одобрения А. А. Жданова) направили возглавить партийную организацию Карелии.

По сложившейся практике, в качестве партийного руководителя Куприянов, наряду с прокурором, наркомом НКВД, входил в состав так называемой тройки («особой тройки») НКВД. Тройка утверждала списки осужденных врагов народа, в том числе «расстрельные» приговоры к высшей мере наказания. После 28 июня 1938 года, когда Куприянов стал членом тройки НКВД Карелии,

по ее постановлениям было расстреляно более 500 человек. Членом «особой тройки» он состоял с 20 сентября 1938 года. Этой тройкой репрессировано 1819 человек (см.: [5: 125–126]).

Один из ключевых вопросов, обсуждаемых до сих пор, – взаимоотношения в политическом руководстве Карелии (см.: [4]). Нередко в адрес Ю. В. Андропова, с января 1947 года занимавшего должность второго секретаря ЦК Компартии Карело-Финской ССР, предъявляются обвинения в предательстве по отношению к партийному руководителю Куприянову. Последний сам же положил начало данной версии: Андропов и П. С. Прокконен были названы им «агентами Берии и Маленкова»¹. Куприянов высказывал также подозрения в доносительстве на него со стороны знаменитого советского полярника И. Д. Папанина, который являлся депутатом Верховного Совета СССР от Карело-Финской республики (в годы войны – уполномоченным ГКО). Однако, если взглянуть на данную проблему сквозь призму противостояния и борьбы группировок в партийной системе периода позднего сталинизма, подобные обвинения представляются бессмысленными. Оба партийных руководителя республики были воспитанниками одной и той же сталинской системы. Волею судьбы и исторических обстоятельств они оказались в разных политических группировках. Никакой личной борьбы между ними в течение длительной совместной работы в Карелии (9,5 года) не было. Андропов во многом действительно был обязан своему партийному руководителю и признавал это.

Борьба (причем жестокая, порой кровавая) происходила между группировками, которые они представляли. Партийным лидером одной из них (ленинградской) являлся А. А. Жданов. Ее выдвиженцем был Куприянов. Андропов оказался представителем другой – противоборствующей элиты, возглавляемой Г. М. Маленковым. В сталинизме понятие *предательство* могло быть применимо только внутри отдельных политических элит – как нарушение неписаных партийных заповедей. Таков был дух сталинской эпохи: человеческая чистота и честность заменялись жесткими требованиями партийной морали. В покаянных письмах Куприянова на имя Сталина, написанных перед арестом 17 марта 1950 года, называлось немало фамилий партийных, военных и государственных руководителей, с которыми он вел беседы на политические темы (И. Д. Папанин, А. А. Кузнецов, П. С. Прокконен, В. М. Виролайнен, Ю. В. Андропов, Ф. Д. Гореленко и др.). В этом Куприянов раскаивался, но, как он утверждал, эта «ошибка» никому не принесла вреда: «Никто из упомянутых в моем заявлении лиц не был подвергнут из-за этого репрессии. Да и в самом заявлении я писал Сталину, что все они честные люди, “если виноват, так это я, судите меня, я не прошу пощады”»². Однако в условиях политического режима того

времени подобные разговоры для их участников могли иметь реальные опасные последствия в виде лишения занимаемой должности, а также были чреваты угрозой оказаться в местах не столь отдаленных. Недавний партийный руководитель республики хорошо знал правила системы. В исповеди Куприянова 1971 года есть двусмысленная фраза: «Мне не в чем упрекнуть себя. Я никому не причинил зла ради самого зла» (цит. по: [15: 408]).

Куприянов всегда публично позиционировал свою принадлежность к ленинградской политической элите. В 1960-е годы он написал в своих тетрадах: «Мы гордимся тем, что мы ленинградцы. Кто бы мог тогда, зимой 1942 г., в самые страшные дни блокады, подумать, что Кузнецов [А. А.], Попков [П. С.], Капустин [Я. Ф.], Соловьев [Н. В.], Иванов [В. Н.] будут расстреляны с ведома и согласия Политбюро <...> Главная их вина – они были умнее, чем окружавшие Сталина подхалимы и интриганы. А Сталин и его приближенные не любили людей умнее и честнее себя»³. Для него А. А. Кузнецов ассоциировался с образом самого «душевного и близкого друга»⁴. В 1950 году Куприянову вынесли приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, его обвинили в «проведении изменническо-подрывной и вредительской деятельности» и «преступной связи с Кузнецовым А. А.»⁵.

Куприянов стал одной из многочисленных жертв системы, которая его породила, воспитала и продвинула наверх. Запоздалое прозрение Куприянова произошло не в предвоенные и не в послевоенные годы, когда в сталинском фаворе была ленинградская партийная группировка во главе с А. А. Ждановым, а после того, когда он сам оказался жертвой сталинской системы. Прозрение пришло после 6 лет тюрем и лагерей по «ленинградскому делу» (1950–1956), когда бывшему партийному руководителю и бывшему генералу выбили зубы, искалечили руки, подвергли унижительным и садистским физическим пыткам и издевательствам. Куприянов писал: «Это были времена самого страшного кровавого режима личной, ничем не ограниченной власти Сталина»⁶. Однако раскаяния с его стороны не было. Утверждая, что нельзя «валить все только на Сталина»⁷, он подразумевал не себя, а других партийцев, считал, что всегда честно выполнял долг члена партии. В медицинском заключении Бутырской больницы ему был поставлен диагноз – «потеря чувства дистанции». В тюремной рукописи под названием «Чувство дистанции» Куприянов определил этот термин следующим образом: «Это чувство суверенного страха у людей рабского воспитания. Это страх перед сталинскими методами управления страной. Это омерзительное, холопское самоунижение...» (цит. по: [15: 405]).

После реабилитации Куприянов в числе виновных в создании системы сталинизма называл многих партийных и государственных деятелей,

в том числе своего прежнего ленинградского покровителя Жданова, на которого возложил основную ответственность за репрессии против финнов-ингерманландцев в Ленинградской области⁸. Обада на некоторых бывших «товарищей по Ленинграду», помимо Жданова, нашла особенно резкое выражение в отношении персоны бывшего второго секретаря Ленинградского обкома партии, члена Военного совета Карельского фронта Т. Ф. Штыкова, охарактеризованного Куприяновым в качестве «человека недалекого».

Ленинградской партийной элите противостояла противоборствующая политическая группировка во главе с Г. М. Маленковым, в орбите влияния и сотрудничества с которым находились также Берия. К ней относились доверенные лица Маленкова из ближайшего окружения: М. Ф. Шкирятов (зам. председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)), секретари ЦК ВКП(б) и члены Оргбюро ЦК П. К. Пономаренко и Н. С. Патоличев, Н. М. Пегов (первый секретарь Приморского крайкома партии, затем зав. отделом легкой промышленности ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК), Н. А. Михайлов (первый секретарь ЦК ВЛКСМ, член ЦК ВКП(б) и Оргбюро ЦК партии), М. А. Шамберг и Г. П. Громов (зав. орги ЦК партии; сын Шамберга был женат на дочери Маленкова), Г. Ф. Александров (начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК), Н. Н. Шаталин (зам. начальника Управления кадров ЦК, член Оргбюро ЦК) и др. Доверенные лица обеспечивали поддержку Маленкову в Оргбюро (в качестве членов этого органа) и Секретариате ЦК партии. В данной партийной группе оказалась Ю. В. Андропов. Представляется, что в приобщении Андропова к маленковской партийной группировке основная роль принадлежит Н. А. Михайлову, который сотрудничал с Андроповым на протяжении многих лет. Михайлов являлся бессменным руководителем ЦК ВЛКСМ в течение 14 лет (1938–1952). Он возглавлял молодежную организацию страны в период оформления и укрепления системы сталинизма. В 1939 году стал членом ЦК ВКП(б) и, как свидетельствуют архивные документы, одним из наиболее активных членов Оргбюро ЦК партии в периоды, когда работой этого органа руководил Маленков.

По свидетельству Куприянова, «Андропов получил большое доверие у Маленкова и Берии»⁹. В личном фонде Маленкова в РГАСПИ отложились документы, проливающие свет на важные нюансы их взаимоотношений. В период, когда Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС, к нему обратился по телефону пенсионер Маленков – он настаивал на личной встрече. Сохранилось письмо, в котором содержалась загадочная фраза: «У меня есть основания к настойчивости в просьбе о моей встрече» (курсив наш. – Ю. В.)¹⁰. Маленковская недомолвка, выраженная в данной фразе, может свидетельствовать о негласном моральном праве автора письма

к подобной настойчивости. Тайну из прошлого могли знать только они.

Гипотетически второй секретарь ЦК Компартии КФССР Андропов мог выступить в защиту руководителя республиканской партийной организации Куприянова – это означало разделить его судьбу. Был и другой вариант: найти отговорки, промолчать, сослаться на незнание дела – его неизбежно ожидала бы та же участь. По предположению Р. А. Медведева, автора политической биографии Андропова в серии «ЖЗЛ», Андропов сознательно выбрал третий путь: он выступил с унижительной самокритикой и поддержал все обвинения в адрес Куприянова. Объяснение подобному поступку сформулировано следующей фразой: «Занимать в тоталитарной системе высокий пост и не предавать время от времени своих друзей, соратников или просто ни в чем не повинных людей было невозможно. Здесь каждый сам делал свой выбор, и каждый сам искал оправдания своим прегрешениям» [9: 29]. Эту жесткую и однозначную позицию поддерживает карельский исследователь Ю. В. Шлейкин, автор биографической хроники Ю. В. Андропова (см.: [18: 237]).

Предшественник Андропова на посту председателя КГБ В. Е. Семичастный в своих мемуарах высказал следующее мнение о «ленинградском деле»: Андропов «выглядел в этой истории не самым лучшим образом», «... Мне известно, что после смерти Куприянова руководители теперь уже Карельской автономной социалистической республики передали две объемные тетради с его записями, сделанными им во время пребывания в тюрьме, Шелепину, а тот – Брежневу. В записях утверждалось, что и Андропов приложил свою руку к тому, что некоторые ленинградцы оказались среди репрессированных». И далее, «что было сделано с этими тетрадями, каков их дальнейший путь, никому и ничего не известно. Их можно было передать в прокуратуру, а можно было и поберечь на всякий случай, дав знать Андропову, что они существуют» [13: 415]. Семичастный сообщил также, что в середине 1960-х годов в ЦК КПСС поступило письмо из Ленинграда, в котором Андропов обвинялся в причастности к «ленинградскому делу». Из ЦК оно было передано на рассмотрение в Комитет партийного контроля, оттуда – в КГБ (в это время его возглавлял Семичастный). По описанию Семичастного, чекисты провели расследование, которое показало, что «часть сведений действительно имела место», однако «главным виновником репрессий Андропов, конечно же, не был» [13: 416]. По поводу данной истории в своих мемуарах Семичастный сделал следующий вывод: рассмотрение дела не получило никаких последствий, поскольку «Андропов был подходящей фигурой для Брежнева» [13: 416]. Ожидания со стороны Семичастного, в воспоминаниях которого сквозила неприкрытая обида на Андропова, который заменил его в КГБ после скандальной

отставки от занимаемой должности, были выражены в короткой характеристике: Андропов – человек «в высшей степени беспринципный и бесхарактерный» [13: 458].

В отношении одного из приведенных выше сюжетов возникли обоснованные сомнения. Речь идет об утверждении, что после смерти Куприянова руководители Карельской АССР (в 1956 году бывшая союзная Карело-Финская республика стала автономной в составе РСФСР) передали две объемные тетради с его записями, сделанными им во время пребывания в тюрьме, А. Н. Шелепину (предшественник Семичастного сначала в должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, затем – председателя КГБ при СМ СССР), а тот – Л. И. Брежневу. Руководители Карелии не могли это сделать. В воспоминаниях Куприянова давалась нелицеприятная оценка поведению в годы войны ряда руководителей Карелии 1960-х – 1970-х годов: первому секретарю Карельского обкома КПСС И. И. Сенькину, председателю Президиума Верховного Совета Карельской АССР П. С. Прокконену. Руководители республики оказывали категорическое противодействие публикации книги Куприянова в Карелии, хотя она неоднократно включалась в планы издательства «Карелия», но затем снималась по указанию сверху.

Через семь лет после издания мемуаров Семичастного, в 2009 году, в газете «Известия» появилось его интервью, данное журналисту Н. Добрюхе. В этой публикации вновь в центре внимания оказались две «тяжелые карельские тетради» Куприянова («об излишнем усердии Андропова») в так называемом расстрельном «ленинградском деле». Сообщалось, что «во времена Берии и Маленкова, когда старость начала брать верх даже над таким человеком, как Сталин, разгорелась страшная борьба за его власть и вылилась в “ленинградское дело”. В этом кровавом деле сыграл свою роль и Юрий Андропов. . .». В интервью было сказано, что Куприянов написал целое досье на Андропова, в котором утверждалось, что репрессии были делом рук Андропова. Досье попало в распоряжение Брежнева. По рассказу Семичастного, он поручил сотрудникам КГБ все выяснить¹¹.

Несложно увидеть разночтения повествования в данном интервью с мемуарами Семичастного. Исчезли важные свидетельства – как «тяжелые карельские тетради» попали к Брежневу, а также факты о расследовании письма из Ленинграда. Возможно, виновато время, стирающее из памяти очевидцев события прошлого. Или журналисты, печатающие интервью и помогающие авторам в написании мемуаров, проявили чрезмерное усердие, чтобы оживить сюжеты яркими красками на потребу читателей. А может быть, прав был генерал В. А. Кирпиченко, который заметил, что в Семичастном «было больше комсомольского задора, чем политической мудрости» [6: 152]. Ведь знаменитый руководитель внешней разведки работал в КГБ и при Семичастном, и при

Андропове и мог сравнивать. Андропова он считал выдающимся государственным деятелем.

Однако критическая тональность Семичастного значительно уступает обличительному настроя ряда других авторов. Так, С. Н. Семанов утверждал: «...преданность Андропова своему начальнику не выдержала первого же испытания. Он, как и ряд других его коллег, “дал материал” (то есть политические обвинения) по начавшемуся в Петрозаводске “делу Куприянова”». 24–25 января 1950 года состоялся пленум ЦК Карело-Финской республики, где Андропов «обвинил своего шефа во всех смертных грехах, да еще покался, что своевременно его не разоблачил» [12: 29]. Критики Андропова, не располагая достоверными документами, нередко ссылаются друг на друга. Семанов писал: «Вот тележурналист Л. Млечин рассказал, будто бы А. Шелепин видел даже донос Андропова на Куприянова. Возможно. Однако несчастный Куприянов был обречен, ибо судьба его накануне пленума в Петрозаводске уже была предрешена в Москве. В этих условиях защищать Куприянова мог бы только герой или сумасшедший. Но вот Юрий Владимирович ни тем, ни другим никогда не был» [12: 30]. Заключение получилось глубокомысленным. Только оно никак не связано с первым тезисом. «Дело Куприянова» в КПК, в котором содержатся показания Андропова в качестве одного из письменных показаний 44 свидетелей (!), составлялось позднее решений партийных органов в Москве об освобождении Куприянова с руководящей должности. Арест последовал через два месяца после снятия с должности.

Журналист Л. Млечин запустил в обиход тему «доноса», который рассматривается как важное обвинительное свидетельство со стороны многих любителей написания политической биографии Андропова. В книге Млечина читаем: «Александр Николаевич Шелепин рассказывал, что в бытность председателем КГБ он видел форменный донос на Куприянова, подписанный Андроповым. Уже в брежневские времена Шелепин прямо сказал об этом Андропову и предупредил, что поставил об этом в известность Брежнева. Зачем ты это сделал? – обреченно произнес Андропов. Но он напрасно испугался. Эта история не помешала Брежневу сделать Андропова председателем КГБ. Леонид Ильич, как и многие властители, любил держать на ключевых постах людей, в чем-то замешанных. Они служили рьяно и преданно» [11: 52–53]. По утверждению Млечина, «посадили практически всех руководителей республики, кроме Андропова» [11: 51]. По его оценке, «многие петрозаводские историки считают, что во время чистки перепуганный Юрий Владимирович топил товарищей по партии, чтобы уцелеть самому» [11: 52]. Хотелось бы уточнить: каких историков имеет в виду автор, какие версии предлагаются и насколько они достоверны? Однако до сих пор никто из исследователей не назвал новых имен репрессированных

по «ленинградскому делу» в Карелии, помимо нескольких фамилий, приведенных Г. Н. Куприяновым в его тетрадных записях.

После того, как открылся доступ к архивному фонду Куприянова в начале 1990-х годов, ряд имен обнародован. В частности, в числе первых их перечислил писатель И. Минутко. Однако в претензии на сенсацию получился некий казус. В своих архивных записях Куприянов нередко указывал инициалы персонажей неверно. В результате они переключались на страницы книжных изданий. Так, Минутко вслед за Куприяновым повторил, что «по инициативе Андропова арестованы»: И. В. Власов, В. М. Виролайнен, И. Р. Соляков (правильно: П. В. Соляков), А. А. Трофимов, М. М. Бульякова (правильно: М. В. Бульякова). Никак не заслужил столь резкой критики со стороны писателя С. П. Татауршиков, который якобы действовал по указанию Андропова [10: 70–72]. Писатель С. Чертопруд, в свою очередь, повторил с ошибками текст Минутко [17: 82]. Оба автора допустили грубые ошибки в оформлении научно-справочного аппарата: в частности, неверную транслитацию куприяновских записей фамилий (так, П. В. Сепяков оказался у обоих Селеяковым). Чертопруд повторил слова Млечина о «форменном доносе» Андропова на Куприянова [17: 77].

Изучение текста письменных показаний Андропова из «дела Куприянова», впервые опубликованных автором данной статьи (см.: [2]), позволило констатировать, что содержание приведенных фактов соответствовало действительности. Они являются достоверным материалом, характеризующим репутацию бывшего руководителя партийной организации Карелии. Работники КПК во главе с инспектором ЦК ВКП(б) С. И. Колесниковым, которому было поручено заниматься этим делом, шепетильно проверяли информацию, проводили беседы и получали письменные объяснения, сообщения, заявления свидетелей по делу, названных в показаниях Андропова, которые сопоставлялись с информацией других многочисленных свидетелей. Следует отметить, что в данном деле ни сам Куприянов, ни другие арестованные не отказывались называть Андропова среди своих «соучастников». В этом Андропов мог убедиться сам: известно, что, став председателем КГБ, он попросил помощников принести ему из архива «дело Куприянова». Его письменные показания, о которых сообщал А. Н. Шелепин как о «форменном доносе» (Млечин не уточнил источник своей информации), не были изъяты как компромат на советского партийного и государственного деятеля. Это является свидетельством того, что по прошествии почти двух десятилетий Андропову как автору этих показаний нечего было скрывать – все изложенные в 6-страничной записке факты имели основание. Благодаря Андропову «дело Куприянова», которое могло быть изъято из архива целиком (или уничтожено),

вернулось на свое прежнее место и осталось ожидать своих будущих исследователей. В этой связи следует также подчеркнуть, что благодаря поддержке и помощи Андропова в Ленинграде и Петрозаводске были опубликованы две книги воспоминаний Куприянова. Без его участия они остались бы лежать не востребуемыми в виде рукописных записей мемуариста в многочисленных школьных тетрадках. Кстати, сравнение текста опубликованных книг и архивных записей показывает, что квалифицированные редакторы Лениздата и издательства «Карелия» проделали весьма качественную и трудоемкую работу по доработке рукописей до достойного уровня.

Один из обсуждаемых вопросов, связанных с политической биографией Андропова, – тема его покровителей. С карельских времен покровителем Андропова стал О. В. Куусинен. 1950 год преподал Андропову суровый урок политического выживания, благодаря Куусинену молодой партийный руководитель осваивал науку политической борьбы. По свидетельству И. Е. Синицина, помощника председателя КГБ Ю. В. Андропова по вопросам политбюро ЦК КПСС в 1973–1979 годах, однажды Андропов сказал, что его «практически спас от репрессий в связи с “ленинградским делом” выдающийся финский социал-демократ, а затем большевик Отто Вильгельмович Куусинен» [14: 19]. Это признание о роли Куусинена в судьбе Андропова оказалось неожиданным для Синицина: «...откровение прозвучало из глубины души за много лет бесед и обсуждений различных вопросов» [14: 20]. Информированный и образованный помощник Андропова был сыном генерала Е. Т. Синицына, многие десятилетия работавшего в области внешней разведки (разночтение одной буквы в написании фамилии – ошибка паспортистки). По версии бывшего помощника Андропова, в период борьбы партийных группировок, связанной с «ленинградским делом», Куусинен остался в стороне от этой драки и сумел вытащить из нее своего любимца – молодого партийного руководителя Андропова (см. [14: 20]). По предположению Синицына, это он сделал, «пользуясь своими скрытыми, но достаточно близкими отношениями со Сталиным» [14: 215]. Однако данному заключению противоречит другое свидетельство человека, хорошо знавшего О. В. Куусинена, – его жены Айно Куусинен. В ее мемуарах содержатся критические признания в отношении своего высокопоставленного мужа: «Он ни разу даже пальцем не пошевелил, чтобы уберечь меня от тюрем и лагерей» [7: 208]; «он всегда держал нос по ветру <...> Я не смогла вспомнить ни одного случая, когда бы Куусинен помог кому-нибудь в беде <...> Когда в Карелии был арестован сын Отто, он и пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь [7: 211]; «он отказывался помогать кому-либо даже в мелочах» [7: 212]. Айно Куусинен констатировала: «Он научен был горьким опытом не полагаться только на свое мнение, когда

надо было оценить чей-либо характер или способности. Внимательно выслушивая других, он уточнял свое представление о человеке. Был он крайне осторожен, всеми средствами старался избежать ошибок в оценках» [7: 26]. Кто же прав в этом заочном споре? Несомненно, О. В. Куусинен дистанцировался от противостояния между партийными группировками Маленкова и Жданова. Следуя своим правилам, он не вмешивался в жестокое подавление ленинградской элиты в 1949–1950 годах. Но карельская партийная и государственная элита прекрасно знала, что он относился к Андропову с вниманием и симпатией. Когда Андропов оказался фигурантом «ленинградского дела», Куусинен как опытный политик, следуя своим правилам невмешательства в политическое противостояние партийных группировок во власти, отдавая предпочтение испытанным коминтерновским скрытым методам ведения политической борьбы, консультировал своего молодого ученика, давал советы и рекомендации о линии поведения в отношении опального Куприянова, о позиции в партийном активе в Карелии и в отношении недоброжелателей. В конце 1949 – 1950 году Андропов подолгу бывал в командировках в Москве. Своего покровителя он посещал не только в его московском рабочем кабинете, но и нередко навещал дома – дорога в квартиру № 19 в первом подъезде, на 10-м этаже в Доме правительства на набережной Москвы-реки была ему хорошо знакома.

О. В. Куусинен, политический тяжеловес в советском руководстве страны, оказал Андропову содействие в последующем выдвижении. Здесь можно предложить следующую версию. 26 апреля 1951 года Куусинен был на совещании у Сталина (21.00–22.25), в котором принимали участие В. М. Молотов и Вилле Песси, генеральный секретарь Компартии Финляндии¹². Сталина беспокоила ситуация, сложившаяся в компартии Финляндии в начале 1950-х годов: в партии появились конфликты и разногласия в руководстве. Многих молодых партийцев не устраивала политика руководства, они требовали замены генерального секретаря на IX съезде КПФ осенью 1951 года. В тайных переговорах у Сталина 26 апреля было принято решение, что Песси сохранит свой руководящий пост. На IX съезде КПФ в ноябре 1951 года он был вновь избран генсеком партии и членом политбюро¹³.

На переговорах И. В. Сталина, В. М. Молотова, О. В. Куусинена и В. Песси в апреле 1951 года проблемы Финляндии обсуждались в связи с северо-западным регионом СССР. Еще с 1920–1930-х годов в Коминтерне, а также в советском руководстве сложилась традиция рассматривать Финляндию в более тесной связке с прибалтийскими государствами, а не со скандинавскими странами. В послевоенные годы подобный взгляд в сталинской тайной дипломатии сохранился, хотя Прибалтика являлась частью СССР. Однако советскому руководству приходилось непросто

в попытках выкорчевывания в новых советских республиках так называемого буржуазного национализма. В решении вопросов северо-западного региона и Финляндии к мнению Куусинена относились как к оценке авторитетного и глубокого эксперта и знатока. По свидетельству Айно Куусинен, «Сталина он был необходим, это был его логос. Сталин мало знал о капиталистических странах, о дипломатии, а Куусинен был искусный дипломат, хорошо знал обстановку в других странах. Он устраивал Сталина еще и тем, что всегда оставался в тени <...> Он умел так ловко изложить Сталину свои предложения, что тот принимал мысли Отто за свои собственные» [7: 210]. Однако у Куусинена был серьезный недостаток: как отметила А. Куусинен, «у Отто не было абсолютно никаких организационных способностей» [7: 35]. Это был политик, теоретик, работа его проходила «за кулисами» (см.: [7: 214]). В Советском Союзе, особенно после «ленинградского дела», ощущалась острая нехватка нестандартно мыслящих, опытных руководителей, хорошо знающих северо-запад и Скандинавию. Вот тогда и прозвучала кандидатура молодого и уже опытного партийного работника из Карело-Финской ССР Юрия Андропова. Он был необходим Куусинену как перспективный работник в области тайной дипломатии, способный организовать реализацию внешней политики советского руководства и взаимодействие с компартиями за рубежом. Эта работа требовала знаний, опыта, способностей. В этой связи примечательна рукописная характеристика Песси, данная Куусиненом по просьбе руководства ЦК ВКП(б): «Песси является убежденным коммунистом, серьезно и ответственно относится к работе. Но в сложной послевоенной обстановке чувствует себя политически и теоретически недостаточно подготовленным для порученной ему руководящей работы. В этом заключается причина его излишней настороженности и неуверенности»¹⁴. В условиях развернувшейся холодной войны СССР с Западом интересы внешней политики СССР требовали проведения постоянной работы и организации контактов с руководителями зарубежных компартий, чтобы они оставались в орбите советского влияния.

В своих воспоминаниях И. Е. Синицин сформулировал причину, почему Куусинен, «круп-

ный, международного масштаба деятель», способствовал продвижению молодого Андропова в Москву: «...видный деятель КПСС и Коминтерна явно “положил глаз”, что называется, на молодого и талантливого партийца Андропова. Он явно увидел в нем, как и Сталин, достаточно перспективного деятеля <...> Юрий Андропов стал любимым учеником Куусинена» [14: 215]. Произошло это, как свидетельствуют архивные документы, впервые опубликованные автором данной статьи, еще в военные годы (см.: [1], [3]). Уже 21 июня 1951 года Андропов был утвержден инспектором ЦК ВКП(б). В этой должности он занимался вопросами работы партийных организаций прибалтийских республик.

По оценке И. Е. Синицина, «многие качества Андропов перенял именно у Куусинена: мудрая осторожность, скрытность, умение и желание действовать за кулисами, равнодушие к почестям и наградам» [14: 212]. В связи с данной характеристикой можно обратиться к описанию характера и образа Отто Куусинена в мемуарах Айно Куусинен. Очень многие штрихи из этой характеристики обнаруживаются в позднем Андропове. Так, Айно Куусинен писала: «Я сидела часами, стараясь понять, что за человек был Куусинен. Никакие кремлевские архивы – даже если их когда-нибудь откроют – не смогут дать объективного представления об его характере, его личности...» [7: 209]. И далее: «Мудрая осторожность, сильное чувство самосохранения были его главными качествами...» [7: 211]. Как и ранее Куусинен, Андропов в брежневское время не примыкал ни к каким партийным группам. В частности, он дистанцировался от группировки «комсомольцев» в КПСС, лидером которых был А. Н. Шелепин (к ней принадлежали В. Е. Семичастный, Б. С. Бурков, Н. Н. Месяцев и др.).

Ю. В. Андропов, получив огромный опыт тайной дипломатии в Венгрии, в 1957 году возглавил отдел по работе с компартиями социалистических стран. Его непосредственным руководителем стал секретарь ЦК КПСС, член президиума (политбюро) ЦК О. В. Куусинен, в ведение которого входила внешняя политика СССР, а также в значительной степени и вопросы идеологии. В 1961 году Андропов был избран в состав членов ЦК КПСС, в 1962 году стал секретарем ЦК партии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-3435 (Г. Н. Куприянов. Личный фонд). Оп. 1. Д. 121. Л. 22, 23.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 3. Д. 6265. Л. 296.

³ НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 214. Л. 124–125.

⁴ Там же. Л. 106.

⁵ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6265. Л. 98.

⁶ НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 244. Л. 10.

⁷ НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 244. Л. 46.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 198. Л. 170б.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 83 (Г. М. Маленков. Личный фонд). Оп. 1. Д. 35. Л. 213об.

¹¹ Неизвестный Андропов // Известия. 2009. 19 июня (№ 107). С. 5.

¹² См.: Исторический архив. 1997. № 1. С. 21.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 269. Д. 17 (Личное дело Вилле Песси). Л. 103.

¹⁴ Там же. Л. 138.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Ю. А. Невидимая война: аналитическая разведка // Исторический архив. 2017. № 1. С. 98–115.
2. Васильев Ю. А., Шепелев В. Н. Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок «Ленинградского дела». 1949–1950 гг. // Исторический архив. 2016. № 3. С. 3–31.
3. Васильев Ю. А. Тайны «Могикана» (К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 200 с.
4. Веригин С. Г. Ю. В. Андропов в воспоминаниях первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы V междунар. науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 26–33.
5. Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. 448 с.
6. Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. Изд. 2-е, доп. М.: Междунар. отношения, 2001. 400 с.
7. Куусинен А. А. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. 240 с.
8. Лельчук В. С. Апогей и крах сталинизма. М.: ИРИ РАН, 1998. 248 с.
9. Медведев Р. А. Андропов. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 434 с.
10. Минутко И. А. Юрий Андропов. Реальность и миф. М.: АСТ-Пресс, 2004. 352 с.
11. Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008. 511 с.
12. Семанов С. Н. Секретная миссия Андропова. М.: Яуза-каталог, 2014. 352 с.
13. Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. 458 с.
14. Синицин И. Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М.: Центрполиграф, 2015. 512 с.
15. Тихонов О. Н. Свидетель: Документальный роман. Петрозаводск: Карелия, 1990. 526 с.
16. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
17. Чертопруд С. В. Юрий Андропов: тайны председателя КГБ. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 512 с.
18. Шлейкин Ю. В. Андропов. Карелия. 1940–1951...: Биографическая хроника. Петрозаводск: Острова, 2014. 288 с.

Vasiliev Yu. A., Journal “Vlast (Authority)”, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

POLITICAL ELITE OF THE KARELO-FINNISH SSR IN THE PERIOD OF LATE STALINISM

Echo of the “Leningrad case” in the Karelo-Finnish SSR is highlighted, revealing the tragic aspect of the functioning mechanism of the party system in the USSR in the period of late Stalinism. The post-war period is personified through the experience of political survival in conditions of the Stalinist model of political power at its apogee. It is shown that an important part of the formation of the system of supreme power was the nomination of young leaders who made a dizzying career. Among them were the leading political figures of Karelia – G. N. Kupriyanov and Yu. V. Andropov. The author’s position related to the study of relationships in the leadership of Karelia is based on the view of this problem through the prism of confrontation and struggle of the factions in the party system of the late Stalinist period. Both party leaders of the republic were schoolers of the same Stalinist system, who by the twist of fate found themselves in different political groups. Yu. V. Andropov turned out to be a representative of the party elite, headed by G. M. Malenkov, who opposed Leningrad, which was headed by A. A. Zhdanov – its representative was Kupriyanov. Participants of different party groups were nominees and simultaneously hostages of the unified political system; frequently they became its victims. Key words: late Stalinism, political system, Karelian-Finnish SSR, “Leningrad cause”, G. N. Kupriyanov, Yu. V. Andropov, O. V. Kuusinen

REFERENCES

1. Vasiliev Yu. A. Invisible War: Analytical Intelligence [Невидимая война: аналитическая разведка]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. 2017. № 1. P. 98–115.
2. Vasiliev Yu. A., Shepelev V. N. The struggle of political elites in conditions of late Stalinism. Karelian after-sound of “Leningrad case”. 1949–1950 [Bor’ba politicheskikh elit v usloviyakh pozdnego stalinizma. Karel’skiy otgolosok “Leningradskogo dela”. 1949–1950 gg.]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. 2016. № 3. P. 3–31.
3. Vasiliev Yu. A. *Tayny “Mogikana” (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. V. Andropova)* [Secrets of “Mohican” (The 100th anniversary of Yuri Andropov)]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo un-ta, 2014. 200 p.
4. Verigin S. G. Yu. V. Andropov in the memoirs of the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Karelian-Finnish SSR G. N. Kupriyanova [Yu. V. Andropov v vospominaniyakh pervogo sekretarya TsK KP(b) Karelo-Finskoy SSR G. N. Kupriyanova]. *Istoricheskie chteniya na ul. Andropova, 5. Istoriya organov bezopasnosti: Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014. P. 26–33.
5. Gordienko A. A. *Kupriyanov i ego vremya* [Kupriyanov and his Epoch]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 2010. 448 p.
6. Kirpichenko V. A. *Razvedka: litsa i lichnosti* [Intelligence: persons and individuals]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2001. 400 p.
7. Kuusinen A. A. *Gospod’ nizvergaet svoikh angelov: Vospominaniya, 1919–1965* [The Lord casts down his angels: Memories, 1919–1965]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991. 240 p.
8. Lelychuk V. S. *Apogey i krakh stalinizma* [The apogee and collapse of Stalinism]. Moscow, IRI RAN Publ., 1998. 248 p.
9. Medvedev R. A. *Andropov* [Andropov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 434 p.
10. Minutko I. A. *Yuriy Andropov. Real’nost’ i mif* [Yuri Andropov. Reality and myth]. Moscow, AST-Press Publ., 2004. 352 p.
11. Mlechin L. M. *Yuriy Andropov. Poslednyaya nadezhda rezhima* [Yuri Andropov. The last hope of the regime]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2008. 511 p.
12. Semanov S. N. *Sekretnaya missiya Andropova* [The Secret Mission of Andropov]. Moscow, Yauza-katalog Publ., 2014. 352 p.
13. Semichastny V. E. *Bespokoynoe serdtse* [Restless heart]. Moscow, Vagrius Publ., 2002. 458 p.
14. Sinitsin I. E. *Andropov vblizi. Vospominaniya o vremenakh ottepeli i zastoya* [Andropov is near. Memories of the period of thaw and stagnation]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 512 p.
15. Tikhonov O. N. *Svidetel’: Dokumental’nyy roman* [Witness: Documentary novel]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1990. 526 p.
16. Khlivniuk O. V. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury* [Proprietor. Stalin and approval of Stalin’s dictatorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 479 p.
17. Chertoprud S. V. *Yuriy Andropov: tayny predsedatelya KGB* [Yuri Andropov: Secrets of the Chairman of the Committee of State Security]. Moscow, Iauza, Eksmo Publ., 2006. 512 p.
18. Shleikin Yu. V. *Andropov. Kareliya. 1940–1951...: Biograficheskaya khronika* [Andropov. Karelia. 1940–1951...: Biographical chronicle]. Petrozavodsk, Ostrava Publ., 2014. 288 p.

Поступила в редакцию 25.04.2017

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАБАТОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Института филологии и истории, заведующий лабораторией археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова (Кострома, Российская Федерация)
kabatov74@mail.ru

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА КУРОЧКИНА

кандидат исторических наук, доцент, консультант управления по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (Йошкар-Ола, Российская Федерация)
kurochkina-sveta@bk.ru

СЕРГЕЙ ЯКУБОВИЧ АЛИБЕКОВ

доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой машиностроения и материаловедения Института механики и машиностроения, Поволжский государственный технический университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)
kmim@volgatech.net

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ КЕРАМИЧЕСКИХ ГРУЗИЛ СЕЛИЩА ВЁЖИ (КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Рассматривается один из видов специализированного рыболовного инвентаря селища Вёжи – керамические грузила, которые соотносятся с тремя группами костромской керамики: красноглиняной, сероглиняной, чернолощенной. По форме керамические грузила делятся на два вида: овальные и сферические. Красноглиняные овальные грузила в массовом количестве встречаются в слоях второй половины XVII – середины XIX века, а сферические сероглиняные и чернолощенные грузила – в слоях первой половины XV – середины XIX века. Грузила обоих видов изготовлены местными гончарами. Для более точного определения состава формовочной массы были использованы естественно-научные методы: термическая обработка, метод бинокулярной микроскопии, химический рентгенофлуоресцентный анализ. Местные гончары использовали жирные глиноземные и тощие кремнеземные глины из нескольких сырьевых источников. Основная часть грузил изготовлена из среднезапесоченной ожелезненной глины без искусственных добавок, но в некоторых образцах в качестве искусственных примесей фиксируются песок и дресва. Вёжские керамические грузила применялись для оснащения небольших волоковых сетей. Их форма приспособлена для того, чтобы они свободно катились по дну реки, не цепляясь за препятствия.

Ключевые слова: рыболовный инвентарь, керамические грузила, волоковые сети, естественно-научные методы, термическая обработка, метод бинокулярной микроскопии, химический рентгенофлуоресцентный анализ

В XVI–XVIII веках в среде сельского населения Костромского Поволжья развивается рыболовный промысел. Жители селища Вёжи, основанного в благоприятной для данного промысла Костромской низине, избилующей реками и озерами, не составили исключения. Его местонахождение (левый берег р. Идоломки – это бассейн р. Костромы) и топографические условия располагали местных жителей к активному использованию водных ресурсов. Археологические исследования селища выявили большое количество предметов, связанных с рыболовным промыслом: глиняные и каменные грузила, берестяные поплавки, кованые крючки. Многолетние исследования селища Вёжи (первые раскопки начинаются в 1996 году) и публикации по основным итогам и результатам исследований различных хозяйственных и бытовых аспектов жизни поселения подготовили почву для

детального и скрупулезного изучения вопроса, связанного с рыболовством, идентификацией его формата и определением его места в хозяйстве жителей.

В настоящей статье рассматриваются керамические грузила селища Вёжи. Использование естественно-научных методов при их анализе позволяет получить более подробную информацию о технологических особенностях их изготовления местными мастерами в период с первой половины XV века до середины XIX века. В ходе археологических исследований на селище найдено 2536 грузил, из которых керамических – 2531, каменных – 5 (табл. 1). Согласно классификации А. В. Кузы, грузила по назначению и способу относятся к одной из групп рыболовного инвентаря – к сетям [3: 35]. По мнению А. Б. Мазурова и Е. А. Цепкина, грузила являются специализированным рыболовным инвентарем, цвет,

форма и размер которых имеют хронологическое значение [5: 130]. Согласно классификационной схеме костромской керамики, грузила соотносятся с 3 группами керамики: красноглиняной, сероглиняной, чернолощеной. Для выделения видов

внутри данных групп была использована классификационная схема, предложенная А. Б. Мазуровым и Е. А. Цепкиным (для Коломенского Поочья), но с учетом специфики местного материала [5: 130] (рис. 1).

Таблица 1

Распределение керамических грузил селища Вёжи

Ярус/датировка	Красноглиняные	Сероглиняные	Чернолощеное	Ошлакованные	Итого за век / %
1 / середина XIX века	150	330	2	89	
Постройка 1	25	17		2	
Постройка 2	12	24		5	
2 / первая половина XIX века	75	196		117	
Постройка 3	18	12		7	
Постройка 4	11	6			
Итого за XIX век	291	585	2	220	1098 43,38 %
3 / конец XVIII века	75	283		178	
Постройка 5	7	14			
4 / середина – вторая половина XVIII века	38				
Постройка 6	17				
Постройка 7	9	4			
Постройка 8	6				
5 / первая половина XVIII века	22	138	5	5	
Итого за XVIII век	174	439	5	183	801 31,64 %
6 / вторая половина XVII века	29	168		18	
Постройка 12	2	1			
7 / середина XVII века	14	29	1	2	
8 / первая половина XVII века	11	160	3	2	
9 / конец XVI века – начало XVII века	5	1		1	
Итого за XVII век	61	359	4	23	447 17,66 %
10 / середина XVI века	52	1		16	
11 / начало XVI века		17	1	1	
Итого за XVI век	52	18	1	17	88 3,47 %
12 / конец XV века	1	7		3	
Постройка 20		1		2	
13 / середина – вторая половина XV века	2	36			
14 / первая половина XV века	2	29		1	
15 / вторая половина XIV века – начало XV века		7			
Итого за XV век	5	80		6	91 3,59 %
Подъемный материал	2	3	1		6 0,23 %
Итого / %	585 23,11 %	1484 58,63 %	13 0,51 %	449 17,74 %	2531

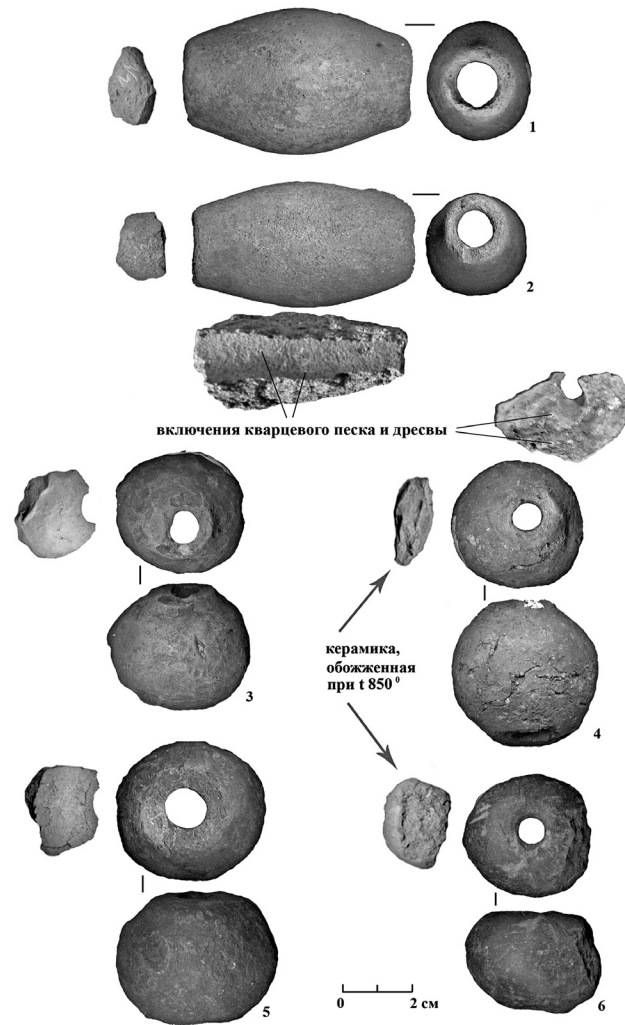

Рис. 1. Керамические грузила селища Вёжи: 1–5 – фрагменты грузил, подвергнутые обжигу в муфельной печи; 2, 4 – фотофиксация примесей (1–2 – красноглиняные; 3–4 – моренные; 6 – чернолощенное)

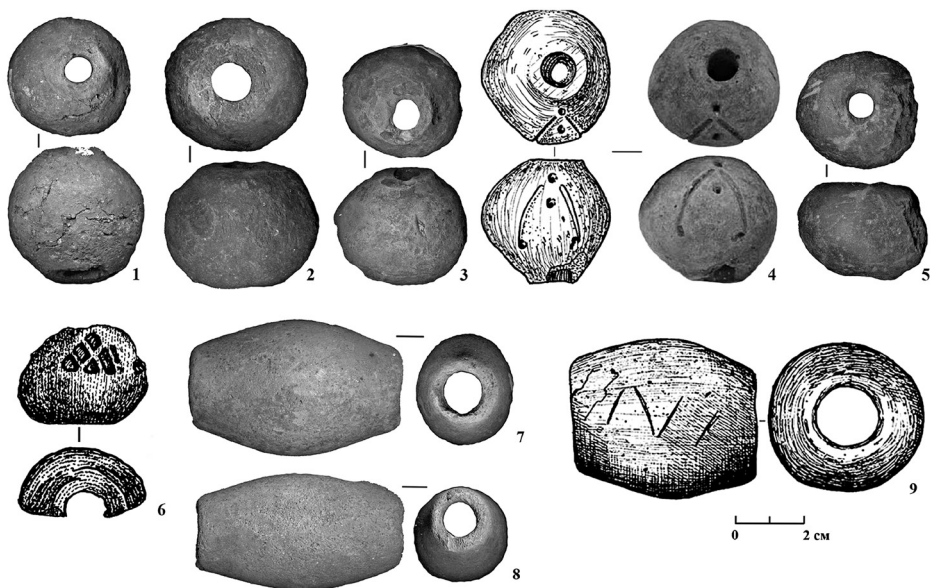

Рис. 2. Керамические грузила селища Вёжи: 1–4, 6 – сероглиняные; 5 – чернолощенное; 7–9 – красноглиняные

По форме керамические грузила селища Вёжи делятся на два вида.

Вид 1. Овальные (боченковидные) грузила в разрезе имеют форму овала (рис. 2/7–9). Всего

на селище грузил данного вида найдено 585 экз., что составляет 23,11 % от общего количества керамических грузил. Их параметры приведены в табл. 2.

Таблица 2

Параметры керамических грузил селища Вёжи

Наименование параметров	Вид грузил		
	Овальные	Сферические	
Длина изделия (см)	5,4–6,2	3,3–4,3	3,0–3,5
Диаметр тулова максимальный (см)	3,8–4,6	4,0–4,7	3,9–4,2
Диаметр тулова минимальный (см)	2,2–4,1		
Диаметр отверстия (см)	1,3–1,8	1,0–1,2	0,9–1,0
Вес изделия (гр)	70–80	40–60	40–59
Группа керамики	красноглиняная	сероглиняная	чернолощенная

Все овальные грузила относятся к одной группе костромской керамики – красноглиняной. Согласно классификации А. Б. Мазурова и Е. А. Цепкина, овальные красноглиняные грузила с селища Вёжи соотносятся с грузилами типа 3 из Коломенского Поочья. В Коломенском Поочье грузила данного типа, изготовленные из кремевой или желтоватой глины с примесью песка, бытовали в XVII–XVIII веках и в первой половине XIX века [5: 130] (см. рис. 1).

На селище Вёжи в массовом количестве красноглиняные овальные грузила присутствуют в слоях второй половины XVII – середины XIX века (см. табл. 1).

Вид 2. Сферические (шарообразные) грузила в разрезе имеют форму шара (рис. 2/1–6). На селище Вёжи сферических грузил найдено 1497 экз., что составляет 59,14 % от общего количества керамических грузил. Их параметры приведены в табл. 2.

В отличие от красноглиняных овальных грузил, сферические грузила соотносятся с двумя группами костромской керамики: сероглиняной и чернолощенной. Причем в количественном соотношении преобладают сероглиняные грузила: 1484 экз., что составляет 58,63 % от общего количества керамических грузил. Чернолощенных грузил за все годы археологических исследований селища найдено 13 экз., что составляет 0,51 % от общего количества керамических грузил.

Вёжские сферические (сероглиняные и чернолощенные) грузила, по классификации А. Б. Мазурова и Е. А. Цепкина, соотносятся с грузилами типа 1 из Коломенского Поочья. В Коломенском Поочье грузила данного типа, красноглиняные и сероглиняные, бытовали в XIII–XV веках [5: 130–131] (см. рис. 1).

На селище Вёжи единичные экземпляры сероглиняных сферических грузил встречаются с первой половины XV века, но их массовое распространение приходится на период с первой половины XVII до середины XIX века.

Сферические чернолощенные грузила, скорее всего, на Вёжах не получили массового распространения. Их единичные экземпляры встречаются в слоях начала XVI – первой половины XVIII века и середины XIX века (см. табл. 1).

Бытование чернолощенных грузил на селище в период с начала XVI века до середины XIX века не противоречит мнению Р. Л. Розенфельдта, что в русских городах появление чернолощенной керамики датируется XVI–XVII веками, а массовая лошенная керамика приходится на XVIII – первую половину XIX века. Моренная керамика получает массовое распространение в XVIII веке [6: 28].

В рассматриваемый период аналогичные грузила встречаются в Москве и Подмосковье, Коломне и других средневековых русских городах.

Форма вёжских овальных и сферических грузил приспособлена для того, чтобы они свободно катились по дну реки, не цепляясь за препятствия. Возможно, ими могли сгружаться небольшие волоковые сети. Волоковыми сетями как бы процеживают воду на определенном участке водоема. Их передвигают, протаскивают, пускают по течению, сводят концами и вытягивают на берег или в лодку [3: 45].

Грузила изготавливались из цельного куска глины, в котором проделывалось отверстие палочкой. Затем оно расширялось вращательным движением. Край отверстия обрабатывался заглаживанием или срезом. Внешнюю поверхность грузила могли загладить или заложить. По мнению Н. Н. Грибова, в XVI веке основная масса рыболовных волоковых грузил изготавливалась уже с помощью гончарного круга. С этого времени фиксируется стандартизация их форм [1: 81].

Визуальное изучение морфологических (внешних) особенностей вёжских грузил, а также их многочисленность (2531 экз.) делают возможным предположение об их местном изготовлении. Для уточнения данного вывода и получения более полной информации о технологии изготовления грузил было решено использовать ряд естественнонаучных методов.

Ранее, в 2015 году, авторами в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2013–2018 годы)» была обработана серия керамических изделий селища Вёжи, в том числе и нескольких керамических грузил. В результате проведенных технико-технологического и естественно-научных анализов получена более подробная информация о технологических особенностях изготовления глиняных изделий на селище Вёжи в XV–XVIII веках [2]. В связи с тем что результаты естественно-научных анализов керамических грузил не были опубликованы, мы вводим их в научный оборот в данной статье. Сразу оговоримся, что исследованиям была подвергнута небольшая выборка из 6 изделий, собранных в 2015 году на участке размывающейся береговой линии о. Вёжи. Данный материал соотносится с керамическим материалом, который встречается на всех строительных горизонтах селища и датируется периодом с первой половины XV века до середины XIX века.

Для анализа вёжских грузил были использованы следующие естественно-научные методы:

1. Термическая обработка (обжиг в муфельной печи SNOL при температуре 850 °C);
2. Метод бинокулярной микроскопии (с использованием микроскопа МБК-10);
3. Химический рентгенофлуоресцентный анализ (применялся портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр (анализатор) S1 TINAN Series).

Все исследования были проведены в лаборатории Поволжского государственного технического университета доктором технических наук С. Я. Алибековым.

В первую очередь необходимо было изучить состав формовочной массы: определить исходное глинистое сырье, выделить естественные и искусственные примеси.

Согласно методике Ю. Б. Цетлина, для определения степени ожелезненности природного глинистого сырья фрагменты 6 грузил были *обожены в муфельной печи* [7: 422]. После обжига все образцы стали кирпично-красного цвета. Это говорит о том, что при изготовлении грузил использовалась ожелезненная глина, так как такой цвет фрагментам придает железосодержащая глина (см. рис. 1).

Для анализа исходного глинистого сырья и входящих в состав формовочной массы примесей (естественных и искусственных) использовался *метод бинокулярной микроскопии*.

В настоящее время для определения пластичности глинистого сырья используют, в частности, показатель «степени запесоченности», который подразумевает количественную оценку доли естественной песчаной примеси в сырье. Она определяется по таким критериям, как размер частицы песка и его концентрация [4: 46–55], [8: 230].

В изученных образцах отмечены признаки среднезапесоченного сырья, в котором присутствует мелкий пылевидный песок (величина зерен менее 0,1 мм), сочетающийся с отдельными крупными окатанными частицами, мелкий окатанный песок (от 0,5 до 1,0 мм) в концентрации 1:5; просматриваются мелкая рельефность и зернистость излома. Также в качестве естественных примесей в образцах фиксируются единичные включения бурого железняка, органики и окатанный, разнокалиберный кварцевый песок. Кроме того, в рассмотренных образцах выявляются один простой и два сложных рецепта формовочных масс:

- 1) простой: глина без искусственных примесей (4 экз., 66,7 %) (см. рис. 1/1, 3, 5–6);
- 2) сложные: глина + песок; глина + дресва (2 экз., 33,3 %) (см. рис. 1/2, 4).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что большая часть изученных грузил изготовлена из среднезапесоченной ожелезненной глины без искусственных добавок. Наличие естественных примесей и концентрация естественного кварцевого песка позволяют предположить использование гончарами нескольких разных сырьевых источников.

Отчасти данный вывод подтверждается результатами, полученными в ходе *химического рентгенофлуоресцентного анализа* нескольких грузил (табл. 3).

Данные химического анализа глин, из которых сделаны исследуемые грузила, позволяют констатировать факт наличия глин двух сортов: кремнеземные (в них больше оксида кремния SiO_2) и глиноземные (в них больше оксида алюминия Al_2O_3). Это также говорит о том, что местные гончары использовали как минимум два сырьевых источника.

Подводя итоги анализа вёжских грузил, можно отметить следующее. Использование естественно-научных методов позволило определить состав формовочной массы грузил. Скорее всего, гончары использовали жирные глиноземные и тощие кремнеземные глины из нескольких сырьевых источников. Основная часть грузил

Таблица 3

Химический состав глин по данным рентгенофлуоресцентного анализа

Группа керамики	Элемент, %										Глина
	Al	Si	Fe	Mn	P	S	Ti	Sn	Zn	Mg	
Красноглиняная	42,50		43,45	1,15			5,59	3,06		2,36	жирная глиноземная
Сероглиняная	3,73	61,96	23,44	0,92	3,47	0,78	3,03	2,44	1,32	6,5	тощая кремнеземная

изготовлена из одной глины (среднезаспесоченной ожелезненной без искусственных добавок), но в отдельных экземплярах в качестве искусственных примесей фиксируются песок и дресва.

В связи с небольшим количеством исследуемых образцов данные выводы можно считать предварительными, хотя в целом они не противоречат полученным результатам технологических особенностей изготовления глиняной посуды на

с. Вёжи [2]. Проведение сравнительного анализа образцов глинистого сырья селища с исследуемыми образцами грузил не представляется возможным, поскольку памятник находится в так называемой Костромской низине, которая при строительстве Горьковского водохранилища практически полностью оказалась под водой. Само селище на данный момент представляет собой остров, места же, где, вероятно, добывалась глина, затоплены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грибов Н. Н., Цепкин Е. А. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч.-метод. статей. Нижний Новгород, 2004. С. 71–95.
2. Кабатов С. А., Курочкина С. А., Алибеков С. Я. Использование естественно-научных методов при анализе керамического материала селища Вёжи // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 2. С. 14–20.
3. Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 320 с.
4. Лопатина О. А., Каздым А. А. Естественная примесь песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 46–57.
5. Мазуров А. Б., Цепкин Е. А. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // Российская археология. 2003. № 4. С. 129–138.
6. Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. В.Е 1–39. М.: Наука, 1968. С. 124.
7. Цетлин Ю. Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 421–425.
8. Цетлин Ю. Б. Фундаментальные проблемы изучения гончарства // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 229–244.

Kabatov S. A., Institute of Philology and History, Nekrasov Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
Kurochkina S. A., Ministry of Culture, Press and Public Affairs of the Republic of Mari El (Yoshkar-Ola, Russian Federation)
Alibekov S. Y., Institute of Mechanics and Machine Building, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

THE USE OF NATURAL SCIENTIFIC METHODS IN THE STUDY OF CERAMIC SINKERS OF THE VEZHI SETTLEMENT (KOSTROMA OBLAST)

The article considers one of the kinds of specialized fishing equipment of the Vezhi settlement – ceramic sinkers. They are relevant to the groups of Kostroma ceramics: red ware, gray ware, and black-glazed. The sinkers are divided into oval and spherical forms. On the territory of the Vezhi settlement numerous red ware oval sinkers are found in the layers of the second half of the XVII – middle of the XIX centuries. Gray ware and black-glazed spherical sinkers are found in the layers of the first half of the XV – middle of the XIX centuries. The sinkers in focus didn't become widespread. All of them were made by local potters. In order to make a precise determination of the composition of molding material the following scientific methods were used: heat treatment, binocular microscopy, chemical and X-ray fluorescence analysis. The potters of Vezhi used wet clay as their basic plastic material. Moreover, the bulk of the sinkers was made of over sanded and iron materials without any artificial additives. The remaining sinkers consisted of artificial impurities – sand and landwaste. While making sinkers some potters of Vezhi used fat and poor silica clay. Oval and spherical ceramic sinkers were used to equip small dragnets because their shape could easily adapt to the river bottom while overcoming obstacles.

Key words: fishing equipment, ceramic sinker, dragnets, scientific methods, heat treatment, the method of binocular microscopy, chemical and X-ray fluorescence analysis

REFERENCES

1. Gribov N. N., Tsepkin E. A. Fisheries around Nizhny Novgorod in the Middle Ages [Rybolovnyy promysel v okrestnostyakh Nizhnego Novgoroda v srednie veka]. *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii: Sb. nauch.-metod. statey*. Nizhny Novgorod, 2004. P. 71–95.
2. Kabatov S. A., Kurochkina S. A., Alibekov S. Y. The Use of Natural Scientific Methods in the Study of Ceramic Materials of the Vezhi Settlement [Ispol'zovanie estestvenno-nauchnykh metodov pri analize keramicheskogo materiala selishcha Vezhi]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University]. 2016. № 2. P. 14–20.
3. Kuza A. V. *Rybnyy promysel v Drevney Rusi* [Fishing in Ancient Rus]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 320 p.
4. Lopatina O. A., Kazdym A. A. Natural Impurity of Sand in Ancient Ceramics (for Discussing Issues) [Estestvennaya primes' peska v drevney keramike (k obsuzhdeniyu problemy)]. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow, IA RAN Publ., 2010. P. 46–57.
5. Mazurov A. B., Tsepkin E. A. Fisheries in the XII–XVIII centuries. (According to the Excavations in Kolomna) [Rybolovnyy promysel v XII–XVIII vv. (po dannym raskopok v Kolomne)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2003. № 4. P. 129–138.
6. Rozenfeldt R. L. Moscow Ceramic Production of the XII–XVIII centuries [Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv.]. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Moscow, Nauka Publ., 1968. P. 124.
7. Tsetlin Y. B. Determining the Extent of Ferruginous of Raw Material in Pottery Production [Ob opredelenii stepeni ozheleznenosti iskhodnogo syr'ya dlya proizvodstva glinyanoy posudy]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya*. Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr Publ., 2006. Issue 4. P. 421–425.
8. Tsetlin Y. B. Fundamental Problems of the Study of Pottery [Fundamental'nye problemy izucheniya goncharstva]. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow, IA RAN Publ., 2010. P. 229–244.

Поступила в редакцию 02.02.2017

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КРИВОШЕЕВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kriwosheew@mail.ru

«ДАТЬ ФРОНТУ БОЛЬШЕ РЫБЫ...»: РЫБАКИ ЛАДОГИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Многие страницы сурового времени Великой Отечественной войны по-прежнему остаются неизвестными. События военного лихолетья не замыкаются на боевых операциях. Не менее важно взглянуть пристально и в повседневную жизнь простых тружеников, людей, находившихся не на фронте, не работавших на крупных промышленных предприятиях, но тоже вносящих свою лепту в приближение Победы. Данная статья посвящена деятельности одного из рыболовецких колхозов на Ладожском озере. Рыбаки в невероятно сложных условиях Отечественной войны продолжали работать для фронта, для Победы. Находившиеся в районах, близких к фронту, они трудились так, как умели, так, как могли. Они были советскими людьми, поэтому их будничные дела сочетались с высокой идеологией. Об этом свидетельствуют сохранившиеся материалы Ленинградского областного архива в Выборге, впервые вводящиеся в научный оборот.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ладожское озеро, блокада Ленинграда, рыбное хозяйство, рыболовецкие колхозы, собрания колхозников

В настоящей статье речь пойдет о рыбаках Ладожского озера¹. Документы Выборгского архива в основном касаются деятельности рыболовецкого колхоза имени Марти², находившегося в деревне Немятово Новолодожского района³. Сохранилась книга общих собраний колхозников-рыболовов за период с 13.03.1941 по 02.04.1944, а также протоколы заседаний правления колхоза и некоторые другие документы той суровой поры. Но первые документы касаются еще довоенного времени. Так, сохранился «Социалистический договор» с «Планом вылова рыбы на 1941 год», который необходимо было выполнить до 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. План предусматривал «сдать всю добытую рыбу первым сортом на 97 % (в другом варианте – “всю”)), «сохранить % амортизации по орудиям лова», а также «освещать в районную газету как положительную сторону, так и отрицательную сторону», но «не допускать ни одного прогула»⁴. Немаловажным являлось и техническое оснащение, поэтому план принимался с условием «получения 3-й пары дизелей в середине второго квартала»⁵.

27 апреля 1941 года на общем собрании прошло обсуждение доклада о выполнении плана рыбодобычи I квартала и подготовки ко II кварталу. Рыбаки при этом высказывались остро, с критикой и самокритикой⁶. Во избежание повторения предыдущих ошибок правлению колхоза предлагались мероприятия на перспективу, в частности, «в зиму 1942 г. организовать перекидные бригады в район Сторожно и Финзалив; определить потребность в орудиях лова, фураж и прочее вооружение не позднее 29 / VI». Речь шла и о других мерах⁷.

Большое внимание продолжало уделяться трудовой дисциплине, например, звеньевым вменялось «ввести строгий ежедневный учет... о выходе на работу, постановке орудий лова, обработок (положек) лова и сдаче рыбы», в свою очередь бригады должны были лично «выезжать на лов, оперативно руководить ловом звеньев и бригад»⁸.

С началом войны в протоколах различных собраний (правления колхоза, бригад) отражаются, прежде всего, изменения численного состава рыбаков, как правило, в связи с призывом в РККА. Если на февраль 1941 года колхозников было 80 человек (председатель правления – В. И. Митрохин)⁹, то 15 февраля 1942 года на общем собрании присутствовало 35 членов колхоза, а 25 апреля 1943 года – всего 30 человек¹⁰.

Лаконичными стали и протоколы собраний колхоза. Так, 7 октября 1941 года постановили, что «план рыбы вылова IV квартала считать реальным и выполнимым в количестве 13 центнеров», было также взято обязательство выполнить его на 150 %, а не позднее 10 октября «начать выставку контрольных мережек»¹¹.

О том, как выполнялись эти обязательства, у нас конкретных данных нет, но вот общее собрание колхоза имени Марти 15 февраля 1942 года было обстоятельным и бурным, хотя повестка дня включала в себя обычный вопрос: «О ходе лова рыбы в I квартале и подготовке к весенней путине». Сказывалось, конечно, военное время, что звучало во всех выступлениях колхозников. Так, один из них – «тов. Кузин» – сказал, что «план нужно выполнить, дать больше продукции для Красной Армии, несмотря ни на какие трудности, ввиду военной обстановки».

Другой колхозник – Ваничев – поддержал его: «Все требования, которые предъявляете вы, они в большем количестве требуются Красной Армии... фронт от нас недалеко, по отношению выполнения плана только один колхоз выполнил, но фронт от нас требует в любом количестве доставлять рыбу»¹². Самокритичным было выступление И. М. Рогова: «Я должен сказать, что мы, рыбаки, в части выполнения плана, в части ответственности за выполнение плана не чувствуем ответственности, работаем как раньше, а подчас и плохо. Мы должны обеспечить Ленинград и фронт всем, что от нас требуют. Как мы выполняем, все это зависит от нас самих, и мы начинаем предъявлять требования к государству, а государство к нам, что мы этой задачи не чувствуем, ведь мы сейчас оторваны от тыла и должны существовать на свои собственные ресурсы, и наша задача заключается в том, что мы должны больше дать продукции. Это значит выполнить план во что бы то ни стало, поддержать Ленинград и дать больше продукции фронту. Для того, чтобы не оторвать основных рыбаков от лова, нужно привлечь всю подсобную силу на ремонт и подготовку ко II кв. – это женщин»¹³. Если мы сейчас возьмемся по-боевому за подготовку, то весна нас врасплох не застанет и все это зависит от своих собственных ресурсов, и спущенный план должен быть выполнен»¹⁴. Без преувеличения можно сказать, что такой же ответственный подход виден и при обсуждении далекого от повседневной жизни ладожских рыбаков события – заключения Договора между СССР, Великобританией и США. Протокол общего собрания от 16 июня 1943 года свидетельствует: «...тов. Романов М. К. (руководитель уже военизированного хозяйства. – Ю. К.) зачитал договор и сделал сообщение о заключенном договоре и об очередных задачах нас, рыбаков». В прениях звеньевой И. Д. Казеннов сказал, что «необходимо увеличивать вылов и добиться выполнения плана в целом по колхозу, для чего нужно увеличивать выставку мереж и сеток по всем звеньям. Это будет наша помощь Красной Армии в разгроме врага»¹⁵. В постановлении собрания говорилось, что «заслушав сообщение тов. Романова М. К., мы, колхозники колхоза им. Марти, приветствуем заключение договоров о дружбе и взаимной помощи между СССР, Великобританией и США как шаг к приближению разгрома ненавистного всему человечеству врага и на основе обращения рабочих, работниц, инженеров, техников и служащих ко всем рабочим рыбной промышленности включаемся во всесоюзное социалистическое соревнование и берем на себя следующие обязательства: выполнить годовой план по рыбодобыче к I / XII – 42 г.; дать стране сверх плана 2000 кг рыбы; выловленную рыбу сдать I сортом; вовлечь в лов 21 женщину и 13 человек подростков»¹⁶; выставить на лов сверх плана курлянок»¹⁷

част. 10 шт. и сеток 150 шт.». В обязательствах говорилось о производственной базе, а также о том, чтобы «засеять все приусадебные участки овощами и картофелем». Постановлялось также «по указанным вопросам вызвать на соревнование колхоз С[яськую] форель»¹⁸.

Уже в конце 1942 года (23 декабря) на очередном собрании был поставлен и такой вопрос: «О подписке на танковые колонны». Речь шла «о достижениях Красной Армии на фронтах и задачах тыла помочь фронту по примеру передовых колхозников». Было вынесено постановление: «Для оказания помощи фронту и быстрейшего разгрома врага принять участие в построении танковой колонны и подписаться и внести деньги не ниже 50 р. каждый»¹⁹.

13 сентября 1942 года были подведены промежуточные итоги соревнования по бригадам, оказавшиеся неутешительными: план по бригадам не был выполнен. Руководитель хозяйства М. К. Романов в этой связи довел до сведения рыбаков-колхозников решение актива при Лен-рыбе о том, что «план есть закон и каждый колхоз, бригада и звено должны любой ценой его выполнять, увеличивая производственную базу, своевременно просматривать и подменивать»²⁰. Руководителя хозяйства рыбаки поддержали. Они говорили, что «действительно, очень строго поступают за невыполнение плана, и нам нужно больше ловить рыбы» (А. М. Филатов), что «лучше нужно работать, больше ловить рыбы, и никто не будет ругать», сказал И. Д. Казеннов, звено которого было единственным, на тот момент выполнившим план. Другие колхозники выдвигали инициативу о необходимости «выставить пробные сети в Волхове», что расширило бы масштабы лова, предлагались и меры обустройства: «навести чистоту и порядок в амбарах, лодках и вокруг»²¹.

Большой проблемой были хищения. Так, на собрании одной из бригад (12 июля 1942 года) говорилось о постановлении Облсисполкома, которое «распространяется и на рыбную продукцию, и люди, пытающиеся похитить выловленную рыбу, будут сурово наказаны по закону»²². «Ни в коем случае нельзя выбирать рыбу для личного потребления без учета», «ни одного килограмма рыбы не брать для личного потребления без учета (без фактуры)», – подчеркивалось и 13 сентября²³. В скором времени была даже разработана специальная «инструкция для получения рыбы на личное потребление»²⁴.

Тем не менее продолжалось невыполнение плана, что и отмечалось на собрании «подразделения рыбаков военизированного отряда Лен-рыба»²⁵ по дер. Немятово 3 / I – 43». «Сейчас на фронтах Отечественной войны Красная Армия наносит врагу поражение за поражением для того, чтобы ускорить победу, от нас на трудовом фронте требуется рыба, и нужно в любых

условиях дать для фронта рыбы как можно больше», – призывал тот же М. К. Романов. Некоторые рыбаки оправдывались: «У нас в звене плохая лошадь и мы не можем своевременно выезжать на лов». Но были и передовики, например единственный выполнивший план М. И. Шигин, который вместе с С. В. Тимофеевым был «утвержден» стахановцем за IV квартал²⁶.

Видимо, принимаемые меры давали результаты, и вот в протоколе от 19 февраля 1943 года мы читаем, что соцсоревнование за исключением некоторых работников «проходит удовлетворительно». Здесь же мы видим и конкретные предложения: «Для обеспечения плана рыбодобычи выставить дополнительно орудий лова. Усилить выставку корюшных сеток»²⁷. Определенные успехи отмечались и при подведении итогов предмайского соцсоревнования. Несмотря на неблагоприятные для ведения лова природные условия – раннее вскрытие Волхова – «рыбаки с подготовкой производственной базы справились своевременно и принятые обязательства выполнили»²⁸. Но все же «ряд недостатков по отдельным звеньям» остался. Видимо, это и обусловило такое нелегкое для семей рыбаков, но объективно необходимое решение: «К международному дню 1 мая отчислить из причитающейся рыбы на личное потребление в подарок для Красной Армии по 5 кг с каждого рыбака»²⁹. Помогали нематовцы стране и впоследствии. Так, летом 1943 года после рассмотрения вопроса было решено «для оказания помощи населению оккупированных районов выделить из колхозного фонда колхоза муки 500 кг. Отчислить в фонд помощи из личных доходов рыбаков из расчета причитающегося отоваривания за II половину июня 1943 года, организовать подписной лист»³⁰.

Очень остро стоял вопрос со снабжением в целом, поэтому на предмайском собрании «отчет завмага» был вынесен в повестку дня отдельно. Выступления рыбаков в отношении завмага М. А. Федулина носили чрезвычайно нелюбезный характер. Сам он сказал следующее: «Снабжаю я тем, товарищи, какие мне дают и как велит продавать правление рыбокооп, больше я ничего не могу сделать и бессилён». Его объяснения ладожан не устроили, ряд выступающих обвинил завмага в «обсчете с талонами», обвешивании, невыплате денег за посуду, продаже товаров («жакетов») не рыбакам. «Магазин рыбацкий, а преимущества рыбаки не имеют, – возмущался А. В. Кузин. – Вот взяли одеколон, все получили, а рыбакам не оставили. Вина также отпускает всем, только не рыбакам даже на посуду. Да и к тому же за посуду не платит денег». Его поддержал А. Г. Осин: «Мы своим звеном все время на лову находились и в общей очереди получить одеколон не могли, а теперь для нас одеколону нет, почему не знаю. Не дал завмаг Федулин М. А. вина в общей очереди на посу-

ду, мотивируя тем, что мы получили по списку, какое тебе дело, если есть у меня посуда, давай вино наряду с другими». Эмоционально выразил общее настроение Ф. П. Сладков, сказав про завмага следующее: «Он всю кровь с меня выпил, и форменным образом издевается»³¹. Поднакалившиеся страсти попытался несколько остудить М. К. Романов, отметив, что вопрос был поставлен не случайно, так как на работу магазина поступали заявления. «Ошибка это или сознательное действие, трудно судить, но оно повторяется одно за другим», – сказал он. Однако М. А. Федулин и здесь попытался оправдаться: «Жакеты я выдавал по распоряжению правления рыбокооп, одеколон продал тоже. Что касается Кузиной случай, то получилась ошибка, по остальным вопросам снабжения я ни при чем, так как правление рыбокооп в Ладогу дает пшено, манную, сахар и др., а мне пшеничку и плохие конфеты». В постановлении тем не менее предлагалось «исправить работу» по снабжению, «переключиться на обслуживание в первую очередь рыбаков, создавая в своей работе стимул к рыбодобыче. Во всей работе держать тесную связь с командиром подразделения рыбаков»³².

Тем временем рыбакам Нематова, видимо, общими усилиями удалось преодолеть негативные тенденции в хозяйственной жизни. И это несмотря на то, что война непосредственно коснулась и их, когда «в результате бомбежки разрушено 2 амбара, 1 лошадь, 6 лодок, 6 курлянок, 10 крыльев курлянок, 5 мереж и др.»³³. Тем не менее, судя по всему, такой перелом наступает к лету 1943 года. Протоколы общего собрания 2 июля показывают сдвиги по всем планируемым направлениям: по рыбодобыче на 161 %: сверх плана было дано 456 центнеров рыбы; в финансовой сфере обязательства были выполнены на 160 %³⁴. Об этом шла речь и на собрании 14 июля. «За II кв. 1943 г. и первое полугодие нас похвалили, отметили в приказе и некоторых представили к награде, – известил М. К. Романов и продолжил: – но одновременно предупредили о персональной ответственности за выполнение III кв. 1943 г. Красная Армия и вся страна ждут от нас рыбы, и мы обязаны любой ценой ее дать»³⁵. Собрание постановило включиться во Всесоюзное социалистическое соревнование и увеличить количество отличников (пока таковым был только звеньевой И. Д. Казеннов)³⁶.

Не остались в стороне ладожские рыбаки и от «Обращения рабочих Динамо», «проработав» его на своем собрании 13 августа 1943 года, на котором, что особо отмечено, «присутствовали звеновые ловцы» (видимо, это был расширенный состав собрания). Поддержав обращение московских рабочих, колхозники должны были включиться в социалистическое соревнование на досрочное выполнение плана по вылову рыбы на III и IV кварталы 1943 года и годового

плана в целом. Стимулом к такому обязательству должно было стать и сообщение о том, что «Новолодожская контора включилась на досрочное выполнение плана рыбодобычи к 26 годовщине Октябрьской социалистической революции, а также дать сверхплана к Дню Конституции»³⁷. По мнению М. К. Романова, несмотря на то, что у некоторых звеньев «выполнение очень низкое» (Голин, Митрохин, Осин, Казеннов и др.), другие звенья (Шигин, Воронин, Кузин) «с честью выполняют свои обязательства», что позволяет «по примеру динамовцев включиться в соревнование на досрочное выполнение плана по рыбодобыче и любой ценой выполнить взятые обязательства и дать для Красной Армии сверхплана свежей рыбы»³⁸. На собрании выступили рыбаки-передовики. Заверяя руководство в выполнении плана, они вместе с тем обратили внимание на недостатки в снабжении необходимым для ловли инвентарем и оборудованием. Так, звеньевой А. В. Кузин сказал, что «нужно пополнить сеток», К. И. Воронин сетовал на то, что «лодки сколько лет не смолены и сейчас ездить нельзя. Нужно достать сетей, смолы и др.», а М. И. Шигин вновь жаловался, что «Рыбкооп не снабжает рыбацкими промтоварами, нет мануфактуры на брюки, пиджаки и др.»³⁹.

Исходя из сказанного, собрание приняло следующее постановление. Во-первых, «выловить рыбы сверх годового плана к 26 годовщине... 400 центнеров». Во-вторых, «для обеспечения плана подготовить производственную базу к IV кв. на семь дней до начала кв.: мереж кур. 40 шт., сеток сиговых рам. 160 шт., сеток разных 180 шт. в срок до 20 / VIII – 43 г. заготовить колья по 50 шт. на каждое мережное звено. В срок до 20 / VIII довести участие производственной базы в лове курлянок част. до 36 шт., сеток сиговых рамовых до 100 шт., разных до 180 шт., невод 1. Заключить договора между звеньями, аккуратно вывешивать пятидневные сведения по звеньям». В-третьих, «просить начальника отряда не отрывать промысловые суда на другие работы, а также отпустить дополнительно сетей сиговых рамовых, парусов, смолы. Довести до сведения начальника штаба ОВФА, что ими не выполняется договор. Участвует рыбаков 2 вместо трех, в силу чего не используют базу и не выполняют план по рыбодобыче»⁴⁰. На собрании рыбакам была зачитана и разъяснена, судя по формулировке в повестке дня, новая «инструкция на получение рыбы для личного потребления»⁴¹.

Не заставил себя долго ждать и следующий сбор: 1 сентября состоялось «собрание рыбаков подразделения д. Немятово [оенизированного] отр[яда] тр[ес]та Ленрыба», на котором «командир подразделения тов. Романов М. К. остановился о выполнении плана за август месяц. Вновь выступали передовики производства: А. В. Кузин («Мережники не используют базы полностью,

не перебрасывают мереж на запад, в силу чего и получился прорыв») и М. И. Шигин («Нужно искать рыбу и план будет выполнен»)»⁴². Следующий поднятый вопрос – «О пограничном контроле» – как никогда напомнил рыбакам, что идет война, и она совсем близко. «Тов. Романов М. К. остановился на том, что мы являемся как рыбаки, а в то же время должны быть как пограничники и следить за появлением какой-либо незнакомой лодки, и немедленно сообщить на заставу. Соблюдать все правила погранрежима. Отмечаться при выезде и приезде. Хранить и беречь линию связи на берегу и на воде. А то мы имели случаи, когда наших рыбаков обвиняют в порыве связи». Отсюда следовало постановление: «Предупредить всех звеновых и бригадиров категорически запретить выезд в запрещенные места и непоказанное время. При выезде и приезде обязательно отмечаться у коменданта. Беречь и не допускать порыв линии связи. Предупредить всех звеновых и бригадиров, что в случае нарушения они будут привлекаться к строжайшей ответственности, по законам военного времени»⁴³.

Теперь собрания колхозников проводились несколько раз в месяц. На собрании 15 сентября присутствовало 22 человека и «от отряда тов. Снедков». В целом ход выполнения плана оставался прежним – кто-то выполнил, кто-то нет. Были призывы «напрячь все свои силы» и подготовить производственную базу, а также «подготовить в лодках садки для отсадки живой рыбы». Вновь были оправдания – не хватило инвентаря, а то и «обуви летней». Но имели место и более серьезные причины. «У меня план не выполнен, но не учитываются причины, – говорил П. И. Голин. – У меня от бомбежки немецкими самолетами разбито 2 лодки, 2 амбара и часть курлянок и крыльев, поэтому сравняться с людьми я никак не мог, а сейчас базой за исключением крыльев и снастей обеспечен»⁴⁴. Далее слово взял А. И. Снедков («от отряда»), подытоживший выступления и поставивший задачи. В его выступлении чувствуется голос опытного партийного работника: «Красная Армия на фронте имеет громадные успехи, мы в тылу должны работать так, как Красная Армия громит врага, и дать фронту больше рыбы. Мы имеем ряд недостатков с обувью, одеждой, лодками, др., но все, что можно, мы стараемся пополнить и заменить. Но в основном надо помнить, что в первую очередь идет снабжение Армии, и нам придется работать при таком вооружении производственной базой, какая есть, и при том снабжение, какое мы имеем. Нужно подготовиться к IV кв. и обеспечить план III–IV кв. по вылову парной и живой рыбы в соответствии взятых обязательств»⁴⁵. Поднимались и конкретные вопросы, имевшие жизненно важное значение для рыбаков. Так, было зачитано распоряжение начальника отряда «на отоваривание за живую рыбу», а также

«о запрещении изготовления орудий лова в соответствии с правилами рыболовства и о запрете ловить молодняк»⁴⁶.

А. И. Снетков в качестве заместителя директора Ладужской конторы Ленрыбы выступал и на собрании 12 марта 1944 года (присутствовало 38 чел.). Председателем собрания был А. В. Кузин, поднимавший вопросы о текущем лове рыбы, подготовке к весенней путине, а также «о расходовании колхозного фонда». В связи с последним было принято постановление: «Из отчисленного фонда муки в помощь населению освобожденных от немецкой оккупации районов. Выдать тов. Романову М. К. 300 кг муки для рыбаков и рабочих озера Ильмень. Псково-Чудского района 200 кил. муки»⁴⁷.

Из протокола собрания от 2 апреля 1944 года мы узнаем о некоторых кадровых изменениях. Так, проработавший в Немятово в наиболее трудное время М. К. Романов «согласно приказа ЛВО т. “Ленрыба”... переведен на другую работу в другой район». На его место был назначен С. Т. Груничев, который и председательствовал на этом собрании. Решались вопросы о создании звеньев и о плане добычи рыбы, вследствие чего отмечалось, что «для срочного выполнения такового заключить социалистические договора между звеньями и по колхозу вызвать колхоз “Сясьская форель”»⁴⁸.

Последнее собрание рыбаков колхоза имени Марти Немятовского сельсовета, зафиксированное архивным фондом, состоялось 15 октября 1944 года. Оно было многочленным, на нем присутствовало 52 человека, председательствовал уже известный нам М. И. Шигин. Повестка дня была довольно насыщенной и включала в себя следующие вопросы: 1) принятие устава колхоза; 2) выборы уполномоченных на областной съезд; 3) выдача премий за II квартал; 4) организационные вопросы. По первому вопросу постановили: «Примерный устав рыбацкой артели принять и уполномочить подписать правлению колхоза и зарегистрировать в Волховском Райсовете депутатов трудящихся». Делегатами на областной съезд выбрали С. Т. Груничева (как председателя колхоза) и М. И. Шигина. Но наиболее интересными были выступления по третьему вопросу повестки дня. Выступивший первым А. В. Кузин как бы задал тон для последующих докладчиков. Он сказал: «Под руководством Маршала Советского Союза тов. Сталина Красная Армия громит врага уже не на нашей территории. А мы, колхозники рыбаки, должны оказывать помощь, чтобы приблизить час победы над врагом». Но главными были не эти слова. Оказывается, наконец, тяжелейший труд ладожских рыбаков-колхозников был наконец-то отмечен и вознагражден «наркомовской премией». «Получая Наркомовскую премию, – продолжил А. В. Кузин, – призываю всех колхозников удвоить, утроить выполнение

планов рыбодобычи в IV квартале. Этим мы нанесем удар по заклятому врагу»⁴⁹.

На собрании, ставшем событием для немятовцев, выступили и другие представители вышестоящих организаций. От «имени Леноблтреста» говорил Опухтин: «Колхозники и колхозницы, разрешите вас поздравить с наркомовской премией и с теми достижениями, которые вы завоевали как передовики рыбной промышленности. Надеюсь, что и в дальнейшем рыбаки будут работать еще лучше». Выступил и А. И. Снетков, который после поздравления «пожелал еще лучше работать, так, чтобы, включаясь в предоктябрьское соревнование, встретить XXVII год Октября с перевыполнением плана». От «Новоладожской парторганизации при конторе “Ленрыба”» колхозников приветствовал «с правительственной наградой» Иванов. «Правительство оценило ваш труд потому, – говорил он, – что колхозники колхоза им. Марти правильно поняли призыв нашего вождя тов. Сталина и трудились так, чтобы снабжать Красную Армию продовольствием. Боролись за досрочное выполнение плана рыбодобычи. Надеюсь, что рыбаки колхоза “Марти” еще лучше будут работать»⁵⁰. К протоколу этого собрания был приложен список, по которому и выдали премию. Так, хорошим, почти счастливым концом, как в кинофильме или в художественной книге, заканчивалась для рыбаков небольшого, стоящего на берегах Ладоги села Немятово война. На самом же деле, как нам удалось увидеть, за этим стоял огромный каждодневный труд в тяжелейших условиях военного времени, да еще поблизости от линии фронта и блокадного Ленинграда. Перестройка на военный лад шла тяжело и в тылу: тыл как бы следовал за положением дел на фронте. Архивные протоколы, как мы знаем, не особенно утаивали все перипетии борьбы с субъективными и объективными причинами трудностей, не скрывали сложностей того, что мы называем человеческим фактором. Но важно то, что, решая свои внутренние, иногда кажущиеся совсем мелкими, дела, немятовцы прислушивались к голосу своей страны, шли в ногу со страной, ведущей борьбу не на жизнь, а на смерть.

Сейчас здесь мало что напоминает о той суровой поре. Существуют два поселения, так и именующиеся: Немятово-1 и Немятово-2. Судя по стоящим по берегам каналов ржавым рыболовецким судам, промышленное рыболовство там находится не в лучшем состоянии. «В настоящее время в деревнях Южного Приладожья промысел и переработка рыбы ведутся только индивидуальными хозяйствами или их неформальными объединениями, контролируемые хозяевами-предпринимателями из Санкт-Петербурга», – свидетельствуют современные наблюдения [1: 113], [4: 29]. А наличие особняков и отдыхающая публика свидетельствуют об уже дачном предназначении этих мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О промышленном рыболовстве в годы Великой Отечественной войны существует небольшая литература, см., например: Студенецкий С. А. Рыбное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Рыбное хозяйство. 2005. № 3. С. 12–13; [5].
- ² Хосе Марти (1853–1895) – кубинский поэт и писатель, руководитель освободительного движения Кубы против Испании.
- ³ Немятово упоминается в книге гидрографа А. А. Андреева «Ладожское озеро», вышедшей еще в 1875 году. Там отмечается: «Немятово, село на самом устье р. Волхова, дворов 34; жителей 392; церковь единоверческая» (цит. по: [3: 164, 166]). Традиционно основными местами лова были Шлиссельбургская губа, район Сторожно, выходили рыбаки и в Финский залив. Ловили щуку, плотву, окуня, леща, судака, сига, язя. Историческую информацию и современные этнографические наблюдения этого региона см.: [1: 108–113]; [2]; [4].
- ⁴ Ленинградский областной государственный архив в Выборге (далее – ЛОГАВ). Р-4395. Оп. 6. Д. 1-ж. Л. 49, 57об.; Д. 1-в. Л. 2.
- ⁵ ЛОГАВ. Р-4395. Оп. 6. Д. 1-ж. Л. 49об.; Д. 1-в. Л. 2. «В 30-е гг. по образцу машинно-тракторных станций (МТС), обслуживавших земледельческие колхозы, в Приладожье появились машинно-рыболовецкие станции (МРС)» [1: 112].
- ⁶ ЛОГАВ. Р-4395. Оп. 6. Д. 1-ж. Л. 3–7, 10–11; Д. 1-в. Л. 6–7.
- ⁷ Там же. Л. 7.
- ⁸ ЛОГАВ. Р-4395. Оп. 6. Д. 1-в. Л. 7об. См. и ср. этнографический материал: «Бригады делились на звенья по 3–5 человек... Каждое звено имело лодку, рыболовные места распределялись между звеньями по жребью с учетом того, что старшим разрешалось ловить ближе, младшим – дальше. Лодкой и ловом управлял звеньевой, остальные члены звена распределяли между собой рядовые обязанности. Улов и премиальные распределялись по паям, которые увеличивались в зависимости от опыта работы, возраста и стажа» [4: 27].
- ⁹ ЛОГАВ. Р-4395. Оп. 6. Д. 1-ж. Л. 53, 53об.
- ¹⁰ ЛОГАВ. Р-4395. Оп. 6. Д. 1-в. Л. 8, 20, 22об.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 9.
- ¹³ Женщины и в мирное время обычно участвовали как в подготовке снастей на берегу (вязание сетей), так и непосредственно в рыбной ловле (существовали женские бригады) [1: 108, 111], [2: 60], [4: 27].
- ¹⁴ ЛОГАВ. Р-4395. Оп. 6. Д. 1-в. Л. 9об.–10.
- ¹⁵ Там же. Л. 13.
- ¹⁶ «Особенно потрудились наши женщины, – вспоминал в 1985 году нарком рыбной промышленности СССР военных лет А. А. Ишков, – потому что значительная часть мужского состава была призвана в армию. Мы не успели вовремя внести соответствующие предложения, чтобы рыбаки остались на службе рыбного флота. И многие из них в первые дни войны были мобилизованы, ушли в различные воинские части, а некоторая часть попала на фронт. Ну, а возмещали их в основном женщины, молодежь и люди уже старшего возраста» (цит. по: [5: 327]).
- ¹⁷ Курлянка, курляндка – разновидность мережи.
- ¹⁸ ЛОГАВ. Р-4395. Оп. 6. Д. 1-в. Л. 13–13об.
- ¹⁹ Там же. Л. 18.
- ²⁰ Там же. Л. 17об.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 15об.
- ²³ Там же. Л. 17об.
- ²⁴ Там же. Л. 20.
- ²⁵ Военизированные команды рыболовецкого флота были созданы согласно постановлению ЦК ВКП (б) и Совнаркома на всех водных бассейнах страны. «С Военно-морским флотом мы согласовали порядок организации, – вспоминал А. А. Ишков. – Они выделили своих офицеров, чтобы можно было бы с первых дней ввести всю деятельность нашего флота в рамки военной дисциплины и порядка. Всем присвоили соответствующие воинские звания. Раньше такой-то был управляющий трестом, теперь стал командующим таким-то подразделением. С конца 1941 г. весь рыбный флот был отобилизован и сведен в соответствующие воинские подразделения» (цит. по: [5: 326]).
- ²⁶ ЛОГАВ. Р-4395. Оп. 6. Д. 1-в. Л. 19.
- ²⁷ Там же. Л. 20.
- ²⁸ Там же. Л. 20об.–21.
- ²⁹ Там же. Л. 21.
- ³⁰ Там же. Л. 29.
- ³¹ Там же. Л. 21–21об.
- ³² Там же. Л. 22.
- ³³ Там же. Л. 22об.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 29об. Другие работы не должны были мешать основной цели: план «по сенокосению принять, косьбу и уборку производить без ущерба к рыбодобыче», – отмечалось собранием от 2 июля (Там же. Л. 29).
- ³⁶ Там же. Л. 30.
- ³⁷ Там же. Л. 30об.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Л. 31.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Л. 30об., 31.
- ⁴² Там же. Л. 31об.
- ⁴³ Там же. Л. 32.
- ⁴⁴ Там же. Л. 32об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 33.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Л. 33об, 38.
- ⁴⁸ Там же. Л. 38.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадло А. В., Верняев И. И., Егоров С. Б., Чистяков А. Ю. Этнография Северо-Запада России. (Южные окрестности Петербурга – Приладожье – Центральные районы Псковщины). СПб., 2004. 252 с.
2. Егоров С. Б. Рыболовство в Южном Приладожье (по материалам экспедиции 1997 г.) // I и II межведомственные научные конференции аспирантов и студентов. Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 59–61.
3. Ладожское озеро. СПб., 2011. 256 с.
4. Лебедева А. А. Рыболовство в Южном Приладожье // III межведомственная научная конференция аспирантов и студентов. Этнографическое изучение Северо-Запада России (Итоги полевых исследований 1998 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 27–29.
5. Саразетдинов Б. У. Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941–1945 гг. М., 2010. 336 с.

Krivosheev Yu. V., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

“TO SUPPLY THE FRONT WITH MORE FISH”: FISHERMEN OF LADOGA DURING THE WAR

A good many events from the crucible past of the Soviet Patriotic War are still unknown. The events of the troubled years are not limited by the military campaigns. No less important is to look closely at the everyday life of the ordinary homefront people, who were not working at big factories, but at the same time contributed greatly to the nearing of the victory. The article is dedicated to the corporate activity of the Marti's fishing collective farm situated in Nemyatovo village of Novoladoga district. The Ladoga fishermen continued their business in immense complexity of the Soviet Patriotic War. Being close to the battlefield, they worked as best as they could. All of them were Soviet people and for that reason their everyday routine was blended with high ideology. This is evidenced by a large scope of materials preserved in the Leningrad's District Archive in Vyborg. The archive materials are introduced into the scientific circulation for the first time.

Key words: Soviet Patriotic War, Ladoga Lake, Siege of Leningrad, fishery, fishing collective farm, collective farmer's meetings

REFERENCES

1. Gadlo A. V., Vernyaev I. I., Egorov S. B., Chistyakov A. Yu. *Etnografiya Severo-Zapada Rossii. (Yuzhnye okrestnosti Peterburga – Priladozh'e – Tsentral'nye rayony Pskovshchiny)* [Ethnography of the Northwestern Russia (Southern areas of Petersburg – Priladozhje – central areas of the Pskov region)]. St. Petersburg, 2004. 252 p.
2. Egorov S. B. Fishery in Southern Priladozhje (on the materials of expeditions of 1997) [*Rybolovstvo v Yuzhnom Priladozh'e (po materialam ekspeditsii 1997 g.)*]. I i II mezvedomstvennyye nauchnye konferentsii aspirantov i studentov. *Etnograficheskoe izuchenie Severo-Zapada Rossii (Itogi polevykh issledovaniy 1996 i 1997 gg. v Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastiakh)*: *Kratkoe sodержanie dokladov*. St. Petersburg, 1998. P. 59–61.
3. *Ladozhskoe ozero* [Lake Ladoga]. St. Petersburg, 2011. 256 p.
4. Lebedeva A. A. Fishery in Southern Priladozhje [*Rybolovstvo v Yuzhnom Priladozh'e*]. III mezvedomstvennaya nauchnaya konferentsiya aspirantov i studentov. *Etnograficheskoe izuchenie Severo-Zapada Rossii (Itogi polevykh issledovaniy 1998 g. v Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastiakh)*: *Kratkoe sodержanie dokladov*. St. Petersburg, 1998. P. 27–29.
5. Sarazetdinov B. U. *Pybnyy front i ego rol' v smyagchenii prodovol'stvennoy problemy v SSSR. 1941–1945 gg.* [The fishery front and its role in the alleviation of the food problem in USSR. 1941–1945]. Moscow, 2010. 336 p.

Поступила в редакцию 04.04.2017

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ШУМИЛОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ripli50@yandex.ru

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ КИСЕЛЕВ

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ripli50@yandex.ru

АКТИВИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРЕЛИИ В НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ

Приграничный статус Республики Карелия дает определенные экономические преимущества в торговле с зарубежными партнерами, поэтому анализ внешнеэкономического опыта является важным и актуальным вопросом для региона. В статье анализируются нормативные акты и мероприятия, которые фактически преобразовали Карелию в свободную экономическую зону в начале 1990-х годов. Впервые на основе ранее неопубликованных документов Национального архива Республики Карелия дана подробная характеристика федеральных документов и определена степень их влияния на внешнеэкономическую деятельность региона в период становления рыночных отношений. Кроме того, раскрываются основные административные меры, принятые региональным руководством для адаптации к статусу республики как свободной экономической зоны. Обосновывается вывод о том, что в условиях экономического кризиса и резкого ухудшения внутренних хозяйственных связей полученные от федерального центра привилегии позволили республике значительно активизировать деловые отношения с зарубежными партнерами, что благополучно отразилось на состоянии потребительского рынка и экономики в целом.

Ключевые слова: Карелия, импорт, экспорт, торговля, квоты, лицензии

Изучением внешнеэкономической деятельности Карелии в конце XX – начале XXI века занимаются в основном карельские экономисты. В своих работах авторы раскрывают структуру экспорта и импорта товаров [2], [3], [6], выявляют особенности республики как приграничного региона [4], анализируют перспективы развития отношений с отдельно взятыми странами [5], дают оценку экспортного потенциала и прогнозы инвестиционного климата [1]. Между тем в данных работах практически не уделено внимание правовым и административным нюансам внешней политики региона в начале 1990-х годов.

29 мая 1991 года Карелия стала более автономным от центра регионом. Произошло это благодаря распоряжению Верховного Совета РСФСР «О создании условий для ускоренного развития Карельской АССР и расширении ее экономической самостоятельности»¹. Кроме взаимных между центром и Карелией обязательств по поставкам, документ позволил республике полностью сохранить в своем распоряжении доходы от налогов, ранее подлежащих перечислению в бюджет РСФСР. Ей предоставлялась также широкая свобода во внешнеэкономической деятельности и по использованию валютных средств (75 % валютных средств с экспортно-импортных операций оставались в республи-

канских валютных фондах, а не перечислялись в бюджет России).

Возможность полностью использовать доходы от налогов позволила правительству Карелии принять меры по стимулированию производства непродовольственных товаров народного потребления и создать фонд реконструкции и развития народного хозяйства². Начиная со второго полугодия 1991 года некоторые предприятия легкой и пищевой промышленности освобождались от налогообложения в части сумм, подлежащих зачислению в республиканский бюджет. На приобретение современного оборудования и технологий для производства высококачественных товаров предусматривалось выделение средств из валютного фонда. Принятые меры дали положительный результат. Производство товаров народного потребления в сопоставимых ценах возросло в 1991 году в целом на 0,7 % к уровню 1990 года, в том числе непродовольственных товаров – на 4,5 %³.

Сохранение основной массы валютных средств в республике позволяло вести активную внешнеэкономическую деятельность. С целью координации работы министерств, ведомств, организаций и предприятий, осуществлявших экспортно-импортные операции с зарубежными странами, и создания условий для эффективного

использования республиканских валютных ресурсов в июне 1991 года была образована Валютная комиссия во главе с Председателем Совета Министров Карелии⁴.

- Основными функциями комиссии являлись:
- формирование и использование республиканского валютного фонда для обеспечения мероприятий по развитию внешнеэкономической деятельности;
  - рассмотрение предложений, вносимых министерствами, ведомствами и организациями Карелии, о выделении валютных средств и предоставлении гарантий карельского правительства при операциях, связанных с иностранной валютой;
  - контроль за деятельностью министерств, ведомств и организаций республики по внешнеэкономическим вопросам⁵.

Для получения дополнительной валютной выручки была организована приграничная торговля. В мае 1991 года республиканской внешнеэкономической фирме «Карелвнешторг» было поручено организовать на пунктах перехода границы торговлю за валюту по системе «такс-фри»⁶. Уже к сентябрю этого года, благодаря совместному финско-советскому предприятию «Карелия-импекс», на пунктах Вяртсиля – Нирала и Люття – Вартиус действовали первые магазины приграничной торговли⁷.

Основные экспортно-импортные операции в то время проходили через ленинградское внешнеторговое объединение «Ленфинторг» (крупнейший спецэкспортер Северо-Запада, подчинявшийся напрямую Министерству внешнеэкономических связей СССР) и вышеупомянутый «Карелвнешторг». В 1991 году на условиях приграничной торговли через Ленфинторг было направлено на экспорт товаров на сумму 8,7 млн рублей. По импорту через Ленфинторг поступило товаров на 7,8 млн рублей, из них товаров народного потребления на 3,9 млн рублей. Через Карелвнешторг было экспортировано товаров на 1,6 млн рублей. В основном это были дикорастущие ягоды, деревянные изделия, березовые венки, сувениры, мебель. По импорту поступило товаров на 1,2 млн рублей, в том числе товаров народного потребления на 725 тыс. рублей⁸.

С середины 1991 года Россия стала больше внимания уделять перспективам развития внешнеторговых отношений с зарубежными странами, так как насыщение товарного рынка импортной продукцией могло устранить дефицит и сгладить острую социальную напряженность. Для Карелии определяющую роль в этом сыграл вопрос об образовании свободных экономических зон на территории России. Правительство Карелии участвовало в дискуссии на эту тему и предложило свои рекомендации о порядке и общих принципах создания таких зон. В частности, предлагалось образование зон в приграничных

районах с предоставлением соответствующих гарантий иностранным инвесторам и обеспечением их инвестиций правовой защитой. Кроме того, Совет министров Карелии выразил желание осуществить эксперимент по созданию свободной экономической зоны на своей территории, разработав для этого конкретные предложения⁹.

Работа правительства Карелии в этом направлении дала положительные результаты. Согласно Указу Президента РСФСР от 26.12.1991 «Об условиях экономического эксперимента по созданию особого порядка инвестирования на территории Республики Карелии»¹⁰, республика фактически стала свободной экономической зоной со своими привилегиями. За Карелией закреплялось право на 75 % валютной выручки от экспортных операций. До выхода указа формирование валютного фонда Совета Министров КАССР осуществлялось в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 08.12.1990 № 1253 «О формировании валютных фондов в 1991 году»¹¹.

Указ позволил приравнять ряд районов республики к районам Крайнего Севера, а правительству Карелии разрешалось осуществлять лицензирование продукции, определять порядок экспорта и импорта товаров. Предприятия и организации, расположенные на территории Республики Карелия, освобождались от уплаты экспортной пошлины на часть продукции. Совет Министров получил право выдавать разрешения на открытие филиалов иностранных фирм при условии ограничения пространства их деятельности на карельской территории.

Через месяц после выхода указа сессия Верховного Совета РК утвердила Министерство внешних связей под руководством бывшего председателя государственного комитета по статистике РК А. В. Шлямина. В компетенцию этого министерства входили координация и консультирование по вопросам внешних связей, регистрация совместных предприятий, экспертиза проектов с привлечением зарубежных фирм на территории республики, координация городов и районов Карелии в области гуманитарных и экономических связей и т. д.¹²

Указ Президента РФ от 26.12.1991 «Об условиях экономического эксперимента по созданию особого порядка инвестирования на территории Республики Карелии» значительно активизировал внешнеторговые отношения и принес республике огромные дивиденды. Согласно записке о социально-экономической ситуации Республики Карелия, переданной Вице-президенту РФ А. В. Руцкому во время его пребывания в Карелии¹³, в 1992 году только за 9 месяцев этого года внешнеторговый оборот в республике составил 52,6 млн долларов (в сравнении с 1991 годом оборот увеличился в 4 раза). Половина всего внешнеторгового оборота приходилась на торговлю с Финляндией. Основную долю в экспорте

занимали лесоматериалы (23 %), газетная бумага (35 %), железорудные окатыши (41 %). В импорте значительная доля приходилась на продовольственные и промышленные товары (40 %), оборудование для передовых технологий (30 %), транспортные средства (22 %) и услуги (8 %). По импорту было завезено 1281 тонна мяса, 191 тонна масложирных продуктов, 7 тысяч тонн сахара и других продуктов питания. Это позволило в условиях разрушенной системы централизованных поставок в определенной мере стабилизировать ситуацию на потребительском рынке Карелии. Введенные льготы по экспортно-импортным операциям для производителей и налогообложению для иностранных инвесторов привлекали зарубежных, прежде всего финских и скандинавских, деловых людей к активному сотрудничеству. К концу 1992 года более 200 карельских экспортеров имели устойчивые связи с иностранными партнерами.

Общая выручка валютных средств от экспорта в 1992 году составила 259 млн 601 тыс. долларов, в том числе от экспорта котируемой продукции – 208 млн 495 тыс. долларов. Валютные средства, полученные от реализации экспортных квот, были использованы на закупку продовольствия, товаров народного потребления, медикаментов, оборудования и других товаров.

Большие объемы экспорта нарушали экологическую обстановку в Карелии. Проведенная в 1992 году Контрольным управлением Президента проверка выявила серьезные недостатки в лесопользовании. За 6 лет (1986–1992 годы) переруб в хвойных лесах составлял 10 млн куб. м. Крайне негативный резонанс среди общественности вызвал факт заключения министром торговли Карелии (не имеющим права выхода на внешний рынок) контракта с финской фирмой «Техдаспуу» на рубку 190 тыс. куб. м леса на берегу пограничного озера Пюхяярви. Бесконтрольность и попустительство Правительства Карелии (инициаторы этого контракта) привели к тому, что финны без специального разрешения провели вырубку леса на 22 га. По данному факту было возбуждено уголовное дело¹⁴.

14 июня 1992 года Указом Президента РФ № 630 «О временном импортном таможенном тарифе Российской Федерации»¹⁵ были введены новые дифференцированные импортные пошлины. Вырученные с пошлин средства являлись одним из источников федерального бюджета и расходовались прежде всего на погашение внешнего государственного долга¹⁶. Новый тариф сделал многие контракты с иностранными фирмами невыгодными. Например, в 1991 году Министерство сельского хозяйства Карелии установило тесное сотрудничество с Министерством сельского хозяйства Финляндии по внедрению в республике финских технологий по возделыванию зерновых культур и картофеля. Были заключены

многочисленные контракты с финскими фирмами. Однако с введением новых таможенных пошлин стоимость закупаемой техники значительно возросла, а отказ от ранее заключаемых контрактов влек за собой штрафные санкции, которые обходились Карелии в 600 тыс. финских марок¹⁷.

Подобных примеров было немало¹⁸. Такое положение вызывало беспокойство карельских предприятий, что отражалось на дальнейших перспективах установления стабильных и долгосрочных деловых связей с зарубежными партнерами.

В 1993 году Правительство Карелии продолжило самостоятельно контролировать экспортные операции путем выделения квот и основанных на них лицензий. В феврале был принят новый порядок формирования, распределения и оформления квот и лицензий¹⁹. Распределение региональных квот осуществлялось на плановой, конкурентной и аукционной основе. На плановой основе обеспечивались квотой поставки продукции в республиканский фонд товарных ресурсов, а также долгосрочные контракты на поставку крупных партий продовольствия, программы осуществления перспективных экономических проектов в строительстве, промышленности и аграрном секторе республики. На конкурентных принципах обеспечивались квотой разовые контракты, заключаемые на экономически выгодных для республики условиях. На аукционной базе реализовывались неиспользованные объемы плановой и конкурентной квот. Аукционы по продаже региональной квоты проводились в порядке, устанавливаемом Министерством экономики Российской Федерации. При этом квоты распределялись по четырем основным направлениям:

- Квоты для покрытия продукции республиканского фонда товарных ресурсов. Котируемая продукция реализовывалась для обеспечения валютной выручки, за счет которой производился закуп основных продуктов питания, медикаментов, товаров народного потребления, медицинского оборудования;
- Квоты на инвестиционные программы. Приобретение импортного оборудования, материалов и осуществление строительных работ иносфирмами;
- Квоты для приобретения с/х техники, инвентаря, семян для предприятий Минсельхозпродукта, фермерских ассоциаций и отдельных фермерских хозяйств;
- Квоты для приобретения новых технологий, обновления парка оборудования и частично для удовлетворения социальных нужд работающих на предприятиях.

Объем необходимых на год региональных квот формировался Государственным комитетом РК по экономике на основе заявок и предложений

органов власти, местных органов самоуправления, предприятий и организаций, расположенных и зарегистрированных на территории Карелии с учетом республиканских потребностей, производственных, ресурсных, экологических и экспортных возможностей региона. При этом перечень продукции, подлежащей квотированию и лицензированию в 1993 году, сократился²⁰. Для обеспечения закупок недостающих основных видов продовольственных товаров, зерна, передовых технологий и оборудования Министерством экономики РФ Республики Карелия на 1993 год были выделены квоты на экспорт продукции в следующих объемах:

- деловая древесина – 760 тыс. куб. м;
- пиломатериалы – 533 тыс. куб. м;
- целлюлоза – 40 тыс. т;
- рыба и рыбопродукты – 26 тыс. т;
- алюминий – 10,5 тыс. т;
- алюминиевый порошок – 2 тыс. т.

Уже за первый квартал 1993 года тремя основными спецэкспортерами было реализовано продукции на 20 млн 528 тыс. долларов:

- по Карелвнешторг – 7 млн 322 тыс. долларов;
- по Кареллеспром – 10 млн 80 тыс. долларов;
- по Экспортлес – 2 млн 326 тыс. долларов²¹.

Между тем большие объемы экспорта осложняли контроль и позволяли некоторым недобросовестным поставщикам незаконно вывозить за пределы Республики Карелия лицензируемые товары. Для предотвращения незаконного вывоза в 1993 году Министерство безопасности РК проводило оперативно-разыскную деятельность по обнаружению правонарушителей. Так, например, в марте 1992 года в ходе проверки факта

отправки Лахденпохским фанерным комбинатом 40 тонн фанеры в Азербайджан были выявлены нарушения в порядке выдачи лицензий на экспорт товаров в Карельском государственном предприятии «Стимэкслес». В ноябре 1992 года представителем внешнеторговой фирмы «Карелвнешторг» была предпринята попытка вывозки в Грузию лесоматериалов по лицензии, декларированной не своим наименованием, что являлось правонарушением, предусмотренным ст. 98 Таможенного кодекса. По данному факту в январе 1993 года городской суд Петрозаводска наложил на Карелвнешторг штраф в размере 200 тыс. рублей с конфискацией 100 куб. м пиломатериалов²².

Из-за крайне напряженного положения с продовольствием по всей стране поставки продовольствия из других регионов нередко срывались, что заставляло руководство РК обращать свое внимание на сотрудничество с зарубежными странами. Тесная работа с федеральным правительством в этом направлении давала положительные результаты. Принятые в 1991 году нормативные документы фактически преобразовали Карелию в свободную экономическую зону. Такой статус предоставлял республике ряд привилегий и свобод во внешнеэкономической деятельности, что позволило значительно активизировать деловые отношения с зарубежными партнерами. Выросший в несколько раз товарооборот с другими странами значительно пополнил товарный рынок республики, а многочисленные контракты и инвестиции в других отраслях экономики дали мощный толчок для дальнейшей модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Распоряжение ВС РСФСР от 29.05.1991 г. «О создании условий для ускоренного развития Карельской АССР и расширения ее экономической самостоятельности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=17&nd=102011594 (дата обращения 02.03.2017).

² НА РК. Ф. Р–690. Оп. 11. Д. 5163. Л. 62–65.

³ Социально-экономические преобразования в Республике Карелия (1990–2005). Петрозаводск, 2007. С. 66.

⁴ НА РК. Ф. Р–690. Оп. 11. Д. 5162. Л. 28.

⁵ Там же. Д. 5162. Л. 29.

⁶ Там же. Д. 5173. Л. 41.

⁷ Там же. Д. 5165. Л. 139.

⁸ Там же. Д. 5369. Л. 12–13.

⁹ Там же. Д. 5369. Л. 242–243.

¹⁰ Указ Президента РСФСР от 26.12.1991 г. «Об условиях экономического эксперимента по созданию особого порядка инвестирования на территории Республики Карелия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yeltsin.ru/archive/act/33846/> (дата обращения 02.03.2017).

¹¹ Постановление Совета Министров СССР от 08.12.1990 «О формировании валютных фондов в 1991 году» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lawru.info/dok/1990/12/08/n1176813.htm> (дата обращения 02.03.2017).

¹² НА РК. Ф. Р–690. Оп. 11. Д. 5369. Л. 23.

¹³ Там же. Д. 5368а. Л. 11–12.

¹⁴ Там же. Ф. Р–689. Оп. 20. Д. 2546. Л. 2.

¹⁵ Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1509> (дата обращения 02.03.2017).

¹⁶ НА РК. Ф. Р–689. Оп. 20. Д. 2613. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 2548. Л. 48.

¹⁸ Там же. Ф. Р–690. Оп. 11. Д. 5514. Л. 69.

¹⁹ Там же. Д. 5448. Л. 86–94.

²⁰ Там же. Д. 5457. Л. 28.

²¹ Там же. Л. 53.

²² Там же. Л. 68–69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внешнеэкономическая деятельность Республики Карелия: современное состояние, проблемы, перспективы. Петрозаводск: КарНЦ РАН. Ин-т экономики, 1999. 118 с.
2. Громцев Н. А. Внешнеэкономическая деятельность Республики Карелия // Структурная перестройка экономики Республики Карелия: проблемы, тенденции, перспективы: Труды института экономики КарНЦ РАН. Вып. 6. Петрозаводск, 2002. С. 234–243.
3. Громцев Н. А., Немкович Е. Г., Кухарева Т. В. Экспортный потенциал Республики Карелия // Экономические проблемы становления рыночных отношений Республики Карелия (проблемы и тенденции развития): Сб. науч. тр. Вып. 1. Петрозаводск, 1997. С. 99–104.
4. Дружинин П. В. Развитие экономики приграничных регионов в переходный период. Петрозаводск: КарНЦ РАН. Ин-т экономики, 2005. 245 с.
5. Кочкин П. А. Внешнеэкономическая деятельность Республики Карелия и Финляндии // Экономические проблемы становления рыночных отношений Республики Карелия (проблемы и тенденции развития): Сб. науч. тр. Вып. 1. Петрозаводск, 1997. С. 104–105.
6. Никольченко К. Е. Внешнеэкономическая деятельность Республики Карелия: современное состояние и перспективы // Вестник Карельского филиала СЗАГС – 2009. Петрозаводск, 2009. С. 90–94.

Shumilov M. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Kiselev A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ACTIVATION OF THE FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY OF KARELIA IN THE EARLY 1990s

The border status of the Republic of Karelia has certain economic advantages in trading with foreign partners; therefore, analysis of the foreign economic experience is always an important and urgent issue for the region. This article analyzes regulations and activities, which transformed Karelia into a free economic zone in the early 1990s. For the first time, based on the previously unpublished documents of the National Archives of the Republic of Karelia, a detailed description of the federal documents is provided. A certain degree of their influence on the region's foreign economic activity in the period of the formation of market relations is determined. In addition, the study revealed basic administrative measures undertaken by the regional leadership to adapt to the status of the republic as a free economic zone. We substantiated a conclusion that in conditions of the economic crisis and sharp deterioration of the internal economic relations the received privilege in the foreign economic activity gave the republic an opportunity to increase business relations with foreign partners significantly, which had a positive effect on the state of the consumer market and economy at large.

Key words: Karelia, import, export, trade, quotas, licenses

REFERENCES

1. *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Respubliki Kareliya: sovremennoe sostoyanie, problemy, perspektivy* [Foreign economic activity of the Republic of Karelia: current status, problems and prospects]. Petrozavodsk, KarNTs RAN. Institut ekonomiki Publ., 1999. 118 p.
2. Gromtsev N. A. Foreign economic activity of the Republic of Karelia [*Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Respubliki Kareliya*]. *Strukturnaya perestroyka ekonomiki Respubliki Kareliya: problemy, tendentsii, perspektivy: Trudy Instituta ekonomiki KarNTs RAN*. Petrozavodsk, 2002. Issue 6. P. 234–243.
3. Gromtsev N. A., Nemkovich E. G., Kuhareva T. V. The export potential of the Republic of Karelia [Eksportnyy potentsial Respubliki Kareliya]. *Ekonomicheskie problemy stanovleniya rynochnykh otnosheniy Respubliki Kareliya (problemy i tendentsii razvitiya): Sb. nauch. trudov*. Petrozavodsk, 1997. Issue 1. P. 99–104.
4. Druzinin P. V. *Razvitie ekonomiki prigranichnykh regionov v perekhodnyy period* [The economic development of the border regions in the transition period.]. Petrozavodsk, KarNTs RAN. Institut ekonomiki Publ., 2005. 245 p.
5. Kochkin P. A. Foreign Economic Activity of the Republic of Karelia and Finland [*Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Respubliki Kareliya i Finlyandii*]. *Ekonomicheskie problemy stanovleniya rynochnykh otnosheniy Respubliki Kareliya (problemy i tendentsii razvitiya): Sb. nauch. trudov*. Petrozavodsk, 1997. Issue 1. P. 104–105.
6. Nikul'chenkov K. E. Foreign economic activity of the Republic of Karelia: current status and prospects [*Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Respubliki Kareliya: sovremennoe sostoyanie, perspektivy*]. *Vestnik Karel'skogo filiala SZAGS – 2009*. Petrozavodsk, 2009. P. 90–94.

Поступила в редакцию 22.02.2017

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ev.kamenev@yandex.ru**«СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ» ДЕКАБРИСТОВ:
ПОВЕСТВОВАНИЕ М. В. НЕЧКИНОЙ О БОРЬБЕ ЧЛЕНОВ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ
ПРОТИВ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. М. КАРАМЗИНА**

Статья посвящена изучению коннотативных смыслов в повествовании М. В. Нечкиной о борьбе членов Союза Благоденствия против исторической концепции Н. М. Карамзина. Об этой борьбе Нечкина повествовала в монографии «Движение декабристов» (1955). Показано, что текст монографии построен по принципу многоярусной семантики: помимо буквального в нем присутствует культурно обусловленный смысл. Культурно обусловленное содержание формировалось благодаря самой форме повествования. Советский историк рассуждал о борьбе членов Союза Благоденствия против исторической концепции Карамзина в рамках дискурса кампании по борьбе с космополитизмом. Дискурс, использованный автором монографии, обеспечивал актуализацию в тексте официальных советских идеологем и запускал механизм проведения интертекстуальных связей. Погружение повествования советского историка в контекст советской идеологии обеспечивало включение в него коннотативных смыслов. В частности, понятие *декабристский патриотизм* обнаруживает несомненное сходство с понятием *советский патриотизм*, которое было зафиксировано в текстах, изданных в рамках кампании по борьбе с космополитизмом. Типологически совпадая с советским патриотизмом, патриотизм декабристов в рамках советского культурного кода приобретает позитивную коннотацию истинности, а декабристы понимаются как борцы с космополитизмом. Благодаря этому они включаются в рамках советской культуры в категорию «свои». Изучение коннотативных смыслов в работе Нечкиной важно для понимания механизма формирования советского образа декабристов. Этот образ формировался на основе соединения научного и культурного кодов. Важным инструментом его формирования было использование коннотативных смыслов и проведение интертекстуальных связей.

Ключевые слова: движение декабристов, М. В. Нечкина, кампания по борьбе с космополитизмом, семиотика, интертекст, коннотация

Лингвистический поворот – одно из наиболее заметных явлений в исторической науке последних десятилетий – актуализировал вопрос о способах познания прошлого и о возможных путях его интерпретации [25], [26].

Х. Уайт и Ф. Анкерсмит показали, что историческое прошлое как упорядоченный (объединенный причинно-следственной связью) и осмысленный феномен конструируется историком при помощи лингвистических и литературных средств. Нарративные и дискурсивные стратегии, используемые автором, оказывают влияние на формирование смысла исторического повествования [3], [18]. Другими словами, содержание повествования в исторической науке во многом зависит от его формы [27].

В этом контексте представляет интерес монография М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955)¹. На страницах этой работы конструируется образ декабристов, характерный для советской эпохи. Члены тайных обществ первой четверти XIX века показаны в книге как первые русские революционеры, тесно связанные с российской действительностью, как противники крепостного

права, борцы с самодержавием, сформулировавшие идею цареубийства.

В формировании этого образа не последнюю роль играли не только научные средства, но и сама форма повествования, при помощи которой описываемые события соотносились с прецедентными для советской культуры сюжетами. Благодаря этим корреляциям текст приобретал дополнительную смысловую глубину – помимо научного в нем присутствует еще культурно обусловленный уровень. Выйти на него невозможно без учета того исторического контекста, в рамках которого создавался этот труд.

Современная историография обращает свое внимание, с одной стороны, на изучение научного знания о декабристах. В этом смысле нужно отметить исследования М. С. Белоусова [7], Г. Д. Казьмирчука [25], [26], Ю. В. Латиша [26], А. Н. Цамутали [7]. К числу работ, посвященных изучению эволюции историографических концепций декабризма, относятся исследования Т. Н. Жуковской [10], [11], [12]. С другой стороны, в историографии изучается миф о декабристах [20], [21], [22].

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии коннотативных (культурно обусловленных) смыслов² в повествовании М. В. Нечкиной о борьбе членов Союза Благоденствия Михаила Орлова и Никиты Муравьева против исторической концепции Н. М. Карамзина, изложенной им в «Истории государства Российского». Речь об этом идет в 6-й главе («Работа Союза благоденствия (1818–1821)») I тома монографии «Движение декабристов» (1955).

Согласно Нечкиной, декабристы не могли принять историческую концепцию Н. М. Карамзина потому, что она противоречила их патриотическому мировоззрению: «Михаил Орлов, – сказано в монографии, – от лица членов тайного общества выразил совершенно правильную точку зрения, что “издание истории Российского государства есть дело отечественное...”». Именно поэтому движимые “священной любовью к отечеству”, декабристы пошли в бой против реакционной концепции Карамзина» (254). Почему борьба с исторической концепцией Н. М. Карамзина свидетельствует о патриотизме декабристов? Какой семантикой наделен декабристский патриотизм в монографии? Для ответа на эти вопросы рассмотрим, как Нечкина пишет об этой борьбе.

Во-первых, повествование о патриотизме декабристов ведется советским историком в контексте оппозиции норманизм – антинорманизм. Камнем преткновения между членами Союза и Карамзиным была норманская теория, которой придерживался автор «Истории государства Российского». Н. М. Карамзин, согласно Нечкиной, пропагандировал «легенду о призвании варягов <...> создавших русскую государственность и вообще положивших начало истории России» (252, 253). Члены Союза Благоденствия, напротив, считали, что Рюрик был не более чем предводителем военного отряда, призванного новгородцами: «...“шайка Рюрика” была лишь наемным варяжским отрядом, поступившим на службу славян» (252). Этой исключительно военной функцией и ограничивалась роль варяжского князя.

Такая позиция членов Союза позволяет М. В. Нечкиной назвать их патриотами. Именно так охарактеризован, к примеру, М. Орлов, боровшийся с «беспомощными и реакционными вымыслами Карамзина о варягах, якобы создавших русскую государственность и вообще положивших начало истории России» (253): «Революционный патриот и гражданин Орлов стоял на пути к истине, придворный историограф Карамзин уводил от нее читателя» (253).

Во-вторых, Нечкина связывает патриотические чувства декабристов с идеей борьбы против абсолютизма. Декабристы выступили против концепции Карамзина еще и потому, что она утверждала идею самодержавия и являлась идеологической опорой царского трона. Их взгля-

дам противоречило мнение Карамзина, согласно которому самодержавие утвердилось на Руси исключительно мирным путем по воле самого народа: «Карамзин, пропагандируя легенду о призвании варягов, утверждал мирный характер якобы по воле народа укрепившегося русского самодержавия, призванного к власти самим народом» (252). Члены Союза Благоденствия, напротив, «опираясь на обширный фактический материал, утверждали исконный характер древнерусского вечевого строя, издревле утвердившегося на Руси народоправства» (252). Поэтому декабристы как истинные патриоты «решительно отвергали <...> фальсификацию» Карамзина.

В монографии показано, что самодержавие в представлениях декабристов является таким же врагом, как и «татарское владычество». Разница заключается только в том, что ордынцы – это внешний враг, а абсолютизм – враг внутренний. «Никита Муравьев восставал против идеализации Карамзиным “азиатского деспотизма”, признавая законным непрерывное “борение граждан” во имя общего блага. Карамзин идеализировал крепостнические порядки старой России, – Никита Муравьев находил невозможным примириться не только с угнетающим Русь татарским владычеством, но считал, что “еще унижительнее для нравственности народной эпохи возрождения нашего рабская хитрость Иоанна Калиты, далее холодная жестокость Иоанна III, лицемерия Василия и ужасы Иоанна I”» (252). Именно поэтому, согласно мнению советского историка, «Михаил Орлов, как и Никита Муравьев, борясь против ложной норманской концепции Карамзина, боролся против самодержавия» (254).

В-третьих, повествование о борьбе декабристов с исторической концепцией Н. М. Карамзина ведется в контексте понятия, важного для понимания того семиотического кода, в рамках которого повествует советский историк. Это понятие *космополитизм*. Все актуализированные Нечкиной составляющие концепции Н. М. Карамзина – понятия *норманизм* и *самодержавие* – свидетельствуют о космополитизме автора «Истории государства Российского»: «Через ложную схему Карамзина отчетливо просвечивал сухой космополитизм, без колебаний заменивший историю русского народа историей иноземной династии» (254).

Члены Союза благоденствия, таким образом, предстают на страницах монографии как противники идеологии космополитизма, а понятие *декабристский патриотизм* наделяется антикосмополитическим звучанием: «Негодование передового убежденного патриота слышится в вопросах, брошенных Орловым Карамзину в первом же письме: “Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть

беспристрастным космополитом, а не гражданином?»» (254).

Нетрудно догадаться, что тот дискурс, в рамках которого Нечкина повествовала о борьбе членов Союза Благоденствия с исторической концепцией Карамзина, характерен для кампании по борьбе с космополитизмом. Об этом свидетельствует использование ключевого для этого дискурса понятия *космополитизм*, его активное противопоставление понятию *патриотизм*, а также рассуждение о взглядах декабристов в контексте оппозиции *норманизм – антинорманизм*.

Этот дискурс употреблен историком не случайно. Советская историческая наука уже вскоре после Октябрьской революции стала использоваться для решения политических и идеологических задач, одной из основных ее функций было участие в воспитании и просвещении масс [1: 22, 29]. И если изучение дореволюционной истории России первоначально не было в приоритете, то уже в 1930-е годы ситуация изменилась. С этого времени началась ее частичная реабилитация [13].

Реабилитация дореволюционной истории России была связана с актуализацией в официальной идеологии понятия *советский патриотизм*. Это понятие, впервые употребленное в 1934 году, заменило собой понятие красного патриотизма и, в отличие от него, предполагало обращение к истории [9: 50, 60]. В основу патриотической идеи было положено представление о том, что Советская Россия является закономерной наследницей лучших традиций прошлого [13: 230]. Историкам, не понявшим политического смысла возвращения ко многим национально-историческим традициям, были подвергнуты достаточно грубой критике³.

В период работы Нечкиной над монографией в официальной идеологии был сделан особый акцент на понятии советского патриотизма – в 1948 году началась кампания по борьбе с космополитизмом⁴. Понятие советского патриотизма стало активно использоваться в качестве противопоставления «рабскому преклонению перед Западом».

Как показал А. М. Дубровский, антикосмополитическая линия конца 1940-х – начала 1950-х годов имела ярко выраженный исторический аспект, в непосредственной связи с ее реализацией актуализировались и обострились отношения в системе «власть – историк» [9: 569]. Историкам должны были «идти в первых рядах борцов с буржуазной идеологией», приложить все силы к искоренению «космополитических идей и концепций»⁵. В «Плане мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» говорилось, что необходимо показывать не только «величие социалистической родины», но и разъяснять, что «наш народ вправе гордиться и своим великим историческим прошлым»⁶.

Для утверждения понятия советского патриотизма и обоснования идеи, согласно которой это понятие имеет под собой историческую почву, нужны были примеры из прошлого. Декабристы, позитивно охарактеризованные самим В. И. Лениным⁷, могли стать таким примером.

В этих условиях советский историк должен был постоянно соотносить прошлое с настоящим. Все это приводило к тому, что разговор о декабристах был полисемантичен по своей сути. Идеология советского патриотизма является тем семиотическим кодом, с помощью которого зафиксированы в тексте монографии Нечкиной культурно обусловленные смыслы. Без учета этого кода повествование Нечкиной о борьбе членов Союза Благоденствия с исторической концепцией Карамзина не может быть понято.

Рассмотрим этот культурный код. Мы будем опираться исключительно на те тексты, которые были, во-первых, опубликованы незадолго до выхода в свет монографии «Движение декабристов» (1955), во-вторых, рассчитаны советскими идеологами на массового читателя, тексты, которые являлись актуальными и известными в конце 1940-х – середине 1950-х годов, то есть во время подготовки и публикации монографии «Движение декабристов». К таким текстам мы относим статью Д. Т. Шепилова «Советский патриотизм»⁸, опубликованную в общесоюзной газете «Правда» в 1947 году; публичную лекцию кандидата философских наук члена редколлегии журнала «Коммунист» А. И. Соболева «О советском патриотизме»⁹, организованную Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний и прочитанную в центральном лектории общества в Москве, а затем опубликованную отдельной брошюрой в издательстве «Правда» в 1948 году; статью «Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны», изданную в журнале «Большевик» в 1948 году¹⁰; статью заведующего отделом печати МИД СССР Г. П. Францева «Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции», опубликованную в 1949 году в газете «Правда»¹¹. Поскольку адресатом монографии были историки, нужно учитывать также тексты, адресованные непосредственно им. В этом смысле сформулированным критерием отвечает статья «О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии»¹², опубликованная в журнале «Вопросы истории» в 1949 году.

Все эти тексты являлись прецедентными в культурной ситуации рубежа 1940-х – 1950-х годов, так как они формировали понятие *советский патриотизм* и раскрывали его семантику. Советский патриотизм назван в них «принципиально новым высшим типом» любви к отечеству. Его формирование ассоциировалось со знаковыми для советской культуры событиями

и явлениями – революцией и формированием принципиально нового социалистического строя: «Советский патриотизм, – говорилось в лекции А. И. Соболева, – сложился в ходе исторической борьбы народов нашей страны за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за ликвидацию эксплуататорских классов, за построение социалистического общества»¹³.

Каковы характерные черты советского патриотизма?

Советский патриотизм включал в себя чувство национального достоинства и чувство гордости за свою страну. Поэтому он предполагал борьбу с норманизмом. Патриот не может быть сторонником норманской теории, так как она, утверждая решающую роль внешнего фактора в процессе становления русской государственности, направлена против чувства национального достоинства. Так, например, в лекции «О советском патриотизме» говорилось, что «иностранные ученые разрабатывали лженаучные, клеветнические “теории” о несамостоятельности русского государственного и культурного развития, о том, что русские по своей природе неспособны самостоятельно управлять страной и создавать материальные и культурные ценности»¹⁴. К числу таких концепций автор относил норманизм: «...немецкий ученый Байер выдвинул пресловутую “норманскую теорию” происхождения русского государства: согласно этой лживой “теории”, будто бы не русские, а варяги создали русскую государственность, и все, чем гордится русский народ, имеет иностранное происхождение»¹⁵.

Напротив, советские идеологи утверждали, что русский народ на протяжении всей своей истории был самостоятелен в культурном, научном и политическом смыслах¹⁶.

Советский патриотизм противопоставлен «безродному космополитизму» западного общества. Идеология космополитизма, отрицающая чувство национального достоинства, является весьма опасным оружием: «Вред и опасность проповеди космополитических идей, – говорится в статье “О задачах советских историков...”, – заключается в том, что они направлены против советского патриотизма, что они подрывают дело воспитания советских людей в духе патриотической гордости за нашу социалистическую Родину, за великий русский народ»¹⁷. «Космополитизм – это оборотная сторона буржуазного национализма», – отмечал Г. П. Францев¹⁸.

Кроме того, в качестве необходимого элемента в понятие *советский патриотизм* входит идея борьбы с самодержавием. Согласно текстам, изданным в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, процесс формирования советского патриотизма начался задолго до октября 1917 года и был связан с развитием революционного движения в стране: «Советский патри-

отизм, – утверждал А. И. Соболев, – сложился в ходе исторической борьбы народов нашей страны за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за ликвидацию эксплуататорских классов, за построение социалистического общества»¹⁹. Самодержавие является внутренним врагом, поработившим народ. Поэтому каждый истинный патриот должен вести против него непримиримую борьбу. «На протяжении многих столетий, – говорилось в лекции “О советском патриотизме”, – патриотические чувства русского народа (который к тому же не был единым, социально однородным), его ненависть к чужеземным угнетателям и героическая борьба с ними не находились в тесной связи с ненавистью, которую он питал к внутренним угнетателям и поработителям, с борьбой, которую он вел против собственных эксплуататоров. Эти две стороны всякого истинного патриотизма: ненависть и борьба с внешними поработителями, а также ненависть и борьба с внутренними поработителями – существовали раздельно»²⁰.

Понятие *советский патриотизм* включало в себя, таким образом, в качестве необходимой составляющей еще и идею революционной борьбы за освобождение народа от «внутренних угнетателей»²¹. Только настоящий революционер может быть патриотом, и наоборот, если человек является истинным патриотом, то он должен быть революционером.

В советской идеологии была четко сформулирована оппозиция: есть либо истинный советский тип патриотизма, который ассоциируется с большевиками, либо псевдопатриотизм буржуазии и «раболопение перед Западом» русского дворянства.

Советский патриотизм понимался не просто как социалистический вариант любви к отечеству, а как единственно верный, истинный тип патриотизма. Советские идеологи утверждали, что за рубежом никакой любви к отечеству не существует. Понятие *патриотизм* используется там лишь в качестве прикрытия для разного рода националистических концепций. Так, например, Д. Т. Шепилов писал: «В целях одурачивания народных масс идеологи буржуазии не прочь пожонглировать словами “родина”, “патриотизм”, “отчизна”»²². На этом основании автор делает вывод, согласно которому «мнимый патриотизм буржуазии является на самом деле шовинизмом»²³. Сходные мысли обнаруживаем и у А. И. Соболева: «Извращая идею патриотизма, полностью уничтожая всякое прогрессивное содержание патриотических лозунгов, идеологи буржуазии создали расовые, шовинистические, националистические теории, проповедующие ненависть одной нации к другой, разжигающие вражду между народами»²⁴; «...все “теории” расизма, шовинизма, национализма есть лжепатриотические, они служат идеологическим оружием

буржуазии в борьбе за угнетение своего и других народов»²⁵.

Советский патриотизм противопоставлен в интересующих нас текстах не только «буржуазному псевдопатриотизму» XX века, но и чувству «раболепия перед Западом», характерному для «господствовавших классов» дореволюционной России. Согласно советской идеологии, дореволюционное дворянство было полностью лишено патриотического чувства. Для него были характерны «антинародность и антипатриотизм»²⁶, дворяне «пресмыкались перед своими западноевропейскими компаньонами, находясь от них в экономической зависимости»²⁷. «Оторванные от народа и глубоко чуждые ему правящие классы царской России, – отмечал Д. Т. Шепилов в статье «Советский патриотизм», – не верили в творческие силы русского народа и обрекали его на вечную кабальную зависимость от заграницы. <...> Лишенные национального достоинства и гордости, рассматривая народ как “быдло” и “чернь”, они культивировали среди русской интеллигенции взгляды о неполноценности нашего народа, о способности России лишь волочиться за буржуазным Западом, слепо подражать западноевропейским образцам»²⁸.

Советский патриотизм, напротив, ассоциируется партийными идеологами с большевиками. Именно большевики соединили «две стороны всякого истинного патриотизма» – борьбу с внешним и внутренним врагами – и благодаря этому сформулировали идею истинного патриотизма. «Большевики, – отмечал А. И. Соболев, – ясно указали, что истинная любовь к Родине, к ее народу и ее культуре органически включает в себя ненависть к угнетению не только национальному, но и социальному, что подлинная защита интересов народа и забота о процветании Родины возможны только в решительной и беспощадной борьбе с эксплуататорами, с эксплуатацией человека человеком, в борьбе и за национальную и за социальную свободу»²⁹. Кроме того, большевики постоянно боролись против антипатриотической идеологии: «Партия большевиков на всем протяжении своей деятельности решительно боролась против буржуазного национализма, против малейших проявлений космополитизма», – отмечал Г. П. Францев³⁰.

В рамках этого культурного кода антинародизм, антикосмополитизм, революционность являются знаками истинного патриотизма, кроме того, это знаки, которые позволяли отделять в советской культуре своих от чужих: патриотов от космополитов, а в исторической перспективе – прогрессивные силы от реакционеров царской России³¹.

В этом контексте патриотизм декабристов, в том виде, в каком он изображен Нечкиной, не

похож ни на «буржуазный псевдопатриотизм», ни на «раболепия перед Западом» русского дворянства. Декабристский патриотизм обнаруживает несомненное сходство с понятием истинного патриотизма, которое зафиксировано в прецедентных текстах советской эпохи. В обоих случаях патриотизм противопоставлен космополитизму и норманизму, в обоих случаях патриотизм включает в себя идею революционной борьбы с самодержавием. Типологически совпадая с советским патриотизмом, патриотизм декабристов в рамках советского культурного кода приобретает позитивную коннотацию истинности.

Благодаря тому, что декабристы, в отличие от представителей своего сословия, отказались «пресмыкаться перед Западом», активно выступив за утверждение чувства национального достоинства, их образ не совпадает с образом дореволюционного дворянства. Повествование о борьбе декабристов против концепции Н. М. Карамзина коннотирует идею исключительного положения декабристов в дворянском сословии – в советской культуре они исключаются из категории «они» (антинародные, антипатриотические силы дореволюционной России, представленные «господствующими классами»). Одновременно декабристы как настоящие патриоты включаются в советской культуре в категорию «мы». Члены Союза Благоденствия точно так же, как и большевики, сумели объединить патриотизм с идеей борьбы против «внутреннего врага».

Текст советского историка, таким образом, построен по принципу многоярусной семантики³². Один и тот же план выражения содержит на разных смысловых уровнях текста различное содержание. На уровне первичной знаковой системы, представленной естественным языком, на котором Нечкина вела повествование, выражен буквальный смысл. Культурно обусловленные смыслы выражены в тексте на уровне вторичной знаковой системы, представленной идеологией советского патриотизма.

Изучение коннотативных смыслов в работе Нечкиной важно для понимания механизма формирования советского образа декабристов: он формировался на основе соединения научного и культурного кодов. Культурно обусловленное содержание формировалось во многом благодаря самой форме повествования: дискурс, использованный автором монографии, обеспечивал актуализацию в тексте официальных идеологем и запуск механизма проведения интертекстуальных связей. Погружение повествования советского историка в контекст работ, изданных в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, приводило к включению в него культурно обусловленных смыслов, что и формировало советский образ декабристов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Далее цитируется по данному изданию с указанием в круглых скобках страницы.
- ² Современная семиотика выделяет в языке два плана – денотативный и коннотативный [16: 11]. Коннотативные смыслы, в отличие от денотативных, которые зафиксированы в словарях, не фиксируются ни в словаре, ни в грамматике языка, на котором написан текст [5: 425]. Они «прямо не называются, а лишь подразумеваются и поэтому могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих» [17: 18]. Их актуализация зависит от энциклопедии знаний читателя, которая формируется на основе уже прочитанного. Согласно Умберто Эко, «чтение любого текста зависит от опыта читателя по чтению других текстов» [21: 43]. Поэтому актуализация коннотаций имеет интертекстуальный аспект.
- ³ Критике подверглись историки Г. С. Фридлянд и Н. Н. Ваняг [15: 227–228]. Тот факт, что М. В. Нечкина завершила работу над монографией и издала ее уже после смерти В. И. Сталина, не отменял необходимости следовать руководящим указаниям партии – даже в середине 1950-х – середине 1960-х годов историкам удалось получить лишь относительную свободу [19: 266]. Однако нужно отметить, что погружение исторических взглядов декабристов в контекст идеи кампании по борьбе с космополитизмом в середине 1950-х годов уже выглядело анахронизмом. К примеру, тема декабристской борьбы с исторической концепцией Н. М. Карамзина привлекала внимание другого видного советского историка А. В. Предтеченского. В «Очерках истории исторической науки в СССР» (1955) он рассуждал о борьбе декабристов против исторической концепции Карамзина без каких-либо отсылок к кампании по борьбе с космополитизмом (Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. I. С. 288–303). Зависимость Нечкиной от уже устаревшего к середине 50-х годов антикосмополитического дискурса связана, вероятно, с тем, что текст монографии долго писался. Еще рецензент монографии С. Б. Окунь заметил, что в тексте содержатся фрагменты, написанные в разное время, которые в ряде случаев даже противоречат друг другу (Окунь С. Б. Рецензия на книгу: М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. I. 480 с.; Т. II. 504 с. М.: Изд-во АН СССР, 1956 // Вопросы истории. 1955. № 10. С. 158).
- ⁴ С. Б. Окунь отмечал, что исследование Нечкиной «является итогом тридцатилетней работы автора над всем комплексом проблем, связанных с выступлением первых дворянских революционеров» (Окунь С. Б. Указ. соч. С. 152). Разумеется, непосредственная работа над текстом заняла меньший срок. Согласно дневникам Нечкиной, работа над текстом началась на рубеже 1940-х – 1950-х годов. Так, например, запись в дневнике от 30 января 1950 года: «Работала (впервые после долгого перерыва, вызванного учебником!) над монографией “Движение декабристов”». Согласно дневнику учебного, работа над текстом монографии шла также в ноябре и декабре 1951 года (Нечкина М. В. Деловые дневники: 1919–1984 гг. // «И мучилась и работала невероятно...»: Дневники М. В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013. С. 370, 371).
- ⁵ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 10, 13.
- ⁶ План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Документ агитпропа ЦК // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005. С. 112.
- ⁷ Декабристы, согласно В. И. Ленину, стояли у истоков русского освободительного движения и впервые сформулировали республиканскую идею (Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1972. Т. 6 : Январь – август 1902. С. 319; Ленин В. И. Памяти Герцена // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1976. Т. 21: Декабрь 1911 – июль 1912. С. 261). Как борцы с самодержавным насилием декабристы отмечены В. И. Лениным в одном ряду с Радищевым, народниками и большевиками: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс» (Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1977. Т. 26: Июль 1914 – август 1915. С. 107).
- ⁸ Шепилов Д. Советский патриотизм // Правда. 1947. 11 авг. С. 2–3.
- ⁹ Соболев А. И. О советском патриотизме: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М.: Правда, 1948.
- ¹⁰ Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны // Большевик. 1945. № 10. С. 3–12.
- ¹¹ Францев Г. П. Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005. С. 370–376.
- ¹² О задачах советских историков... С. 3–13.
- ¹³ Соболев А. И. Указ. соч. С. 3.
- ¹⁴ Там же. С. 13.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См., например: Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны // Большевик. 1948. № 10. С. 3–12.
- ¹⁷ О задачах советских историков... С. 4.
- ¹⁸ Францев Г. П. Указ. соч. С. 371.
- ¹⁹ Соболев А. И. Указ. соч. С. 3.
- ²⁰ Там же. С. 11.
- ²¹ Официальное содержание понятие патриотизм было дополнено идеей революционности еще в 1940-е годы. Отсутствие связей в литературных и научных сочинениях между чувством государственного патриотизма и революционными традициями стало вызывать беспокойство аппарата ЦК. Власть предприняла ряд мер для решения этой проблемы [3: 49]. В частности, на знаменитом совещании по вопросам истории в ЦК ВКП(б) в 1944 году, участие в котором принимала М. В. Нечкина, был поднят вопрос о развитии русского национального самосознания и его связи с «героическим прошлым» народа, под которым понималось в том числе русское революционное движение (Стенограмма по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 79).
- ²² Шепилов Д. Указ. соч. С. 2.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Соболев А. И. Указ. соч. С. 17.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Шепилов Д. Указ. соч. С. 2.
- ²⁷ Там же. С. 4.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Соболев А. И. Указ. соч. С. 18.
- ³⁰ Францев Г. П. Указ. соч. С. 376.

- ³¹ Согласно А. М. Дубровскому, понятие патриотизма было связано с чувством социального превосходства над «буржуями», которое видно в ряде политических выступлений И. В. Сталина. Характерная для этих выступлений оппозиция «мы» – «они» строится на основе этого чувства [9: 44–45].
- ³² В таких текстах «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания» [18: 286]. По такому принципу построены, например, художественные тексты [4], [6]. И. Н. Данилевский показал, что повествование о прошлом (летописи) строится подобным образом [8: 179].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 13–51.
2. Амиантов Ю. Н. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. Вступительная статья // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–54.
3. Анкерсмит Ф. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
4. Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 275–352.
5. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
6. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
7. Белоусов М. С., Цамугали А. Н. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2: История. 2015. Вып. 4. С. 5–19.
8. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
9. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
10. Жуковская Т. Н. А. А. Пресняков – декабрист // Третьи Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня в Михайловском замке: Материалы научной конференции. СПб.: Конترفорт, 1997. С. 81–87.
11. Жуковская Т. Н. А. Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 28–40.
12. Жуковская Т. Н. Павел I и Александр I в лекционных курсах 1930–1950-х годов А. В. Предтеченского и С. Б. Окуня // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 10–21.
13. Константинов С. В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 217–243.
14. Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 7–22.
15. Косиков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 5–50.
16. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
17. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х гг. – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 244–268.
18. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.
19. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 502 с.
20. Эрлих С. Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 550 с.
21. Эрлих С. Е. Из позднесоветской истории декабристского мифа // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 93–102.
22. Эрлих С. Е. История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алтейя, 2006. 268 с.
23. Greisach E. On the Future of History: the Postmodernist challenge and its aftermath. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2003. 243 p.
24. Iggers G. Historiography in the Twentieth Century – From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover, N. H. and London: Wesleyan University Press, 1997. 208 p.
25. Казьмирчук Г. Д. Декабристы. Историография проблемы. 1917–1935 pp. Киев, 1994. 125 с.
26. Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В. Концепція «українського декабризму» // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років. Київ, 2011. С. 5–21.
27. White H. Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1990. 244 p.

Kamenev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**“SOVIET PATRIOTISM” OF DECEMBRISTS:
M. V. NECHKINA'S NARRATION ON THE STRUGGLE OF THE MEMBERS OF THE UNION
OF PROSPERITY AGAINST N. M. KARAMZIN'S HISTORICAL CONCEPTION**

The article is devoted to the study of connotative meanings in M. V. Nechkina's narration on the struggle of the members of the Union of Prosperity against N. M. Karamzin's historical conception. M. V. Nechkina described this struggle in her monograph “The Decembrist Movement” (1955). The article shows that the text of the Soviet historian is built on the principle of multilevel semantics: in addition to the literal there is also a culturally-based meaning. The culturally-based content was formed due to the very form of narration. The Soviet historian talked about the struggle of the members of the Union of Prosperity against Karamzin's historical conception within the discourse of the Soviet campaign against cosmopolitanism. The discourse used by the author of the monograph provided actualization of the official Soviet ideologemes in the text and set up a mechanism of intertextual connections. Immersion of the Soviet historian's narrative into the context of the Soviet ideology ensured inclusion of connotative meanings in its course. In particular, the concept of Decembrist patriotism in Nechkina's monograph reveals an undoubted similarity to the concept of the

Soviet patriotism, which was written down in the texts published as a part of the campaign against cosmopolitanism. Typologically coinciding with the Soviet patriotism, the Decembrist patriotism within the framework of the Soviet cultural code acquires positive connotation of the truth, and the Decembrists are interpreted as fighters with cosmopolitanism. Due to this, they are included into the category of “our own” within the framework of the Soviet culture. The study of connotative meanings in Nechkina’s monograph is essential for the understanding of the formation mechanism of the Soviet image of Decembrists. This image was formed on the basis of combination of scientific and cultural codes. An important tool for its formation was the use of connotative meanings and implementation of intertextual connections.

Key words: the Decembrists movement, M. V. Nechkina, Soviet anti-cosmopolitanism campaign, semiotics, intertextuality, connotation

REFERENCES

1. Alekseeva G. D. The October Revolution and Historical Science [Oktyabr’skaya revolyutsiya i istoricheskaya nauka]. *Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke*. Moscow, Nauchno-izdatel’skiy tsentr “Skriptoriy” Publ., 1997. P. 13–51.
2. Amiantov Yu. N. Transcript of the meeting on the history of the USSR in the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) in 1944. Introductory article [Stenogramma soveshchaniya po voprosam istorii SSSR v TsK VKP(b) v 1944 godu. Vstupitel’naya stat’ya]. *Voprosy istorii*. 1996. № 2. P. 47–54.
3. Ankersmit F. *Istoriya i tropologiya: Vzlet i padenie metafory* [History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, Kanon+ Publ., 2009. 400 p.
4. Barthes R. Elements of Semiology [Osnovy semiologii]. *Barthes R. Nulevaya stepen’ pis’ma*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. P. 275–352.
5. Barthes R. Textual analysis of the tale by Poe [Tekstovoy analiz odnoy novelly Edgara Po]. *Barthes R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. Moscow, Progress Publ., 1989. P. 424–461.
6. Barthes R. *S/Z [S/Z]*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 232 p.
7. Belousov M. S., Tsamutali A. N. 190 Anniversary of Decembrist Uprising [190-letie vosstaniya dekabristov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University]. Series 2: History. 2015. Issue 4. P. 5–19.
8. Danilevskiy I. N. *Povest’ vremennykh let: germeneyticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: the hermeneutical bases of chronicles]. Moscow, Aspect-Press Publ., 2004. 370 p.
9. Dubrovskiy A. M. *Istoriya i vlast’: istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal’noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gody)* [Historian and Authority: the Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930–1950)]. Bryansk, Izd-vo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I. G. Petrovskogo, 2005. 800 p.
10. Zhukovskaya T. N. A. A. Presnyakov – the Historian of the Decembrists Movement [A. A. Presnyakov – dekabristoved]. *Tret’i Martovskie chteniya pamyati S. B. Okunya v Mikhaylovskom zamke: Materialy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, Kontrfors Publ., 1997. P. 81–87.
11. Zhukovskaya T. N. A. E. Presnyakov and Marxism: the experiment of historiographical demythologization [A. E. Presnyakov i marksizm: opyt istoriograficheskoy demifologizatsii]. *Rossiya v XIX–XX vv.: Sb. st. k 70-letiyu R. Sh. Ganelina*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1998. P. 28–40.
12. Zhukovskaya T. N. Paul I and Alexander I in lecture courses of A. V. Predtechensky and S. B. Okun [Pavel I i Aleksandr I v lektsionnykh kursakh 1930–1950-kh godov A. V. Predtechenskogo i S. B. Okunya]. *Trudy istoricheskogo fakul’teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2012. № 11. P. 10–21.
13. Konstantinov S. V. Pre-revolutionary history of Russia in the ideology of the AUCP (b) 30-ies [Dorevolutsionnaya istoriya Rossii v ideologii VKP(b) 30-kh gg.]. *Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke*. Moscow, Nauchno-izdatel’skiy tsentr “Skriptoriy” Publ., 1997. P. 217–243.
14. Kosikov G. Ideology. Connotation. Text [Ideologiya. Konnotatsiya. Tekst]. *Barthes R. S/Z*. Moscow, Editoreal URSS Publ., 2001. P. 7–22.
15. Kosikov G. Roland Barthes – a semiotician and a theorist of literature [Rolan Bart – semiolog, literaturoved]. *Barthes R. Nulevaya stepen’ pis’ma*. Moscow, Academicheskii proekt Publ., 2008. P. 5–50.
16. Lotman Yu. M. *Stat’i po semiotike kul’tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. St. Petersburg, Academicheskii Proekt Publ., 2002. 544 p.
17. Sidorova L. A. A period of the Thaw in historical science. Mid-50’s – mid-60’s [Ottepel’ v istoricheskoy nauke. Seredina 50-kh gg. – seredina 60-kh gg.]. *Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke*. Moscow, Nauchno-izdatel’skiy tsentr “Skriptoriy” Publ., 1997. P. 244–268.
18. White H. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth-century Europe]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural’skogo universiteta, 2002. 528 p.
19. Eco U. *Rol’ chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader: Explorations of the text’s semiotics]. Moscow, RGGU Publ., 2005. 502 p.
20. Erlikh S. E. *Voyna mifov. Pamyat’ o dekabristakh na rubezhe tysyacheletiy* [War of myths. The memory about Decembrists at the turn of millennium]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 550 p.
21. Erlikh S. E. From the late-Soviet history of the Decembrist myth [Iz pozdnesovetskoy istorii dekabristskogo mifa]. *Ural’skiy istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal]. 2015. № 1 (46). P. 93–102.
22. Erlikh S. E. *Istoriya mifa (“Dekabristskaya legenda” Gertsena)* [The history of the myth (“The Decembrist legend” of Herzen)]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2006. 268 p.
23. Breisach E. *On the Future of History: the Postmodernist challenge and its aftermath*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2003. 243 p.
24. Iggers G. *Historiography in the Twentieth Century – From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover, N. H. and London: Wesleyan University Press, 1997. 208 p.
25. Казьмирчук Г. Д. Декабристи. Історіографія проблеми. 1917–1935 рр. Київ, 1994. 125 с.
26. Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В. Концепція «українського декабризму» // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років. Київ, 2011. С. 5–21.
27. White H. *Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1990. 244 p.

Поступила в редакцію 23.11.2016

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО
кандидат исторических наук, специалист Управления
научных исследований, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
krivfed@yandex.ru

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Целью статьи является рассмотрение причин и характера репрессивной политики власти в отношении Петроградского университета. Отрицательное восприятие вузом Октябрьской революции наложило негативный отпечаток на характер взаимоотношений между университетом и совнаркомом. Ситуацию осложнила начавшаяся деструктивная полемика вокруг реформы высшей школы. Позиция, занимаемая вузом, рассматривалась большевиками в качестве саботажа, осуществляемого в интересах белого движения. В связи с этим профессура расценивалась органами госбезопасности Петрограда в качестве «агентов буржуазии» и была объектом их внимания в период Гражданской войны.

Ключевые слова: репрессии, философский пароход, Петроградская боевая организация, реформа высшей школы

Высшее образование является той сферой общественной деятельности, которая в России всегда находилась на особом контроле власти. Степень этого внимания варьировалась и зависела во многом от внутривнутриполитического климата в стране.

Петроградский университет, как и вся высшая школа России, отрицательно воспринял приход к власти большевиков осенью 1917 года. Советская власть, в свою очередь, остро нуждалась в хорошо образованных специалистах, способных в короткий срок восстановить разрушенную экономику страны. По мнению большевиков, одним из главных залогов осуществления этого плана было наличие лояльной высшей школы. Несмотря на протесты со стороны вузов, Наркомпрос в 1918 и 1919 годах провел ряд мероприятий, направленных на реформирование высшего образования, но вузы сумели свести эффект этих действий к минимуму, формально выполнив при этом распоряжения властей.

Конфронтация стала главной причиной применения властью в отношении высшей школы репрессивной политики. Профессура была зачислена в «агенты буржуазии», ведущей к тому же контрреволюционную пропаганду. В условиях Гражданской войны подобные оценки могли стать роковыми. Начиная с 1919 года профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета начинает испытывать на себе репрессивные меры со стороны ВЧК. Ее члены стали фигурантами одного из первых крупных процессов, организованных органами госбезопасности. Речь идет о деле «Национального центра», которое рассматривалось в 1919–1920 годах в рамках дела «Тактического центра». Этим событиям предшествовало подавление в июне 1919 года антибольшевистского восстания в форте «Красная

Горка» и батарее «Серая Лошадь» под Петроградом [1: 73]. В советской историографии отмечалась налаженная связь по координации контрреволюционных действий руководства восставшего форта и батареи с лидерами «Национального центра» [3: 181]. В связи с этим массовые аресты в сентябре 1919 года петроградской интеллигенции, близкой к кадетским кругам, рассматривались большевиками в качестве превентивной меры против аналогичных возможных восстаний у себя в тылу во время наступления Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Этот тезис подтверждается перепиской между В. И. Лениным и М. Горьким в середине сентября того же года. В ответ на письмо-протест последнего против массовых задержаний В. И. Ленин замечал, что арест «кадетской (и околокадетской) публики» был вынужденной мерой, и соглашался с тем, что многих арестовали по ошибке. Однако лидер большевиков в резкой форме указал на то, что в таких перегибах нет ничего страшного¹.

Аресты сотрудников университета начались уже в сентябре 1919 года. В ночь на 4 сентября по ордеру ЧК был арестован профессор Д. Д. Grimm, который в период правления Временного правительства занимал должность товарища министра народного просвещения. Тогда же был арестован проректор университета профессор Н. Н. Розин, О. А. Добиаш-Рождественская, Л. В. Щерба, М. Я. Пергамент и ряд других. Ректор университета известный историк-антиковед С. А. Жебелёв лично отправил А. В. Луначарскому протесты по поводу массового ареста ведущих ученых. Несмотря на заверения А. В. Луначарского в том, что в ближайшее время задержанные будут опущены, аресты продолжились. Были арестованы Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Г. Ф. Церетели, В. М. Таганцев².

Репрессивная практика в отношении Петроградского университета была не только следствием дела «Национального центра». Она стала сигналом, посредством которого власть дала понять, что дальнейший диалог вокруг реформы высшей школы может проходить уже с позиции силы. Университет сравнительно легко пережил первый крупный процесс, организованный органами госбезопасности. Так, арест Ф. Ю. Левинсон-Лессинга длился несколько дней, после чего его отпустили из-под стражи без предъявления обвинения [4: 36]. Через несколько недель на свободу был выпущен Л. В. Щерба [4: 34]. К середине декабря 1919 года под арестом все еще находились Г. Ф. Церетели, И. М. Кулишер и В. М. Таганцев.

Ученые университета проходили в качестве обвиняемых по ряду дел, связанных с религиозной тематикой. Известный физиолог А. А. Ухтомский являлся старостой Единоверческой церкви в Петрограде. В 1920 году он стал одним из главных фигурантов дела «Союза верных», однако из-за отсутствия доказательств вины вскоре он был освобожден. В 1923 году А. А. Ухтомский активно сопротивлялся кампании по изъятию церковных ценностей и вновь был арестован, но вскоре отпущен. Существует мнение, что быстрое освобождение профессора – результат усилий Ф. Э. Дзержинского [4: 45]. В отличие от А. А. Ухтомского, для профессора Ю. П. Новицкого участие в кампании против изъятия церковных ценностей обернулось трагедией. Он стал одним из главных подсудимых на Петроградском процессе в 1922 году и был расстрелян вместе с митрополитом Петроградским и Ладожским Вениамином и еще двумя обвиняемыми [6: 51].

Самым тяжелым по последствиям политики террора, которые ощутил на себе университет, стало дело Петроградской боевой организации 1921 года. По версии Петроградского губчека, во главе этой подпольной организации стоял профессор университета В. Н. Таганцев. Это дело стало частью террора, развернутого властью после подавления Кронштадтского мятежа. Главной целью стало предостережение интеллигенции от гипотетических антиправительственных действий на фоне существовавшей растерянности власти после подавления мятежа. Несмотря на широкую волну протестов и обращений к руководству страны, в августе и октябре по делу «Петроградской боевой организации» были вынесены два постановления. Согласно им, к расстрелу приговорили 98 человек. Университет был шокирован казнью профессора В. Н. Таганцева и его жены Надежды Феликсовны, а также проректора, профессора Н. И. Лазаревского [2: 141].

В связи с раскрытием «Петроградской боевой организации» в городе были проведены массовые аресты бывших членов кадетской партии. От-

ношение руководства страны к «профилактическим» задержаниям интеллигенции, а также протестам против этих арестов было лишено двусмысленности. Выступая перед сотрудниками ЧК 7 ноября 1918 года, В. И. Ленин заявил: «У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними. <...> Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки ничего не стоящие»³. Одной из многих подобных «ошибок» стало задержание профессора И. Ю. Крачковского. Повод для ареста ученого-арабиста может вызывать лишь горькую иронию: всемирно известный востоковед, относившийся с симпатией к кадетской партии, был заподозрен чекистами в контрреволюционной деятельности в рамках эсеровской организации. В июле 1922 года он был арестован по обвинению в работе через граждан Финляндии на Савинковскую организацию. Лишь благодаря многочисленным ходатайствам со стороны академиков С. Ф. Ольденбурга, А. П. Карпинского, В. А. Стеклова и ректора университета Н. С. Державина его удалось освободить и отменить решение о ссылке в Казань [4: 75].

Анализ рассматриваемого периода с точки зрения репрессивной политики власти в отношении университетской корпорации был бы не полным без учета ставшей всемирно известной акции советского правительства – организации так называемого философского парохода осенью 1922 года. Очевидно, что профессорская забастовка 1921 года, когда многие представители вузов активно сопротивлялись введению нового устава высшей школы, стала одной из причин массовой высылки. В составленном ГПУ «петроградском» списке среди высылаемых было 6 профессоров Петроградского университета: П. А. Сорокин, Л. П. Карсавин, Б. Н. Одинцов, Н. О. Лосский (уволен из университета в 1921 году), И. И. Лапшин, А. А. Боголепов. Главными причинами включения их в списки депортируемых стали открыто высказываемые общественные, философско-религиозные взгляды, а также определенные научные взгляды. Б. Н. Одинцов писал впоследствии: «Среди нас, профессоров и литераторов, Вы найдете представителей всех дисциплин и направлений, но напрасно будете искать политиков, опасных для узурпаторов власти в России. За что же нас выслали? Что это – глупость или испуг? Я думаю, то и другое. Правители России, несмотря на свою наглость, настолько трусливы, что боятся каждого независимо и честно высказанного мнения и по глупости ссылают нас туда, где мы имеем полную возможность сказать ту правду, которую они хотят скрыть от себя и от всего света» [7: 589–590].

Философский пароход стал апогеем вынужденной эмиграции представителей главного вуза

Петрограда. Всего же в период с 1917 по 1922 год из страны выехало не менее 58 профессоров и преподавателей университета [5: 69–73].

Резюмируя, необходимо отметить, что репрессивная политика в период Гражданской войны стала стандартной практикой. Петроградский университет рассматривался большевиками как один из оплотов контрреволюции, находящийся в руках прокадетской интеллигенции. В свою очередь, профессура вуза не скрывала своей ан-

типатии к новому политическому режиму, но, как правило, не участвовала в открытых антисоветских выступлениях. Реализация университетской реформы послужила катализатором, до предела обострившим отношения между властью и университетом. Следствием этого стала репрессивная политика в отношении вуза, которая приняла различные формы: от реквизиций и краткосрочных арестов до насильственной высылки из страны и расстрелов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. А. М. Горькому // ПСС: В 55 т. Т. 51. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 47–48.

² Переписка по делу об арестах лиц преподавательского персонала I-го Петроградского университета, оставленных при университете и служащих при университете // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 127. Л. 29, 30, 35.

³ Ленин В. И. Речь на митинге-концерте сотрудников Всероссийской чрезвычайной комиссии 7 ноября 1918 г. // ПСС: В 55 т. Т. 37. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 173.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елизаров М. А. Восстание на форте «Красная Горка» в июне 1919 года. Правда и легенды // Морской сборник. 2009. Т. 1947. № 5. С. 69–75.
2. Измозик В. С. Петроградская боевая организация (ПВО) – чекистский миф или реальность? // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. М.: Кучково поле, 2008. С. 140–148.
3. Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004. 608 с.
4. Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных). М.: Современный писатель, 1998. 208 с.
5. Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2016. № 1. С. 64–75.
6. Тихонов И. Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. 112 с.
7. Finkel S. Purgings the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia // The Russian Review. 2003. Vol. 62. № 4. P. 589–613.

Krivozhenko A. F., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

REPRESSIONS WITH REGARD TO PETROGRAD UNIVERSITY IN THE PERIOD OF CIVIL WAR

The purpose of the article is to consider the reasons and nature of the repressive policy of the state towards Petrograd University. The negative attitude of the university to the establishment of the Soviet power in 1917 left a negative imprint on the nature of the relationship between the university and the Council of People's Commissars. The situation was complicated by the destructive controversy surrounding the reform of higher education. The leadership of the country viewed the position of the university in reforming higher education as sabotage, which was carried out in the interests of the white movement. In this regard, professors were regarded by the state security agencies as "agents of the bourgeoisie".

Keywords: repressions, philosophical steamer, Petrograd military organization, higher education reform.

REFERENCES

1. Elizarov M. A. The uprising at the Fort Krasnaya Gorka in June 1919. Truth and legends [Vosstanie na forte "Krasnaya Gorka" v iyune 1919 goda. Pravda i legendy]. *Morskoy sbornik* [Collected naval issues]. 2009. Vol. 1947. Issue 5. P. 69–75.
2. Izmozik V. S. Petrograd Combat Organization (PCO) – Was it a chekist myth or reality? [Petrogradskaya boevaya organizatsiya (PVO) – chekistskiy mif ili real'nost'?). *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. 1997–2007*. Moscow, 2008. P. 140–148.
3. Kornatovskij N. A. *Bor'ba za Krasnyy Petrograd* [The struggle for Red Petrograd]. Moscow, AST Publ., 2004. 608 p.
4. *Prosim osvobodit' iz tyuremnogo zaklyucheniya (pis'ma v zashchitu repressirovannykh)* [We ask to release from prison (letters in defense of the repressed)]. Moscow, Sovremennyy pisatel' Publ., 1998. 208 p.
5. Rostovtsev E. A., Sidorchuk I. V. Exiles of the "Soviet" University: collective portrait studies of the Petrograd teaching emigration [Izgnanniki "sovetskogo" universiteta: opyt kollektivnogo portreta prepodavatel'skoy emigratsii Petrograda]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University]. Ser. 2. 2016. Issue. 1. P. 64–75.
6. Tikhonov I. L. *Muzey istorii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Museum of History of St. Petersburg State University]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2005. 112 p.
7. Finkel S. Purgings the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia // *The Russian Review*. 2003. Vol. 62. № 4. P. 589–613.

Поступила в редакцию 26.01.2017

МАРИНА ФЕДОРОВНА РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
mf-r@yandex.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ

Прослежена трансформация источниковедения – от составляющей методологии истории во второй половине XIX – начале XX века в дисциплину/субдисциплину исторической науки в 1950–1970-е годы и далее, на рубеже XX–XXI веков, в научное направление – в корреляции со сменой моделей исторической науки. Выявлена специфика феноменологической концепции источниковедения, имеющей эпистемологические основания в русской версии неокантианства и развиваемой с 1930-х годов Научно-педагогической школой источниковедения как принадлежащей неоклассической модели науки. Эксплицирована связь этапов трансформации дисциплинарного статуса источниковедения с изменениями представлений о его объекте: от исторического источника как объективированного произведения человека к системе видов исторических источников как проекции культуры и к универсальному онтологическому понятию «эмпирическая реальность исторического мира».

Ключевые слова: источниковедение, исторический источник, система видов исторических источников, эмпирическая реальность исторического мира, неоклассическая модель науки, субдисциплина, научное направление, предметное поле исторической науки

С началом XXI века тренд междисциплинарности/полидисциплинарности/мультидисциплинарности ощутимо трансформируется в стремление более четко определить дисциплинарный статус исторической науки и отдельных ее составляющих, включая источниковедение. Не будем пытаться разобраться в причинах «смены вех», тем более что такая трансформация вполне органична и может быть описана афоризмом непопулярного ныне классика: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»¹.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Схема интерпретации. При исследовании дисциплинарного статуса источниковедения в качестве схемы интерпретации примем хорошо разработанную в отношении естественных наук, но редко применяемую к науке исторической схему *смены типов рациональности/моделей науки*: классическая – неклассическая – постнеклассическая, но основное внимание – неоклассической модели науки как наиболее перспективной для достижения строгого научного знания. Именно в рамках неоклассической модели происходит определение дисциплинарного статуса источниковедения: в 1950–1970-х годах оно обретает статус дисциплины/субдисциплины исторической науки, а на рубеже XX–XXI веков трансформируется в научное направление. Сложность применения этой схемы интерпретации обусловлена как минимум двумя факторами: во-первых, она разработана преимущественно на материале

физики и естественных наук [12: 212–213], [17: 619–636], интересная попытка применения этой схемы к истории исторической науки предпринята А. В. Лубским [9], но не со всем в его построениях я могу согласиться. Во-вторых, неоклассическая модель науки, которая нас и будет в первую очередь интересовать в связи с анализом современного состояния источниковедения, вообще разработана слабо, и именно с ее интерпретацией А. В. Лубским я и не могу согласиться. Но все же такая схема позволяет, на мой взгляд, наиболее эффективным образом вписать развитие источниковедения в общенаучный контекст.

В качестве дополняющей схемы интерпретации используем модель *смены словарей исторической науки* Ф. Анкерсмита [1: 213–258], что позволит наметить пути соотношения, а затем, возможно, и интеграции/синтеза источниковедения как феномена российской/советской исторической науки с подходами европейской/западной историографии. Особенно эффективно такое соотношение для периода постмодерна/постпостмодерна – постнеклассической науки. Здесь необходимо одно пояснение: дотошный читатель, обратившись к работе Анкерсмита, не может не заметить некоторый рассинхрон: он «датирует» эксплицируемые им «словари» явно более поздним временем, чем то, к которому они применяются в данной работе. Но этот рассинхрон иллюзорный: Анкерсмит пишет не о практике исторической науки, а о ее теоретической рефлексии, которая всегда a posteriori и может отстоять от рефлекслируемого феномена на существенный промежуток времени.

Терминология. Приступая к исследованию дисциплинарного статуса источниковедения и его трансформаций, необходимо определить, хотя бы в виде рабочей гипотезы, основные понятия, позволяющие зафиксировать место источниковедения в структуре исторической науки и его дисциплинарный статус: *дисциплина/субдисциплина исторической науки, научное направление и предметное поле*. Это тем более важно, что в научной исторической литературе нет до сих пор единообразия в употреблении этих понятий, а зачастую они вообще не несут терминологической нагруженности и используются весьма произвольно. В соответствии с принятой нами схемой интерпретации попытаемся сразу же соотнести определяемые понятия с моделями науки. В качестве основы воспользуемся понятиями, зафиксированными в терминологическом словаре, изданном Институтом всеобщей истории РАН в 2014 году (2-е изд. в 2016) [18].

*Дисциплина*² исторической науки – историографически сложившаяся область научного исторического знания, имеющая собственный объект исследования. Дисциплины/субдисциплины оформляются, главным образом, в рамках классической модели исторической науки, в которой в качестве единого объекта исторического познания выступает инвариантная реальность прошлого человечества, в качестве источниковой основы – письменные исторические источники, в качестве результата – линейная модель исторического процесса, в качестве основной формы презентации – исторический нарратив [18: 93–94].

Научное направление – область научного исторического знания, предполагающая особый ракурс рассмотрения исторической реальности. Существующие научные направления сложились по преимуществу в рамках неклассической модели науки в связи с осмыслением активной роли историка в выборе ракурса исследования, а также с расширением предметного пространства исторического знания, модификацией исследовательских проблем, диверсификацией исследовательских стратегий [18: 311–312].

Предметное поле исторической науки – составляющая структуры современного научного исторического знания; предметные поля формируются в исторической науке при переходе от неклассической к постнеклассической модели; в предметном поле происходит целенаправленное конструирование исторического объекта, который, будучи сконструированным, выступает в качестве самостоятельного предмета исследования; преодолевается классическая дисциплинарная модель, поскольку имманентно предполагается полидисциплинарность, то есть конструирование предмета средствами разных научных дисциплин, и междисциплинарность, то есть использование исследовательских практик различных гуманитарных и социальных наук [18: 390–391].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ГИПОТЕЗА – ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Преследуя цель определить дисциплинарный статус источниковедения в структуре научного исторического знания, выделим этапы трансформации дисциплинарного статуса источниковедения: структурная составляющая методологии истории – самостоятельная дисциплина/субдисциплина исторической науки – научное направление – и, потенциально, – предметное поле исторической науки; проследим корреляцию этих трансформаций с развитием методологической рефлексии об объекте источниковедения: исторический источник как материал для историка – исторический источник как произведение человека, объективирующее «чужую одушевленность», – система видов исторических источников как проекция культуры – эмпирическая реальность исторического мира. Рассмотрим эти трансформации одновременно как этапы становления неоклассической феноменологической концепции источниковедения, восходящей в своих эпистемологических основаниях к русской версии неокантианства и развиваемой в течение XX – начала XXI века Научно-педагогической школой источниковедения (в настоящее время – Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru³).

Излишне напоминать, что трансформации дисциплинарного статуса источниковедения не отменяют, но снимают предшествующие его функции в исторической науке, то есть не упраздняют, а модифицируя, встраивают их в более сложную систему.

КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Системное учение об исторических источниках формируется как *составляющая исторического метода* в рамках классической модели науки, предполагающей получение в результате изучения (так называемой критики) исторического источника исторического факта, который используется далее в практиках историописания и расценивается как инвариантный по отношению к ним. Классическую модель подробно рассматривать не будем в силу ее известности, лишь акцентируем внимание на некоторых формулировках, – необходимых нам для дальнейших сопоставлений, – абсолютных классиков этой модели, которых к тому же часто позиционируют и как классиков/основоположников источниковедения, тогда как они рассматривали работу с «историческим материалом» в качестве органичной составляющей исторического метода, но не сосредотачивали внимания на природе/имманентных характеристиках самого исторического источника.

Основоположником системной методологической рефлексии в этой области, вероятно, можно

признать И. Г. Дройзена (1808–1884). Он рассматривал историю как науку эмпирическую, из чего следует, что «...материал для ее исследования должен иметься налицо и в таком виде, чтобы им можно было воспользоваться эмпирическим путем. <...> Все материалы такого рода принято называть *источниками*» [4: 84]. И. Г. Дройзен предлагает закрепить название «источники» за всем тем, что «...позволяет нам взглянуть глазами ушедших поколений на их прошлое, т. е. мемуары и письменные свидетельства, отражающие их представление о нем...», назвав две другие группы исторических материалов «остатками» и «памятниками». Важно подчеркнуть, что И. Г. Дройзен вполне осознает, что «источники» тоже являются «остатками», но не проблематизирует эту исследовательскую ситуацию: «Тот факт, что источники являются одновременно *остатками* того настоящего, в котором они возникли, для нас пока второстепенен...» [4: 84].

Э. Бернгейм (1850–1942) в пропедевтическом курсе пишет: «Материал, из которого почерпнутся сведения нашей науки, называется “источниками”». Материал этот в огромном большинстве случаев не является <...> в то же время и непосредственным предметом познания, так как предметом истории являются ведь человеческие деяния...» [2: 34]. Нельзя не согласиться в том, что исторические источники нужны историку для проникновения в «затекстовую» реальность, но здесь нам важно подчеркнуть, что сами исторические источники Э. Бернгейм не признает «непосредственным предметом познания».

Аналогичные размышления мы обнаруживаем у Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобоса (1854–1942), которые определяют исторические источники как «...следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей» [7: 49] и обозначают их место в методологии истории как «точку отправления», рассматривая исторический факт как «конечную цель исследования» [7: 83]. Хотя формально французские исследователи дают «определение» исторического источника, но понятие «след» слабо проясняет его природу, это, очевидно, метафора, но не дефиниция.

Итак, вплоть до рубежа XIX–XX веков исследование исторических источников рассматривалось как одна из важнейших процедур в системе методологии истории, при этом исторический источник вызывал интерес не сам по себе как социокультурный феномен, но с точки зрения его пригодности для исторического исследования и, конкретнее, для установления достоверных исторических фактов.

Заметим: несмотря на то что классическая модель науки уже с конца XIX века не отвечала эпистемологическим потребностям, она оказалась весьма устойчивой, в первую очередь, естественно, в массовом сознании, но не изжили ее в своих подходах и некоторые (многие?) исто-

рики. В источниковедении маркером классической модели является «утилитарный» подход к историческому источнику при игнорировании его имманентных свойств. Яркий пример такого подхода на протяжении последней трети XX – начала XXI века демонстрировал С. О. Шмидт (1922–2013). Свой взгляд на проблему природы исторического источника он сформулировал в 1969 году в статье, опубликованной в знаменитом сборнике «Источниковедение: теоретические и методические проблемы»: «Имеется несколько точек зрения на этот счет (определение исторического источника. – М. Р.), сводящихся по существу к двум: исторический источник – продукт человеческой деятельности и отражает эту деятельность; отражает реальные явления общественной жизни⁴; исторический источник – это *все то, откуда черпают сведения о прошлом* (выделено мною. – М. Р.), т. е. не только отражение непосредственного исторического процесса, но и то, что помогает познать ход исторического процесса во всем его многообразии. Такое более широкое понимание “исторического источника” охватывает не только результаты человеческой деятельности – “памятники прошлого”, т. е. памятники материальной и духовной культуры, но и то, что способствует определению и объяснению человеческой деятельности...» [20: 29]. В дальнейшем С. О. Шмидт лишь уточнял формулировку, упрощая ее и акцентируя внимание на прагматическом (и, можно сказать, утилитарном) аспекте. Для сравнения приведем формулировку 1985 года: «Применительно к задачам прикладного источниковедения⁵ можно ограничиться простой определенностью <...> и признать историческим источником всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества, все, что может источать (sic! – М. Р.) историческую информацию (т. е. информацию исторического характера, полезную для работы историка)» [19: 7–8].

Еще раз подчеркну: такой подход к историческому источнику – маркер *классической модели науки* потому, что классическая наука нацелена на воссоздание «объективной реальности», для истории – «объективной реальности прошлого», выстраиваемой из неизменных кирпичиков – «достоверных фактов», исторический источник – только средство для «получения/добывания» исторического факта путем так называемой критики (кстати, «добыть исторический факт из исторического источника» и «критика исторического источника» – тоже маркеры, дискурсивные, классической модели науки).

Если воспользоваться интерпретационной схемой Ф. Анкерсмита, то классической модели науки соответствует *словарь описания и объяснения*: «Прошлое понималось как множество феноменов, лежащих перед историком, ожидая, чтобы его описали и объяснили. Предпочтение

этого словаря автоматически породило немало вопросов, главным образом эпистемологических, касающихся истинности дескриптивных и объяснительных утверждений, сделанных историком о прошлом» [1: 216–217]. Роль классической модели источниковедения в решении данной задачи вполне очевидна.

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ VS НЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ДИСЦИПЛИНА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Как известно, неклассическая модель науки утверждается на рубеже XIX–XX веков, в первую очередь в связи с развитием физики микромира. В исторической науке формирование неклассической модели, в которой акцентируется роль познающего субъекта, связано с развитием истории истории/рефлексией об историописании. П. Нора обратил внимание на то, что новое качество историописания обусловлено тем, что история «вступила в свой историографический возраст» [14: 23].

Сложнее нащупать истоки неоклассической модели науки, и исторической в том числе. И здесь необходимо вернуться к отмеченному выше моему разногласию с позицией А. В. Лубского, который пишет: «...в конце XX века стала формироваться неоклассическая модель исторического исследования, которая стала достоянием культуры “неоглобализма”» [9: 256, 258]. Согласно А. В. Лубскому в том, что кризис постмодерна проявляется, в числе прочего, в актуализации неоклассических подходов, но, на мой взгляд, сам неоклассический подход возникает фактически параллельно с неклассическим, по-видимому, из неизбежной потребности получить строгое научное знание. Реперная точка неоклассической модели – публикация в 1911 году в международном журнале «Логос» программной статьи Э. Гуссерля (1859–1938) «Философия как строгая наука»⁶.

В историческом познании исходный момент расхождения неклассической и неоклассической моделей науки определился, по моему мнению, еще раньше – в различии подходов к историческому познанию – и, особенно, к его объекту – Баденской школы и русской версии неокантианства.

Если мы в качестве отправной точки дальнейших рассуждений примем предложенное выше определение дисциплины/субдисциплины исторической науки, то логично будет связать начало оформления источниковедения в качестве дисциплины исторической науки в первую очередь с рефлексией исторического источника как *объекта*, обладающего собственными имманентными свойствами.

Проблема исторического источника как специфического объекта исторического познания была поставлена на рубеже XIX–XX веков в русской версии неокантианства: А. И. Введенский (1856–1925) разработал ее в общеполитическом плане⁷,

А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) – в связи с методологией исторического познания [8]. Лаппо-Данилевский, как и его предшественники/современники, также инкорпорирует теорию источниковедения в методологию истории, наряду с теорией исторического построения, и признает: «В научно-эмпирическом смысле <...> естественно <...> называть источником всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте» [8: Т. 2: 29]. Но при этом он уделяет существенное внимание природе исторического источника – на основе принципа «признания чужой одушевленности», ранее разработанного А. И. Введенским. Хорошо известно определение исторического источника, данное Лаппо-Данилевским: «...реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [8: Т. 2: 38], – но оно явно восходит к размышлениям А. И. Введенского о возможностях и способах воспроизведения «чужой одушевленности»: «...наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям, следовательно, при каждой попытке решать подобные вопросы мы уже должны быть уверены в том, какие именно материальные явления служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни (выделено мною. – М. Р.), и какие проходят без ее участия»⁸.

Прочно связывая исторический источник с индивидуальностью человека/творца, Лаппо-Данилевский, казалось бы, движется в сторону неклассической науки, предполагая диалогичность историка – автора исторического источника на основе принципа «признания чужой одушевленности». С учетом требований неклассической науки модифицируется и методология изучения исторического источника. В частности, место «критики» исторических источников с целью получения так называемых «достоверных фактов», верифицируемых через «соответствие объективной реальности» и понимаемых как инвариантный элемент исторического построения, занимает источниковедческий анализ, основообразующее значение в котором имеет процедура интерпретации, суть которой, согласно определению Лаппо-Данилевского, «состоит в общезначимом научном понимании исторического источника» [8: Т. 2: 65]. Принцип «признания чужой одушевленности», на мой взгляд, это балансирование на грани неклассического и неоклассического подходов. Но для А. С. Лаппо-Данилевского главное – найти способ элиминировать индивидуальность исследователя при интерпретации исторического источника.

Теория источниковедения Лаппо-Данилевского может расцениваться как точка расхождения/

начало движения от *неклассической* к *неоклассической* модели исторической науки и одновременно трансформации дисциплинарного статуса источниковедения от *составляющей методологии истории* к самостоятельной *дисциплине/субдисциплине исторической науки*.

Рефлексия по поводу эмпирического объекта, воспринимаемого (по крайней мере, Лаппо-Данилевским) феноменологически⁹, – шаг на пути к *неоклассической модели* исторической науки, имеющей целью достичь не субъективное видение историка, а строгое научное знание. На своего рода «феноменологическую редукцию» индивидуальности историка в процессе исторического познания во многом нацелены и процедуры интерпретации, которые А. С. Лаппо-Данилевский разрабатывает весьма тщательно и в обусловленности природой исторического источника [8: Т. 2: 64–155]. Особо стоит подчеркнуть, что процедура «типизирующей интерпретации», по А. С. Лаппо-Данилевскому, предусматривает учет «давления» культуры на индивидуума – автора исторического источника, причем и по горизонтали («состояние культуры»), и по вертикали («стадия культуры»). Тем самым А. С. Лаппо-Данилевский фактически сделал шаг от понимания исторического источника как произведения индивидуума-творца к пониманию его одновременно и как продукта культуры, что получит свое закрепление в разработке системы видов исторических источников как проекции культуры в процессе дальнейшей рефлексии об объекте источниковедения.

Итак, интенция неоклассической модели – в *рефлексии по поводу объекта*, что создает прочную эмпирическую основу исторического знания, сближая степень научности знания гуманитарного/исторического и естественно-научного.

В это же время европейская/западная историческая наука надолго утрачивает интерес к объекту исторического познания. Г. Риккерт (1863–1936) – ведущий представитель Баденской школы неокантианства – последовательно отказывается от рефлексии о специфическом объекте исторического познания и сосредотачивается исключительно на логике историописания [15]. И только на рубеже 1980–1990-х годов французский историк Жорж Дюби (1919–1996), обозревая развитие исторической науки во Франции во второй половине XX века, отметил в качестве новой тенденции нарастание интереса историков к «материалу» истории: «*Вопреки установившемуся представлению у меня сложилось впечатление, что в современной французской историографии наиболее плодотворное и новаторское начало состоит не в обновлении проблематики, не в борьбе идей по вопросу о смысле истории и не в состязании различных исторических школ (как это было 30 лет назад). Новаторские тенденции связаны*

с самой скрытой частью нашей исследовательской работы, с нашей лабораторией, с *методами обработки используемых материалов* (выделено мною. – М. Р.)» [5: 58]. Примечательно, что Ж. Дюби оперирует понятием «материал». Аналогичным образом поступает польский историк-методолог Ежи Топольский (1928–1998), вводя вместо понятия «исторический источник» понятие «базовая информация», которая обеспечивает контакт историка с прошлой реальностью (см.: [3: 230–239]).

Любопытны размышления на этот счет современного польского историка и методолога Войцеха Вжосека: «Источниковедческая рефлексия обычно декретирует, чем является источник, предопределяя, в силу очевидности, его познавательный смысл, или же замалчивает эту тему, представляет какую-нибудь дефиницию исторического источника и переходит к рассуждениям о том, как обращаться с его конкретными видами. Проблематика критики источника, которая доминирует в источниковедческом подходе, вскрывает *per fas et nefas*¹⁰ роль, которую признает за ним в историческом познании или в историческом исследовании. Этому привычному замалчиванию познавательных вопросов в источниковедческой рефлексии сопутствуют спонтанные попытки рассуждать не столько об *источнике* как таковом, сколько об *исторических источниках*. <...> ...данная переменная единственного числа на множественное обычно указывает на отход от размышлений об источнике как таковом и подступ к источниковедческо-прагматической, эвристической, инструментальной проблематике. <...> Даже в историках¹¹ эпистемологический смысл исторического источника, как правило, принимается как данность» [3: 235–236]. Мы видим, что современный историк, специально изучавший этот вопрос на материале европейской исторической науки, вынужден констатировать смещение акцента с «размышления об источнике как таковом» на прагматику его использования.

Российская/советская историческая наука (в той части методологии истории, которая связана с развитием анализируемой концепции источниковедения) продолжала идти по неоклассическому пути – дальнейшей рефлексии объекта: в 1950–1970-е годы разрабатываются виды исторических источников [13: 143–156], источниковедение обретает свой объект – систему видов исторических источников, рассматриваемую как проекция соответствующей культуры.

Новый статус источниковедения зафиксирован и в модифицированном (по сравнению с дефиницией А. С. Лаппо-Данилевского) определении исторического источника: «Исторический источник – объективированный результат творческой активности человека/продукт культуры, используемый для изучения/понимания человека,

общества, культуры как в исторической, так и в коэксистенциальной перспективе» [18: 205].

Вполне очевидно, что фактором, способствовавшим обособлению источниковедения в самостоятельную дисциплину, была советская идеология, вытеснявшая талантливых, но при этом не очень склонных к конформизму историков в область, как казалось, маргинальную. Но база для конституирования источниковедения как самостоятельной дисциплины/субдисциплины исторической науки была заложена в 1890-х годах – в русской версии неокантианства.

Выявив специфику российского/советского источниковедения как автономной субдисциплины со своим объектом исследования – системой видов исторических источников как проекцией культуры, не можем не отметить, что – по крайней мере в этой своей части – советская историческая наука вполне вписывалась в *mainstream* европейской. Рассматриваемая концепция источниковедения в 1950–1970-е годы отчетливо проявляет черты структурной истории, активно практикуемой в это время, например, в Германии – социальная/структурная история Вернера Конце (1910–1986), структурная направленность свойственна и «Школе “Анналов”» этого периода.

Эта стадия развития неоклассической модели источниковедения соотносима со *словарем интерпретации* в схеме Ф. Анкерсмита. Система видов исторических источников воспринимается не только как автономный объект исторического исследования, но и как особый способ репрезентации социокультурных образований. На этом этапе расхождение описанного Анкерсмитом «словаря интерпретации» и интерпретации как основной процедуры в структуре источниковедческого исследования наиболее ярко демонстрирует расхождение *неклассической* модели исторической науки с ее нарративной логикой историописания и *неоклассической* концепции источниковедения, нацеленной на получение строгого научного знания. Это расхождение обусловлено в первую очередь различием объекта интерпретации: исторический факт, встраиваемый в нарратив (или нарративная субстанция, если использовать терминологию Ф. Анкерсмита) vs исторический источник, интерпретируемый с точки зрения принципа «признания чужой одушевленности», но уже с учетом контекста культуры, структурно фиксируемого системой видов исторических источников.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ: ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Рискуно предположить, что постнеклассическая модель науки не была сколь-либо последовательно реализована в источниковедении, поскольку постнеклассическая наука приходит на смену неклассической, а, как было показано

выше, в неклассический период был утрачен – и без того слабый в классической модели науки – интерес к историческому источнику как объекту.

Хотя в контексте рассматриваемой проблемы стоит обратить внимание на теории исторического дискурса и практики деконструкции текста в европейской исторической науке второй половины XX века, после лингвистического поворота. Конечно, они не рассматриваются в качестве источниковедческих, но, по моему мнению, возможна и необходима не только рецепция европейских методологических идей, активно осуществляемая отечественной исторической наукой начиная с последних десятилетий XX века, но и глубокая интеграция и синтез методологических достижений российской/советской и западной исторической науки, в том числе в области источниковедения и практик анализа текста.

Развитие источниковедения в рамках *неоклассической модели* науки шло и дальше по пути разработки объекта исторического познания: от уточненного понимания исторического источника как *объективированного результата деятельности* человека и одновременно *продукта культуры* – к системе видов исторических источников, структурно репрезентирующей соответствующую культуру, и далее – к понятию «эмпирическая реальность исторического мира», обоснованному в опубликованных в 2008 году работах О. М. Медушевой (1922–2007) не только как эпистемологическое, но и, по сути, онтологическое понятие [10], [11].

Универсальное понятие «эмпирическая реальность исторического мира» наряду с пониманием системы видов исторических источников как структурной репрезентации культуры открыли перспективу источниковедению как научному направлению, то есть особому ракурсу рассмотрения/репрезентации исторической реальности.

Заметим, что аналогичные процессы – движение от субдисциплины исторической науки к научному направлению – переживает примерно в эти же годы или чуть раньше социальная история, о чем свидетельствует дискуссия об объекте и предмете социальной истории в немецкой исторической науке¹².

Перспективы источниковедения как научного направления наиболее ярко проявляются при сопоставлении со *словарем репрезентации* в схеме Ф. Анкерсмита. Модель репрезентации, по мнению Анкерсмита, призвана найти выход из «тупика» исторического нарратива, нащупав проход между двумя логическими моделями – Сциллой «нарративной субстанции» и Харибдой «концепта реальности». Сравнивая репрезентации в искусстве и историописании, Анкерсмит задает риторический вопрос: «...не обречены ли мы на идеалистическую интерпретацию историописания, т. к. среди *всех*

дисциплин, включая даже искусство, объект историописания менее других обладает своей собственной сущностью и возникает только благодаря исторической репрезентации?» [1: 248].

Но источниковедение как научная дисциплина имеет объект, который «обладает своей собственной сущностью» (если воспроизвести формулировку Анкерсмита). Это – *эмпирическая реальность исторического мира* (оставим за рамками рассмотрения феноменологический аспект ее конструирования, равно как и конструирования исторического источника в сознании исследователя), структурированная как система типов и видов исторических источников. О. М. Медушевская, последовательно противопоставляя источниковедческую концепцию истории как строгой науки нарративной логике историописания, подчеркивала: «Новая альтернативная парадигма истории как науки эмпирической, имеющей собственный реальный макрообъект, имеет свои истоки там, где проходит осмысление этого реального макрообъекта» [10: 237–238].

Позиционируя источниковедение как научное направление, мы можем говорить об особом источниковедческом способе исторической репре-

зентации. О. М. Медушевская также указывает на возможность репрезентации истории на основе источниковедческого подхода: «Становится очевидной возможность точного знания: ведь история выступает как наука, имеющая свой реализованный и, следовательно, эмпирически данный продукт; возникает перспектива для логического анализа и последующего “исторического построения” – обоснованной картины изучаемой исторической эпохи» [10: 238].

В заключение необходимо признать, что выстроенная выше схема трансформации источниковедения/источниковедческой концепции исторического познания существенно упрощена: практически исключена из рассмотрения феноменологическая составляющая концепции, которая проявилась уже на стадии проблематизации А. С. Лаппо-Данилевским исторического источника как объекта исторического познания, не только обладающего имманентными свойствами, но и при этом феноменологически конструируемого историком. Рефлексия этой стороны концепции в перспективе, вероятно, приведет нас к осмыслению источниковедения не только как научного направления, но и как предметного поля исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин В. И. Заявление редакции «Искры» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 4: 1898 – апрель 1901. С. 358.
- ² Пользуясь принятой в современной исторической науке терминологией, хотя более точно назвать этот таксон в классификационной системе наук субдисциплиной, то есть подчиненной/вспомогательной или дополняющей по отношению к исторической науке как таковой областью знания.
- ³ Источниковедение.ru: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А. А. Бондаренко и др.; Науч.-пед. школа источниковедения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru> (дата обращения 21.02.2017).
- ⁴ Не буду здесь останавливаться на дискурсе «отражения» в силу его явной архаичности по отношению к науке даже XX века.
- ⁵ Оставлю без подробного комментария деление источниковедения на «прикладное» и «теоретическое». Отмечу только, что искусственный разрыв этих двух составляющих ведет к примитивизации так называемого прикладного источниковедения, превращая «теоретическое» в бесплодное теоретизирование, оторванное от объекта своей методологической рефлексии.
- ⁶ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос: международный ежегодник по философии культуры: русское издание. М.: Мусагет, 1911. Кн. 1. С. 1–56.
- ⁷ Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1892. 119 с.
- ⁸ Там же. С. 7.
- ⁹ Подробнее см.: [16].
- ¹⁰ Пrawdами и неправдами (лат.).
- ¹¹ Имеются в виду работы пропедевтического характера об историческом методе. Яркий пример – «Историка» И. Г. Дройзена [4].
- ¹² См., например: [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / Пер. с нем. В. А. Вайнштока; Под ред. В. В. Битнера. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 72 с.
3. Вжосек В. Культура и историческая истина / Пер. с польск. К. Ю. Ерусалимский. М.: Кругъ, 2012. 334 с.
4. Дройзен И. Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. 583 с.
5. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории: культурно-антропологическая история сегодня. М.: Наука, 1991. С. 48–59.
6. Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении социального // THESIS: Альманах. 1993. Зима. С. 163–178.
7. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / Пер. с фр. А. Серебряковой; Ред. и вступит. ст. Ю. И. Семенова. Изд. 2-е. М.: ГПИИР России, 2004. 305 с.
8. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1–2.
9. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. 351 с.
10. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
11. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX науч. конф. М.: РГГУ, 2008. [Ч. 1]. С. 24–34.
12. Микешина Л. А. Философия познания: полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 624 с.

13. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сб. / Сост. Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева; Под ред. В. А. Муравьева. М.: РГГУ, 2001. 227 с.
14. Нора П., Озуф М., Пюимез Ж. де, Винок М. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. С. 17–50.
15. Риккерт Г. Философия истории // Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 129–204.
16. Румянцева М. Ф. Феноменология vs неокантианство в концепции А. С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. М.: ИВИ, 2014. Вып. 46. С. 7–16.
17. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
18. Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
19. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины: [Сб. ст.]. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1985. Вып. 16. С. 3–24.
20. Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методические проблемы: [Сб. ст.] / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1969. С. 7–58.

Rumyantseva M. F., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

THE SOURCE STUDY IN THE STRUCTURE OF HISTORICAL KNOWLEDGE: THE NEOCLASSICAL MODEL OF SCIENCE

The transformation of the source study is traced – from a component of the methodology of history in the second half of the XIX – early XX century – into the discipline/subdiscipline of historical science in the 1950–1970s and then, at the turn of the XX–XXI centuries – into the scientific direction in correlation with the change of models in historical science. The specificity of the phenomenological concept of the source study with epistemological foundations in the Russian version of neo-Kantianism is revealed. The Scientific-pedagogical school of the source study belonging to the neo-classical model of science developed since 1930s. The interrelations of transformation stages of the disciplinary status of the source study with the changes in concepts on the object are revealed: from a historical source as an objectified creation of a person to the system of types of historical sources – and to the universal ontological concept of “the empirical reality of the historical world”.

Key words: the source study, historical sources, the system of types of historical sources, empirical reality of historical world, the neo-classical model of science, the subdiscipline, scientific direction, the subject field of historical science

REFERENCES

1. Ankersmit F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology. The rise and the fall of the metaphor]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 496 p.
2. Berngejm E. *Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [The introduction into Historical Sciences] / Translated from German by V. A. Vaynshtoka, edited by V. V. Bitnera. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 72 p.
3. Vzhosek V. *Kul'tura i istoricheskaya istina* [The Culture and the Historical Truth] / Translated from Polish by K. Yu. Eru-salimskiy. Moscow, "Istoriya i Kul'tura" Publ., 2012. 334 p.
4. Drojzen I. G. *Istorika: lektzii ob entsiklopedii i metodologii istorii* [Historica: Lectures on Encyclopedia and Methodology of History]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 583 p.
5. Dyubi Zh. The development of historical research in France after 1950 [Razvitie istoricheskikh issledovaniy vo Frantsii posle 1950 goda]. *Odissey. Chelovek v istorii: kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya*. Moscow, Nauka Publ., 1991. P. 48–59.
6. Zider R. What is social history? Gaps and continuity in mastering the social [Chto takoe sotsial'naya istoriya? Razryvy i preemstvennost' v osvoenii sotsial'nogo]. *THESIS: Al'manakh*. 1993. Zima. P. 163–178.
7. Langlua Sh.-V., Sen'obos Sh. *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction into the Study of History] / Translated from French by A. Serebryakovoy; Edited and introduced by Yu. I. Semenova. Moscow, GPIB Rossii Publ., 2004. 305 p.
8. Lappo-Danilevskij A. S. *Metodologiya istorii* [The methodology of History]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. Vol. 1–2.
9. Lubskij A. V. *Alternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative models of the Historical Research]. Moscow, 2005. 351 p.
10. Medushevskaya O. M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [The theory and the Methodology of Cognitive History]. Moscow, RGGU Publ., 2008. 361 p.
11. Medushevskaya O. M. The Empirical Reality of the World of History [Empiricheskaya real'nost' istoricheskogo mira]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny – istochnikovedenie – metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya: Materialy XX nauch. konf.* Moscow, RGGU Publ., 2008. [Part 1]. P. 24–34.
12. Mikeshina L. A. *Filosofiya poznaniya: polemicheskie glavy* [Philosophy of Cognition]. Moscow, 2003. 624 p.
13. *Nauchno-pedagogicheskaya shkola istochnikovedeniya Istoriko-arkhivnogo instituta: Sb.* [The Scientific and Educational School of the Source Studies at Historical and Archive Institute]. Compiled by R. B. Kazakov, M. F. Rumyantseva; Edited by V. A. Murav'eva. Moscow, RGGU Publ., 2001. 227 p.
14. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Between Memory and History: Problems of Memory Places [Mezhdu pamyat'yu i istoriey: problematika mest pamyati]. *Frantsiya-pamyat'*. Translated from French by D. Khapaevoy; Nauch. kons. per. N. Koposov. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, 1999. P. 17–50.
15. Rikert G. Philosophy of History [Filosofiya istorii]. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture*. Moscow, 1998. P. 129–204.
16. Rumyantseva M. F. The phenomenology vs Neokantianism in A. S. Lappo-Danilevsky conception [Fenomenologiya vs neokantianstvo v kontseptsii A. S. Lappo-Danilevskogo]. *Dialog so vremenem*. Moscow, IVI Publ., 2014. Issue 46. P. 7–16.
17. Styopin V. S. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge: structure, historical evolution]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p.
18. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: Terminol. slovar'* [The Theory and Methodology of Historical Science: Terminological dictionary]. Executive Editor A. O. Chubar'yan, L. P. Repina; RAS. Institute of General History. Moscow, 2016. 543 p.
19. Shmidt S. O. About Classification of Historical Sources [O klassifikatsii istoricheskikh istochnikov]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1985. Issue 16. P. 3–23.
20. Shmidt S. O. Contemporary problems of Source Studies [Sovremennye problemy istochnikovedeniya]. *Istochnikovedenie: teoreticheskie i metodicheskie problemy*. Executive editor S. O. Shmidt. Moscow, Nauka Publ., 1969. P. 7–58.

Поступила в редакцию 27.02.2017

ВЛАДИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ КАРАКЧИЕВ
старший лаборант Института языка, литературы и истории,
Коми научный центр Уральского отделения РАН
(Сыктывкар, Российская Федерация)
karakchiev.vlad@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ В ВОЛОСТЯХ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КОМИ В 1920-х ГОДАХ

Цель статьи – изучение состояния и развития образования, здравоохранения и социальной поддержки в Коми автономии. Данная тема, связанная с функционированием низовых органов власти, слабо изучена. Анализ деятельности местных властей 1920-х годов имеет существенное значение. Знание исторического опыта может оказать помощь в улучшении качества работы органов власти на современном этапе. В начале 1920-х годов ситуация в социальной сфере региона была сложной, но благодаря работе органов власти, в том числе и волостных исполнительных комитетов области, был принят ряд мер по улучшению таких сфер, как образование, здравоохранение и социальная поддержка населения. Результатами работы стали постепенное увеличение образовательных учреждений и обучающихся, медицинских учреждений и работников в волостях, организация деятельности по социальной помощи. Была начата выплата пенсий и пособий пожилым людям, инвалидам труда и войн, семьям военнослужащих. Источником для статьи стали архивные материалы: акты обследования и отчеты органов власти. Сделан вывод о том, что волостные исполнительные комитеты внесли значимый вклад в развитие региона.

Ключевые слова: акты обследования и отчеты органов власти, волостные исполнительные комитеты, Автономная область Коми

Решение накопившихся проблем в социальной сфере после революционных событий 1917 года являлось для советской власти одной из важнейших задач. В конце 1917 года в Коми крае резко обострились все социально-экономические противоречия: ощущалась острая нехватка продовольствия, разразился финансовый кризис, росла инфляция, процветала спекуляция¹. Большевизация Советов в регионе произошла в июне – июле (Усть-Сысольский уезд) и сентябре – октябре (Яренский уезд) 1918 года. Все некоммунистические элементы были выведены из руководящих органов Советов. Исследователи Коми края назвали большевистские перевороты в нем «местной Октябрьской революцией» [7: 73]. Самой острой проблемой для большевистского руководства Коми края стала продовольственная проблема. Комитеты бедноты, созданные к концу августа во всех волостях Усть-Сысольского уезда, а осенью 1918 года – и в Яренском уезде, изымали излишки хлеба у зажиточных крестьян, церковью, монастырями [6: 32].

На местах решаем различный вопросов стали заниматься новые органы власти – волостные исполнительные комитеты (волисполкомы, ВИКи). В Коми крае они были образованы в 1918 году и проработали до административно-территориального деления 1929 года. Коми автономная область была образована в 1921 году. Работа ВИК в социальной сфере включала в себя осуществление в волостях политики вышестоящих органов власти в таких сферах, как образование, здравоохранение, а также поддержка

инвалидов труда и Гражданской войны, семей военнослужащих и др.

Целью данной статьи является изучение состояния образования, здравоохранения и социальной поддержки населения Автономной области Коми в 1920-е годы. В Национальном архиве Республики Коми сохранились годовые, полугодовые, квартальные, месячные отчеты низовых органов власти. В них представлена информация о политическом, социально-экономическом и культурном состоянии волостей. О своей деятельности волисполкомы отчитывались перед вышестоящими органами власти (Коми областной исполнительный комитет, уездный исполнительный комитет). Различными областными и уездными структурами (прокуратура, налоговая инспекция, инструкторы) проводились проверки работы волисполкомов. На основе этих проверок составлялись акты обследования. В них давались характеристика работы ВИКов, а также описание социально-экономического развития волости. Тема, связанная с деятельностью низовых органов власти (волисполкомов) АО Коми, мало изучена, поэтому проводятся дальнейший сбор и анализ материалов.

Со времени образования АО Коми регион был разделен на 6 районов. По декрету ВЦИК от 2 мая 1922 года область была разделена на 4 уезда: Сысольский (состоял из 38 волостей), Усть-Куломский (16 волостей), Усть-Вымский (21 волость), Ижмо-Печорский (25 волостей).

В начале 1920-х годов социально-экономическое положение региона было тяжелым:

дефицит продуктов питания, распространение эпидемических заболеваний, острая нехватка инвентаря и учебных пособий в школах, дефицит кадров и т. д. В июле 1921 года на заседании Удорского районного революционного комитета указывалось, что народное образование находится «в самом печальном и безвыходном положении»². Подобная ситуация была и в других уездах Коми. В ноябре 1921 года Коми областной революционный комитет (временный высший орган власти в области) отправил всем волысполкомам циркуляр, в котором говорилось о необходимости поддержки школьных учреждений местным населением³. Многие школы не функционировали из-за отсутствия ремонта и дров⁴. В некоторых волостях вне школы оставались 50 % детей и более. Как отмечалось в отчетах ВИК, это было связано с их занятостью в подсобном хозяйстве, а также неимением у многих учащихся обуви и одежды. В школах ощущался серьезный недостаток учебников и инвентаря. Иногда на 8–10 учеников приходилась одна книга⁵. Трудности отмечались и в сфере здравоохранения: острая нехватка медицинских учреждений и медработников в районах, распространение эпидемических заболеваний, высокий уровень смертности и др. (табл. 1). В 1925 году в отчете Коми облисполкома отмечалось, что сфера здравоохранения находится в зачаточном состоянии [4: 283]. В некоторых волостях Ижмо-Печорского уезда в 1920-е годы еще широко применялось знахарство, религиозно-староверческое население избегало обращений за медицинской помощью к фельдшерам, считая лечение у фельдшера и прием лекарств грехом⁶.

Решение актуальных проблем в волостях являлось важнейшей задачей для местных властей. Для осуществления работы волысполкомов вышестоящими органами власти издавались различные правовые документы: Положение ВЦИК о ВИК и сельских советах от 27 марта 1920 года, Положение об организации волостных Советов и их исполнительных комитетов от 1921 года, Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах от 16 октября 1924 года и др. Последнее наиболее полно отражало основные пункты работы низовых органов власти: личный состав, задачи, освещенные направлений деятельности и т. д. В нем указывалось, что в обязанности ВИК входила организация работы в дошкольных учреждениях; наблюдение за содержанием сети школ, принятие мер для ликвидации безграмотности и к распространению санитарно-просветительских знаний среди населения; содействие организации и наблюдению за деятельностью медико-санитарных учреждений (больниц, амбулаторий, врачебных и фельдшерских пунктов и других лечебно-санитарных учреждений в пределах волости) и их содержание; принятие мер к расширению сельской

лечебно-санитарной сети; мероприятия по предупреждению заразных болезней и по организации борьбы с ними; организация охраны материнства и младенчества, проведение в жизнь установленных законом мер помощи инвалидам войны и труда, семьям красноармейцев и погибших при исполнении служебного долга; организация, руководство и контроль комитетов общественной взаимопомощи и др.

Волысполком, как орган власти, взаимодействовал со всеми учреждениями в пределах волости. Сотрудничество заключалось в заслушивании их отчетов о деятельности перед ВИКом. В свою очередь, волысполкомы представляли отчеты вышестоящим органам власти. В отчетных материалах низовых органов власти представлено описание работы школы и пунктов по ликвидации безграмотности (ликпунктов). В них указаны численность учителей и учащихся, посещаемость, успеваемость, уровень зарплат учителей, отношение населения к школе и ликвидации безграмотности, хозяйственно-материальное состояние школьных учреждений, проведение ремонтных и строительных работ и т. д. В отчетах отмечалось, какие меры были приняты ВИКом для полного укомплектования учебных заведений и действия ВИК при плохом посещении школы учащимися. Прописывались перебои в работе школы и их причины. Отдельным пунктом отмечалось участие учителей в общественной работе и их взаимоотношения с местным органом власти, а также переподготовка и повышение квалификации. Обязательным пунктом было описание связи школ с населением. Школа ежегодно представляла отчет-доклад о своей деятельности в начале и в конце учебного года⁷. Отметим, что в одной волости часто находилось несколько школ. Местные органы власти были заинтересованы в получении образования и детьми, и взрослыми. Поэтому при нестабильном посещении ликпунктов неграмотным населением ВИКи принимали принудительные меры⁸.

Ликвидация неграмотности была объявлена основной задачей политпросветучреждений. В мае 1923 года, выполняя требование обкома партии, в Коми автономии была организована Областная чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, которая объявила работу по ликбезу «неотложной». В 1924 году ответственность за ликвидацию неграмотности была возложена обкомом на председателей УИКов, ВИКов и секретарей партячек. Местные властные структуры развернули широкую пропагандистскую работу. Одним из примеров можно назвать проведение недели ликвидации неграмотности под лозунгом «грамотный, приведи в школу двух неграмотных» и т. д. [2: 30–31].

Школа нуждалась в значительной материальной поддержке. Например, в 1922/23 учебном году минимальные финансовые потребности

на нужды народного образования были удовлетворены за счет средств местного бюджета всего лишь на 19 %. Местные органы власти проводили сбор средств среди населения, организовывали платные спектакли и концерты, распространяли лотерейные билеты и др. В фонд народного образования переводились средства, заработанные трудящимися на различных субботниках [1: 32]. Из Москвы в ответ на отчаянные просьбы школ из Коми высылались учебники. Только в 1925 году в Коми область было выслано 140 тыс. книг. В школы в общей сложности было направлено в 1925 году 40 тыс. учебников. Но все эти поступления были ничтожны по сравнению с требуемым количеством. По-прежнему один учебник приходился на 10–15 человек [3: 49].

В апреле 1925 года было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети». Согласно этому постановлению введение всеобщего начального обучения на территории РСФСР должно было завершиться к 1934 году. В апреле 1927 года оно было дополнено новым Постановлением Правительства РСФСР «О порядке введения всеобщего обязательного начального обучения», которое предоставляло довольно значительные права местным органам власти в решениях вопросов, связанных с введением всеобщего начального обучения. Власти Коми автономии воспользовались этим постановлением, чтобы уже в 1927/28 учебном году ввести всеобщее начальное обучение в 4 волостях, а в 1928/29 году – уже в 16 волостях и в г. Усть-Сысольске [3: 59].

Отметим, что за небольшой промежуток времени в сфере образования произошли существенные изменения. Налажена отчетность школ перед местными органами власти, организован активный поиск средств для нужд образования, проведены мероприятия по ликвидации неграмотности, введено всеобщее начальное обучение и др.

В отчетах и актах обследований ВИК в сфере здравоохранения отмечались характеристика санитарного состояния волостей, борьба с эпидемическими заболеваниями, количество выступлений медицинских работников с лекциями и беседами перед населением, уровень оказания медицинской помощи населению и т. д. В них также представлена работа волостных санитарных комиссий: обследования кооперативных и государственных учреждений, осмотр учащихся образовательных учреждений и т. д.⁹ По данным некоторых отчетов ВИК указаны: количество перевязок, удаленных зубов, вскрытых нарывов, наложенных швов, посещение больных и родовспоможений на дому за отчетный период времени и др.¹⁰ Представлена информация о зарплате врачей, персонала и работников медпунктов, о содержании и ремонте больниц, фельдшерских пунктов. Большую часть информации ВИКи получали из представленных заведующими больницами отчетов. В некоторых волостях не было ни фельдшерского пункта, ни

акушерок. Медицинским работникам приходилось приезжать из соседних волостей. Вышестоящим органам власти ВИКи ходатайствовали об отсутствии врачей, фельдшеров, акушерок в различных населенных пунктах.

По данным отчета Коми ОИК за 1924–1925 годы, на территории области имелось 10 больниц и 47 фельдшерских и акушерских пунктов. Радиус врачебного участка исчислялся от 75 до 100 верст. Радиус фельдшерских и акушерских пунктов от 12 до 20 верст. Врачей было 16 человек (из них 7 в областном центре), фельдшеров – 81 (в областном центре – 15), акушерок – 40 (в областном центре – 3)¹¹.

В 1924 году организация сельского здравоохранения получила дальнейшее развитие. Основные формы организации здравоохранения были определены в Постановлении СНК РСФСР «Об обеспечении медицинской помощи сельскому населению». Проходивший в 1925 году I Всероссийский съезд сельских участковых врачей дал новый толчок к развитию сети сельских медицинских учреждений. Если в 1924 году на территории области было всего 5 сельских врачебных участков, к концу 1926 года их насчитывалось 15, а к 1928 году – уже 26. В 1924 году в Коми АО на один участок приходилось 36448 жителей сел, на 1 больничную койку 1585 человек. Не во всех уездах сельские жители могли получить все виды необходимой медицинской помощи. В 1928 году «на село» приходилось 437 больничных коек. Наибольшее количество коек в больницах было в Сысольском уезде – 136 коек, Усть-Вымском – 126, Усть-Куломском – 105, Ижмо-Печорском – 55. Распределение было связано с плотностью населенных пунктов и численностью уездов [5: 120–121].

Сфера здравоохранения представляла отчетность перед волисполкомом. Низовым органам власти это давало общее представление о состоянии отрасли, помогало выявить наиболее актуальные проблемы. Для развития здравоохранения требовались значительные материальные затраты. В 1920–1930-х годах медицинское снабжение сельских больниц оставалось желать лучшего. Во всех без исключения больницах не хватало медикаментов, перевязочных материалов, мебели, постельного белья и др. Остро ощущался недостаток средств на ремонт зданий [5: 124].

Нерешенными оставались вопросы по выплате пенсий и пособий, оказанию поддержки малоимущему населению. В своих отчетах ВИКи освещали деятельность по работе среди населения, а также работу комитетов крестьянских обществ взаимопомощи (ККОВ). В первой половине 1920-х годов органы власти начали частично осуществлять выплату пенсий участникам Первой мировой и Гражданской войн, инвалидам труда, пожилым людям, поддерживать нуждающееся население. На областном уровне рассматривались ходатайства о назначении пенсий и пособий. На 1924 год инвалидов войны и их семейств по

Коми области числилось 886. Из них государственную пенсию получали только 92 инвалида войны, 123 семьи инвалидов, 18 семей призванных красноармейцев¹². Волисполком оказывал поддержку населению, которое нуждалось в помощи. К указанным мероприятиям относилось выделение ссуды беднякам, вдовам и семьям красноармейцев. Им было предоставлено получение бесплатного лесоматериала в нужном количестве, продуктов широкого потребления, сенокосных угодий, а также льготы при выдачах ссуд кредитного общества¹³. В волостях была организована волостная пенсионная комиссия при ВИК, которая распределяла средства по социальному обеспечению¹⁴. Женщины, имеющие одного или более детей, нетрудоспособных членов семьи, были освобождены от общегражданского налога 1922 года¹⁵. За 1924–1926 годы численность пенсионеров области значительно увеличилась (табл. 2). В отчете Ибского ВИК (Сысольский уезд) за 1926 год было указано, что малоимущим жителям из общественного семенного фонда было выдано семян 11 пудов ячменя, 28 пудов ржи¹⁶. В 1928 году в Объячевской волости (Сысольский уезд) для инвалидов войны государством было выделено 1996 руб., для инвалидов труда – 120 руб., семьям красноармейцев и потерявшим кормильцев оказана помощь на сумму 108 руб. На учете в волости состояло 26 инвалидов войны, 15 инвалидов труда, 2 семьи красноармейцев. Из них снабжались пенсией 7 инвалидов войны, 3 инвалида труда, 2 семьи красноармейцев¹⁷. В Ношуле (Сысольский уезд) на учете состояли 29 инвалидов войны, 7 семей

красноармейцев, 19 инвалидов труда, а также пожилые жители. Из них получали пенсии 17 инвалидов Первой мировой и Гражданской войн, 4 семьи красноармейцев и 6 пожилых людей¹⁸. Низовые органы власти были обязаны следить за своевременной выплатой пенсий.

В течение 1920-х годов количество людей, которым оказывалась социальная поддержка как нуждающимся, постепенно увеличивалось. Пенсии и пособия стали выдаваться семьям красноармейцев, участникам Первой мировой и Гражданской войн, а также инвалидам труда и пожилым людям.

Таким образом, важным направлением работы ВИКов являлись развитие сферы образования, здравоохранения, а также социальная поддержка населения в волостях. Волисполком нес ответственность за выполнение решений вышестоящих органов власти. Представленные отчеты учреждений давали возможность органам власти проанализировать положение отраслей и предпринять ряд необходимых мер. Нерешенных проблем оставалось еще достаточно много, тем не менее за годы работы ВИКами был сделан значительный шаг по развитию указанных отраслей: увеличилось количество школ и ликпунктов, медицинских сотрудников и учреждений. Повысился уровень образования и оказания медицинских услуг, увеличилась выплата пенсий пожилым людям, инвалидам войн и труда, семьям военнослужащих. Во многом благодаря деятельности низовых органов власти реализовывались необходимые реформы, и в волостях постепенно стала развиваться социально-экономическая сфера.

Таблица 1

Состояние здравоохранения в Коми АО на 1 октября 1922 года¹⁹

	Уезды	Больниц	Приемных покоев	Число коек	Врачей	Фельдшеров	Акушерок
1	Сысольский	3	–	82	2	21	12
2	Усть-Куломский	2	1	28	–	20	13
3	Усть-Вымский	1	2	35	1	14	12
4	Ижемский	1	–	20	–	8	1
	Всего	7	3	170	3	63	38

Таблица 2

Численность пенсионеров Коми АО в 1924–1926 годах²⁰

	Категория пенсионеров	на 01.10.1924, чел.	на 01.10.1925, чел.	на 01.10.1926, чел.
1	Инвалиды Гражданской войны	31	50	46
2	Инвалиды Империалистической войны	57	79	81
3	Прочие инвалиды и их семьи	3	56	109
4	Семьи погибших на Гражданской войне	63	206	189
5	Семьи погибших в Империалистической войне	48	77	84
6	Семьи служащих красноармейцев	15	30	52
7	Семьи, получающие персональные пенсии	–	4	нет данных
8	Всего пенсионеров	217	502	561

Примечание. В указанные сведения не вошло число прибывших в IV квартале 1924–1925 годов пенсионеров по Ижмо-Печорскому уезду.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отчет Коми областного исполнительного комитета за 1924–1925 хозяйственный год. Усть-Сысольск, 1925. С. 203.
- ² Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее ГУРК НАРК) Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.
- ³ Там же. Л. 54об.
- ⁴ ГУРК НАРК Ф. Р. 513. Оп. 1. Д. 4. Л. 126.
- ⁵ ГУРК НАРК Ф. Р. 3. Оп. 1. Д. 989. Л. 14.
- ⁶ ГУРК НАРК Ф. Р. 8. Оп. 1. Д. 176. Л. 126.
- ⁷ ГУРК НАРК Ф. Р. 9. Оп. 1. Д. 22. Л. 22.
- ⁸ Там же. Д. 37. Л. 9, 26.
- ⁹ Там же. Д. 33. Л. 34.
- ¹⁰ Там же. Д. 33. Л. 30.
- ¹¹ Отчет Коми областного исполнительного комитета за 1924–1925 хозяйственный год. Усть-Сысольск, 1925. С. 283.
- ¹² Отчет Коми областного исполнительного комитета с 1 октября 1923 года по 1 августа 1924 года. Усть-Сысольск, 1924. С. 51.
- ¹³ ГУРК НАРК Ф. Р. 9. Оп. 1. Д. 85. Л. 3об.
- ¹⁴ Там же. Д. 85. Л. 1.
- ¹⁵ ГУРК НАРК Ф. Р. 7. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.
- ¹⁶ ГУРК НАРК Ф. Р. 9. Оп. 1. Д. 33. Л. 22, 26.
- ¹⁷ Там же. Д. 85. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Д. 84. Л. 4.
- ¹⁹ ГУРК НАРК Ф. Р. 3. Д. 1252. Л. 142об.
- ²⁰ Отчет Коми областного исполнительного комитета за 1924–1925 хозяйственный год. Усть-Сысольск, 1925. С. 296; Отчет Коми областного исполнительного комитета за 1925–1926 хозяйственный год. Усть-Сысольск, 1927. С. 122.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безносиков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1973. 176 с.
2. Золотарев О. В. Ликвидация массовой неграмотности населения в Коми автономии. Сыктывкар: Коми государственный педагогический институт, 2000. 111 с.
3. Золотарев О. В. Народное образование в Коми Автономии в 1918–1940 годах. Сыктывкар: Коми государственный педагогический институт, 1993. 166 с.
4. История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. 688 с.
5. Котов П. П., Пилипенко В. А. Здравоохранение в Коми АССР в 1920–1930-х годах: становление и развитие. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского гос. университета, 2011. 196 с.
6. Кузиванова О. Ю., Попов А. А., Сметанин А. Ф. В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 1996. 196 с.
7. Таскаев М. В. Антибольшевистское движение в Коми крае (1917–1925 годы): Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1996. 213 с.

Karakchiev V. N., Federal State-Funded Institution of Science The institute of language (Syktyvkar, Russian Federation)

EDUCATION, HEALTH CARE AND SOCIAL SUPPORT DEVELOPMENT IN THE DISTRICTS OF KOMI AUTONOMOUS REGIONS IN 1920s

The aim of the article is to study the status and development of public education, health care and social support in the Komi Autonomous region. The author notes that the topic related to the functioning of the grass-roots government is poorly studied. The current analysis of the activities undertaken by the local authorities of the 1920s is essential. Knowledge of the historical experience can help to improve the quality of the government functioning at present. In the early 1920s, the social sphere in the region was in a difficult situation, but thanks to the work of the government, including executive committees and township leadership, a number of measures was taken to improve such areas as public education, health care and social support for the people in need. As a result, a gradual increase in the number of educational institutions and students, health care workers in the districts, and organization of social assistance was registered. The payment of pensions and benefits for the elderly, people with disabilities, war veterans, and military families was resumed. The studied data of the archives: surveys and reports of the government were used as sources for the article. The author comes to a conclusion that the districts' executive committees have made a significant contribution into the development of the region.

Key words: education, health care, social assistance, surveys and reports of the authorities, district 's executive committees, Komi Autonomous Region

REFERENCES

1. Beznosikov Y. N. *Razvitie narodnogo obrazovaniya v Komi ASSR* [Development of the public education in the Komi Republic]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1973. 176 p.
2. Zolotarev O. V. *Likvidatsiya massovoy negramotnosti naseleniya v Komi avtonomii* [The elimination of mass illiteracy in Komi autonomy]. Syktyvkar, Komi gos. ped. institut Publ., 2000. 111 p.
3. Zolotarev O. V. *Narodnoe obrazovanie v Komi Avtonomii v 1918–1940 gg.* [Public Education in Komi in 1918–1940]. Syktyvkar, Komi gos. ped. institut Publ., 1993. 166 p.
4. *Istoriya Komi s drevneyshikh времен do sovremennosti. T. 2* [History of Komi from ancient times to the present time. Vol. 2]. Syktyvkar, ООО "Anbur" Publ., 2011. 688 p.
5. KotoV P. P., Pilipenko V. A. *Zdravookhranenie v Komi ASSR v 1920–1930 godakh: stanovlenie i razvitie* [Health care in the Komi Republic in 1920–1930-ies: formation and development]. Syktyvkar, Izd-vo Syktyvkar'skogo gos. universiteta, 2011. 196 p.
6. Kuzivanova O. Y., Popov A. A., Smetanin A. F. *V nachale puti (Ocherki istorii stanovleniya i razvitiya Komi avtonomii)* [In the beginning (Essays on the history and development of Komi autonomy)]. Syktyvkar, IYaLI KNTs UrO RAN Publ., 1996. 196 p.
7. Taskaev M. V. *Antibolshevistskoe dvizhenie v Komi krae (1917–1925 gody): Dis. ... kand. ist. nauk* [Anti-Bolshevik movement in the Komi region (1917–1925 years)]. Syktyvkar, 1996. 213 p.

Поступила в редакцию 02.11.2016

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА КУЗНЕЦОВА

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
foliage.07@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА С. А. ПРИКЛОНСКОГО И А. С. ПРУГАВИНА

Изучение работ и архивного наследия народников С. А. Приклонского и А. С. Пругавина позволяет выявить их точку зрения на роль старообрядчества в жизни Русского Севера в конце XIX – начале XX века. Автор приходит к выводу о том, что значимой особенностью взглядов обоих народников являлось отношение к старообрядчеству как особому явлению. Они полагали, что при правильной политике власти именно старообрядчество могло стать опорой государства.

Ключевые слова: народничество, старообрядчество, религиозные группы, С. А. Приклонский, А. С. Пругавин, Русский Север

Особый интерес в Российской империи у различных категорий исследователей (Русская Православная Церковь, государственная власть¹, народнические авторы²) вызывало изучение старообрядчества. Это конфессиональное сообщество во второй половине XIX века «становится объектом различных дискурсов – правительственного, научного и публицистического» [1: 7], а в публицистике начинают появляться проблемно-тематические исследования, в том числе «посвященные старообрядчеству Европейского Севера» [8] и «социально-экономическим мотивам движения раскольников» [2].

Целью данной статьи является анализ особенностей взглядов народников С. А. Приклонского и А. С. Пругавина на религиозную общность старообрядцев Русского Севера. Представляется важным выделить особенности восприятия и описания информации у данных авторов, так как они сочетали в себе не только народнический исследовательский опыт, но и опыт чиновника (Приклонский) и ссыльного (Пругавин). Для этого необходимо подробно проанализировать работы Приклонского и Пругавина, а также материалы из архивов, выявить моменты, где авторы описывают интересующую нас проблему, выделить и описать особенности взглядов народников на старообрядчество Русского Севера и его влияние на местное сообщество.

Сергей Алексеевич Приклонский (1846–1886) и Александр Степанович Пругавин (1850–1920) познакомились со старообрядчеством в период пребывания на Европейском Севере России – в Олонецкой и Архангельской губерниях, в регионе, который традиционно считался местом аккумуляции и сосредоточения старообрядческого населения уже с конца XVII века. Приклонский около десяти лет состоял на службе в канцелярии олонцкого губернатора Г. Г. Григорьева, выполнял особые поручения последнего и участвовал в инспекционных поездках по краю³. Пругавин находился в ссылке в нескольких городах Архангельской губернии⁴. Оба они по своим взглядам принадлежали к легальному народничеству.

На формирование взглядов народников на старообрядчество повлияли как внутренние убеждения, так и внешняя среда, в которой оказались авторы. Приклонский смог собрать за период службы чиновником в Олонецкой губернии важный материал о старообрядческом движении в крае, включающий в том числе и секретные донесения губернатора министру внутренних дел. Пругавин начал сбор материала о старообрядчестве еще в период ссылки в Архангельскую губернию и продолжал собирать его всю оставшуюся жизнь. Во многом именно пребывание в ссылке способствовало в дальнейшем установлению положительных личных контактов как с самими старообрядцами, так и с представителями других многочисленных религиозных групп, существовавших на территории империи. Пругавин воспринимался ими как такой же «пострадавший от гонений государства», как и они сами.

Таким образом, особенность восприятия проблемы у Приклонского сформировалась в период нахождения его на государственной службе, а у Пругавина – в период ссылки. В дальнейшем эти «исходные» условия проявились и в творчестве авторов, и во взаимоотношениях их с объектом исследования – старообрядцами.

Приклонский и Пругавин подошли к анализу проблемы исследования старообрядчества комплексно, подняв вопрос о влиянии старообрядческой религиозной группы на все сферы жизни северного крестьянства. Все их труды основывались, прежде всего, на присущих им народнических представлениях об окружавшем их старообрядческом сообществе, которое, как они считали, было не просто традиционным, а именно первоизначальным, исходным корнем русского народа. Кроме того, авторы опирались на широкий круг источников: документы канцелярий губернаторов Олонецкой и Архангельской губерний, данные периодической печати (статьи столичных и региональных изданий), сочинения самих старообрядцев и личные наблюдения, полученные в результате разговоров с местными жителями во время поездок по губернии.

На сегодняшний день опубликованные работы Приклонского и Пругавина находятся в относительной доступности для исследователей: ключевые книги народников несколько раз переиздавались, со статьями и очерками можно познакомиться в библиотеках и через Интернет. Однако у авторов, в особенности у Пругавина, остался существенный архив, большая часть которого до сих пор не опубликована. Значительный массив архивных материалов Пругавина сегодня хранится в Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ)⁵. Часть неопубликованных ранее материалов была использована автором статьи в ходе работы над исследованием.

Интересен момент взаимодействия двух авторов. Несмотря на сложности в определении степени влияния народников на взгляды друг друга и не найденной на данный момент информации о том, были ли когда-либо знакомы лично эти два человека, говорить о их взаимодействии представляется допустимым ввиду нескольких фактов. Часть документальных материалов, которые Приклонский собрал в ходе службы на севере, была передана им Пругавину, о чем последний сделал соответствующую запись⁶. Авторы были связаны с журналом «Русская мысль»: Приклонский вел в журнале внутреннее обозрение, Пругавин публиковал свои работы в 1880-е годы. А в 1883 году оба народника опубликовали свои статьи в «Русской мысли» в одних и тех же номерах, что может считаться косвенным подтверждением факта их знакомства⁷.

В целом в творчестве Приклонского и Пругавина, посвященном старообрядчеству, можно выделить узловые проблемы: влияние старообрядчества на местное население Европейского Севера, связь северных обитателей (православных и старообрядческих религиозных центров) со старообрядчеством, внутренние особенности жизни старообрядцев на севере империи. Эти вопросы прямо или косвенно затронуты в ключевых работах авторов. Так, в начале 1880-х годов была опубликована книга С. А. Приклонского «Народная жизнь на Севере»⁸, ставшая его главной работой, в которой тема старообрядчества проходит через все одиннадцать глав. Кроме того, Приклонский опубликовал ряд статей и очерков о старообрядчестве в ведущих либеральных журналах⁹. У Пругавина за длительный период публицистической активности вышел целый ряд книг¹⁰ и статей¹¹, посвященных как напрямую старообрядчеству, так и смежным темам (например, сектантству и его эволюции).

Что касается влияния старообрядчества на жизнь и быт северного крестьянства, то оба автора полагают, что подобное влияние является неоспоримым фактом. Народники пытались дать оценку этому взаимодействию, исходя из накопленных данных. С. А. Приклонский подчеркивал, что в распространении староверия в Олонецкой губернии сыграл значительную роль именно экономический фактор. Старообрядческие хозяйства были одними из самых крепких в этом сложном для земледелия крае, что не могло не добавлять

авторитета их владельцам, а значит, и привлекать внимание к их религиозным взглядам, тесно переплетавшимся с бытовыми традициями.

И Приклонский, и Пругавин затрагивали в своих работах социальную сферу (культуру и образование) у старообрядцев. Авторы подчеркивали, что изучение этих областей жизни позволит лучше понять глубину и самобытность старообрядчества как одной из крупнейших религиозных групп, оппозиционных РПЦ и официальной власти. Так, Приклонский сделал вывод о том, что представители религиозной группы старообрядцев оказывали значительное влияние на традиционное крестьянское общество Олонецкой губернии в области образования, а также на образ жизни и быта. Также население довольно часто перенимало лучшие старообрядческие традиции (трезвость, отказ от курения, стремление к чистоте)¹². То есть часто не только и не столько религиозные взгляды и удаленность территории от центра играли важную роль в распространении старообрядчества, но и их положительные характеристики, с точки зрения местного сообщества, способствовали этому. У А. С. Пругавина также вызвали интерес культура, образовательная сфера и творческое наследие старообрядцев. Автор утверждал, что религиозные группы были «прежде всего явлением культурного характера»¹³, а значит, именно в них можно увидеть глубину старообрядческого мироощущения, их восприятие мира и выстраивание отношений с ним, их систему ценностей и их характеристику русского православного общества.

Вопрос об обителях народники изучали как с точки зрения их вклада в распространение старообрядчества, так и с точки зрения роли религиозных центров в борьбе с распространением «раскола». Кроме того, их интересовал вопрос и об экономической составляющей жизни культовых (в том числе и старообрядческих) центров. В частности, Пругавин в сюжете о религиозных центрах подробно рассматривает пенитенциарную практику, анализирует их роль как мест заключения на Европейском Севере и поясняет, каким образом такая функция обители, как духовно-нравственная, служила государственным интересам¹⁴.

Народники Пругавин и Приклонский, основываясь на личном опыте и используя широкий круг источников, изучали старообрядчество на севере империи. Это религиозное течение стало одной из ключевых тем в их творчестве, так как именно религия в указанный период во многом определяла мировоззрение человека, корректировала его жизнь и занятия. Народники полагали, что старообрядчество представляло собой важный для исследования опыт повседневного мирного взаимодействия с оппозиционными силами – государством и РПЦ. Их публицистический талант, четкое изложение материала и активное вынесение на всеобщее обсуждение актуальных и спорных тем оценили по достоинству современники и потомки.

И Приклонский, и Пругавин полагали, что влияние старообрядчества на все сферы общества на севере империи было неоспоримым фактом. Они пытались понять, каким было это влияние, негативным или позитивным, а также ответить на один из главных для себя вопросов – вопрос об оценке статуса старообрядчества в русском обществе. Местные власти не сомневались в их «вредном», а часто даже «опасном» статусе, тогда как народники пытались понять реальное положение дел по этой проблеме.

Главным фактором у старообрядцев, который привлекал народников во второй половине XIX – начале XX века к этому движению, был «дух свободы», возникший у староверов еще в самом начале раскола в середине XVII века и сопоставивший им даже в конце XIX века. Именно это стремление к свободе выделяли все исследователи старообрядческого вопроса. Однако Приклонский и Пругавин предполагали, что в реальной жизни традиционного общества опасность, исходящая от старообрядчества, официальной властью была сильно преувеличена. Исходя из своих исследований, авторы заключали, что во многом причиной возникновения особых религиозных групп становилось стремление личности, переживавшей духовный кризис, защититься таким образом от негативного окружения (общества, государства). Приклонский и Пругавин в своих исследованиях заключали, что именно старообрядцы, несмотря на всю их оппозиционность и опасность, подчеркиваемую большинством церковных и прогосударственных исследова-

телей, часто составляли самую образованную, культурную и экономически устойчивую часть русского общества, которая при правильной политике власти могла стать опорой государства.

В современной российской историографии проблема изучения старообрядчества легальными народниками является актуальной для исследования [3], [4], [5], [6]. Подробное исследование данной темы позволяет обогатить наши представления о старообрядчестве на основе тех фактов, которые были выявлены и обнародованы указанными народническими исследователями, а также подробнее рассмотреть вопрос о становлении народнического мировоззрения и трансформации отношения к старообрядчеству в народнической среде. Взгляды Пругавина и Приклонского, сформированные под влиянием народнической идеологии и личного общения со старообрядцами и сектантами, отличались от взглядов как народников, придерживавшихся других направлений, так и других современных им исследователей. В частности, отсутствие «прогосударственных» целей позволило данным народникам поставить вопрос о невиновности старообрядческой группы верующих в «преступлениях и проступках», «в той темноте, в умственном убожестве, некультурности», которые «желают взвалить на него властители церкви и государства» и «высокомерное общественное мнение»¹⁵. Такой подход привел к тому, что работы Приклонского и Пругавина оказались чрезвычайно популярными у их современников, а также не теряют актуальности и для современных исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например, Шапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII: Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. СПб.: Изд-во М. В. Пирожкова, 1906. Т. 1. С. 173–450; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович (Репринт издания 1912 года). М., 1996. 533 с.; Булгаков С. В. Краткие сведения о существовавших и существующих расколах, ересь, сектах, новейших рационалистических учениях и проч. // Настольная книга для священно-церковнослужителей. Изд. 3-е. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. С. 1592–1681; Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков, с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг.: И. Л. Тузов, 1915. 25 с.; Костомаров Н. И. Деятели русской церкви в старину. Мюнхен, 1922. 117 с.
- ² Например, Герцен А. И. Русский народ и социализм // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 307–339; «Исповедь» Василия Ивановича Кельсиева // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41/42: А. И. Герцен. [Кн.] II. С. 253–470; Каблиц И. И. Личность и общественные формы // Неделя. 1880. № 21. С. 665–667; Каблиц И. И. Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., 1881. 180 с.
- ³ Формулярные списки о службе чиновников Олонецкого губернского правления за 1879 г. // НАРК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 2237. Л. 78–87об.
- ⁴ Дело о высылке под надзор полиции в Архангельскую губернию студента Петровской земледельческой академии Пругавина // ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 98–100.
- ⁵ Российский государственный архив литературы и искусств (далее РГАЛИ) // Ф. 2167: Пругавин Александр Степанович (1850–1920) – писатель-публицист, исследователь старообрядчества и сектантства.
- ⁶ Записки и письма по истории Выгорецких скитов, присланные Пругавину А. С. Приклонским С. А. // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.
- ⁷ Приклонский С. А. Державин в Петрозаводске // Русская Мысль. 1883. № 10. С. 175–212; № 11. С. 235–265; Пругавин А. С. Русские сектанты до закона 3 мая 1883 года // Русская мысль. 1883. № 10. С. 213–252; № 11. С. 266–297.
- ⁸ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. М.: Типо-Литография И. Н. Кушнерова и К^о, 1884. 367 с.
- ⁹ Приклонский С. А. Крестьянский мир и приходской причт // Северный Вестник. 1885. № 1. С. 42–64; № 2. С. 77–95; Приклонский С. А. Странники или бегуны, из народной жизни на Севере // Северный Вестник. 1888. № 9. С. 101–128; № 10. С. 117–143.
- ¹⁰ Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. (К вопросу о веротерпимости). М.: Посредник, 1905. 134 с.; Пругавин А. С. Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. 267 с.; Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М.: Типография И. Д. Сытина, 1905. 89 с.; Пругавин А. С. Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства. М.: Типо-литограф. Т-ва И. Н. Кушнерова и К^о, 1906. Вып. 1. 266 с.; Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд. тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. 281 с.

- ¹¹ Пругавин А. С. Архангельский уезд, 24-го февраля (Корреспонденция «Голоса») // Голос. 1880. № 64. С. 3; Пругавин А. С. Архангельский уезд, 1-го марта (Корреспонденция «Голоса») // Голос. 1880. № 68. С. 3; Пругавин А. С. Запросы и проявления умственной жизни в расколе // Русская мысль. М., 1884. Кн. I. С. 161–199; Пругавин А. С. Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 1. С. 301–364; Пругавин А. С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства // Известия Императорского Русского географического общества. 1880. Т. XVI. Вып. 3. С. 275–319; Пругавин А. С. Раскол и его исследователи // Русская мысль. 1881. № 2. С. 332–357; Пругавин А. С. Староверческие скиты (по поводу одного частного случая) // Неделя. 1879. № 38. С. 1127–1131.
- ¹² Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 238, 242.
- ¹³ Пругавин А. С. Раскольничья поэзия. Материалы для характеристики внутренней жизни раскола // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 19. Л. 41.
- ¹⁴ Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. (К вопросу о веротерпимости). М., 1905. С. 21, 24, 178.
- ¹⁵ Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. М., 1908. Вып. 1. 104 с.; Вып. 2. 95 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипова Е. А. Экономический социум старообрядцев в дискурсах второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XX в. М., 2012. С. 7–76.
- Вишленкова Е. А. Проблема церковного раскола в трудах А. П. Щапова: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. 239 с.
- Головко В. М. Социально-философские идеи эволюционного развития в теоретическом наследии Я. В. Абрамова // История и историография правого народничества: Сб. ст. / Редкол.: Г. Н. Мокшина (отв. ред.) и др. Воронеж: Истоки, 2014. С. 199–216.
- Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв.: Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. 310 с.
- Мокшин Г. Н. Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии // История и историография правого народничества: Сб. ст. / Редкол.: Г. Н. Мокшина (отв. ред.) и др. Воронеж: Истоки, 2014. С. 9–26.
- Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж: Научная книга, 2010. 299 с.
- Сажин Б. Б. Отношение к старообрядчеству и религиозному сектантству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2015. С. 114–120.
- Тяпин И. Н. Старообрядческое население Европейского Севера России во второй половине XVII – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2002. 215 с.

Kuznetsova N. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

STUDY OF OLD BELIEVERS OF THE RUSSIAN NORTH: CHARACTERISTIC FEATURES OF A. PRIKLONSKY AND A. S. PRUGAVIN'S RESEARCH EXPERIENCE

The article analyzes peculiarities of the views of the populists S. A. Priklonsky and A. S. Prugavin on the Old Believers in the Russian North. The role of the Old Believers in the life of the Russian people was one of the main research problems for both authors. The study of the works and archival heritage of these populists helped to reveal their point of view on this problem and the main features of their views. The author comes to a conclusion that the approach toward these Old Believers as a special phenomenon of the Russian society was a significant feature of the views of both populists. S. A. Priklonsky and A. S. Prugavin believed that these Old Believers could become the anchorage of the State in case of properly conducted policy.

Key words: Populism, Old Believers, religious group, S. A. Priklonsky, A. S. Prugavin, Russian North

REFERENCES

- Arkhipova E. A. Economic society of the Old Believers in the discourses of the second half of the XIX – early XX century [Ekonomicheskiy sotsium staroobryadtssev v diskursakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.]. *Problemy rossyskoy istoriografii sere diny XIX – nachala XX v.* Moscow, 2012. P. 7–76.
- Vishlenkova E. A. *Problema tserkovnogo raskola v trudakh A. P. Shchapova: Dis. ... kand. ist. nauk* [The problem of Church Schism in the writings of A. P. Schapov]. Kazan, 1991. 239 p.
- Golovko V. M. Socio-philosophical ideas of evolutionary development in the theoretical legacy of Ya. V. Abramov [Sotsial'no-filosofskie idei evolyutsionnogo razvitiya v teoreticheskom nasledii Ya. V. Abramova]. *Istoriya i istoriografiya pravogo narodnichestva: Sbornik statey.* Redkol.: G. N. Mokshina (otv. red.) i dr. Voronezh, Istoki Publ., 2014. P. 199–216.
- Kastornov S. N. *Narodniki-reformisty o sotsial'nykh i obshchestvenno-politicheskikh problemakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: Sravnitel'nyy analiz: Dis. ... kand. ist. nauk* [Populists-reformists on the social and socio-political problems of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: Comparative analysis]. Orel, 2002. 310 p.
- Mokshin G. N. The main concepts of the history of legal populism in modern Russian historiography [Osnovnye konceptsii istorii legal'nogo narodnichestva v sovremennoy otechestvennoy istoriografii]. *Istoriya i istoriografiya pravogo narodnichestva: Sbornik statey.* Voronezh, Istoki Publ., 2014. P. 9–26.
- Mokshin G. N. *Evolutsiya ideologii legal'nogo narodnichestva v posledney treti XIX – nachale XX vv.: Monografiya* [Evolution of the ideology of legal populism in the last third of the XIX – early XX centuries]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2010. 299 p.
- Sazhin B. B. Relation to the Old Believers and religious sectarianism in revolutionary populism in the 70-ies of the XIX century [Otnoshenie k staroobryadchestvu i religioznomu sektantstvu v revolyutsionnom narodnichestve v 70-e gg. XIX v.]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi.* Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015. P. 114–120.
- Tyapin I. N. *Staroobryadcheskoe naselenie Evropeyskogo Severa Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: Dis. ... kand. ist. nauk* [The Old Believers' population of the European North of Russia in the second half of the XVII – early XX centuries]. Vologda, 2002. 215 p.

Поступила в редакцию 12.09.2016

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЗАЙЦЕВА

доктор филологических наук, заведующий сектором языкознания, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
zng@ro.ru

‘СЕРДИТЬСЯ’ ПО-ВЕПСКИ (ИМЕНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ)*

Лингвогеографические исследования популярны в финно-угорском мире. Накопление диалектного материала, шедшее длительное время, теперь стало оформляться в диалектологические атласы. В течение ряда лет ведется работа по подготовке «Лингвистического атласа вепсского языка». Диалектное членение вепсской речи, в соответствии с которым в вепсском языке выделяется три диалекта (северновепсский, или прионежский, средневепсский и южновепсский), было сформулировано финскими лингвистами, а позднее принято и российскими исследователями вепсского языка как соответствующее действительности. Оно, прежде всего, связано с географическим положением регионов проживания вепсского народа. Специфика работы с лексикой, которая размещается на лингвистических картах будущего атласа и в научных комментариях, представлена в данной статье на материале именовании понятия ‘(рас)сердиться’ в диалектах вепсского языка. Как показал анализ, в диалектных ареалах в данном случае наблюдается прибалтийско-финское наследие (*kāraitā*, *pahiduda*, *verduda/vertta*), присутствует вепсская инновационная лексика (*kurktuda*), проявились следы контактов с карельским языком (*sänduda*) и русскими народными говорами (*rändüda*). Все это наложило свой отпечаток на формирование диалектных ареалов языка вепсов.

Ключевые слова: лингвистическая география, языковые контакты, вепсский язык, диалектные ареалы, этимология

В последнее время лингвогеографические исследования финно-угорских языков стали исключительно популярными. Очевидно, шло длительное накопление материала, без которого атласы не могут быть подготовлены, и теперь эти материалы стали оформляться в лингвистические или диалектологические атласы.

Вепсский язык уже выступал объектом двух лингвистических атласов: «Лингвистического атласа Европы» и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков»¹, последний из них подготовлен международным коллективом авторов из Финляндии, Эстонии, Карелии². Одной из задач прибалтийско-финского атласа было выяснение «...положения южноэстонского и вепсского языков в языковой семье»³. Атлас проиллюстрировал, что вепсский язык обладает чертами, которые роднят его в большей или меньшей степени с другими прибалтийско-финскими языками. Раскрыть же более глубоко специфические особенности вепсского языка в данном коллективном труде и не предполагалось. Это задача уже самостоятельного атласа вепсского языка, который, как и любой атлас вообще, прежде всего должен базироваться на совокупности и анализе собственного диалектного материала.

Как известно, первооткрывателем вепсов считают академика Российской академии наук Александра Шегрена, который совершил две поездки в места расселения вепсов: в 1824–1825 и 1827 годах. Он оставил записи, которые касаются прежде всего построения слов, но, к сожалению, они не введены в научный оборот. После этого земли

вепсов посетили многие ученые из Финляндии. При этом интерес к материалам вепсского языка в тот период, который характеризовался особым вниманием к истории развития языковых фактов, у финских ученых был настолько велик, что с легкой руки Е. Д. Европеуса вепсский язык стали называть даже «прибалтийско-финским санскритом» [6: 22], считая его своеобразным кладом языковой древности. Представления об особой архаике языка вепсов побуждали финских лингвистов активно использовать вепсские материалы в сравнительно-историческом исследовании финского языка. Авторы с интересом познавали особенности вепсского языка, роднящего последний, в первую очередь, с финским языком.

В 1842 году у вепсов побывал Э. Леннрот, интерес которого заключался, прежде всего, в сборе возможного вепсского эпического наследия. На землях вепсов ему не удалось его обнаружить, однако материалы вепсского языка сослужили ему большую службу, поскольку именно на их основе он защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора Хельсинкского университета [7]. Отметим, что в своей работе Леннрот еще не упоминал о диалектном членении вепсской речи.

Затем, в 1855 году, вепсов посетил А. Алквист. Его путешествие было совершено на земли более северной группы вепсов (среди них села Шелтозеро, Шимозеро). Он уже попытался сделать некоторые замечания о диалектных особенностях вепсского языка, выделив в нем два диалектных ареала: прионежский (вдоль Онежского озера)

и приютский, протянувшийся вдоль р. Оять почти до Белого озера [5].

Известный исследователь исторической фонетики прибалтийско-финских языков Э. Сетяля также совершил две поездки на земли вепсов: в 1889 и 1916 годах. Именно в этот период после поездки Э. Сетяля исследователи вепского языка Л. Кеттунен и Э. А. Тункело, которые и сами предприняли неоднократные научные экспедиции в места расселения вепсов, осмыслили собранные ими материалы и пришли к заключению о выделении в языке вепсов *трех* диалектов: северновепского, или прионежского, средневепского и южновепского – и наиболее полно охарактеризовали их [8: 15–17].

Предложенное диалектное членение вепской речи закрепилось и было принято позднее и российскими исследователями вепского языка (см., напр.: [1: 13–17]) как соответствующее

действительности. Оно основывалось, прежде всего, на географическом положении регионов проживания вепского народа. Земли расселения вепсов никогда не образовывали единого административного целого. Они входили частично в Олонецкую губернию, частично в Новгородскую и Санкт-Петербургскую, причем границы в разное время менялись. В XV–XVI веках вепские территории были частями Обонежской пятины. В X–XIII веках они подчинялись древней Ладоге, образуя так называемый Обонежский ряд [3: 3]. Таким образом, административное устройство, собственно, никогда не принимало в расчет границы этнической вепской территории, что, конечно же, сказалось и на формировании диалектных ареалов вепского языка. В настоящее время вепсы оказались на стыке трех регионов: Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей (рис. 1).

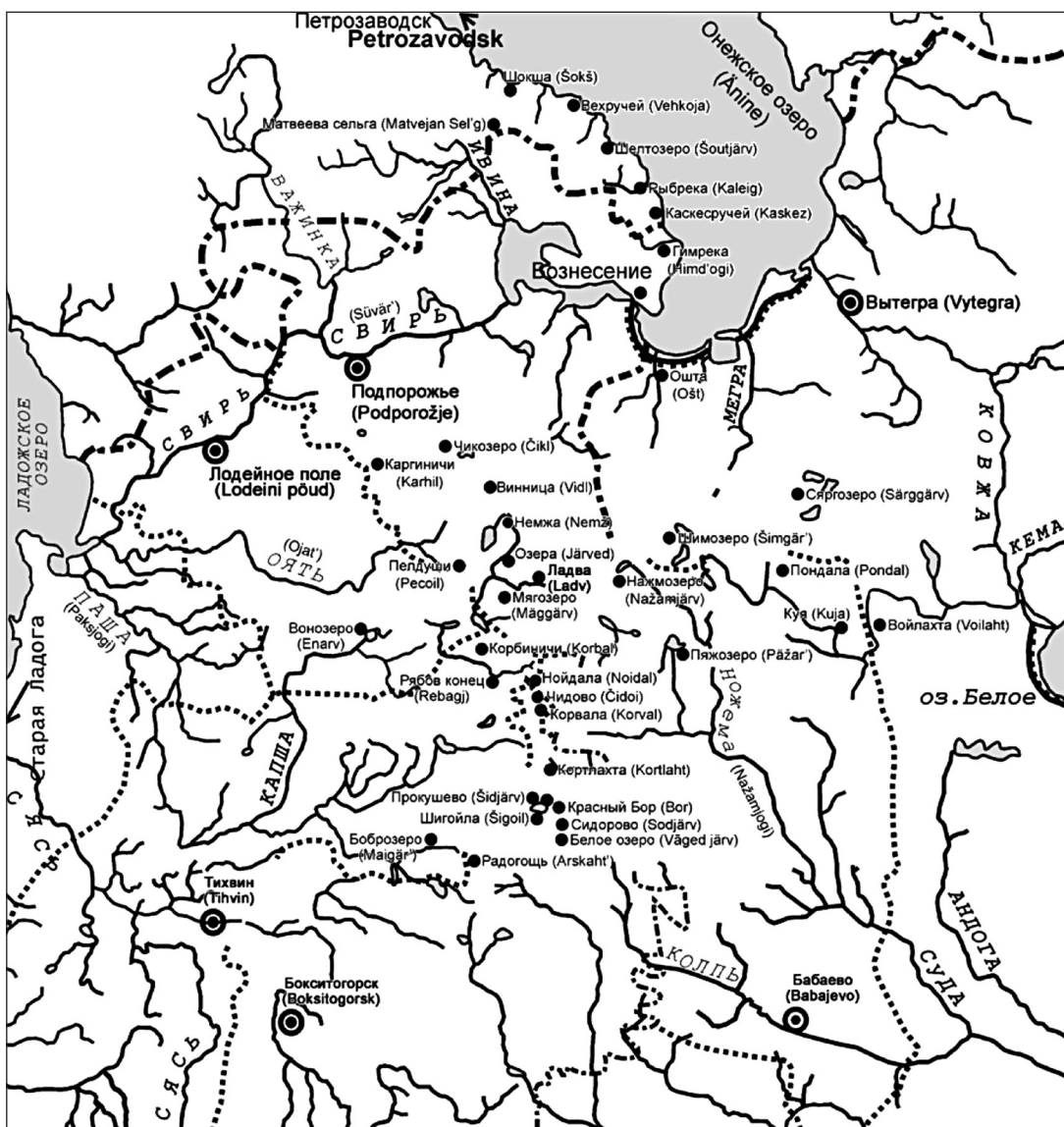

Рис. 1. Карта современного расселения вепсов

Первые экспедиции с целью записи вепского диалектного материала сотрудниками Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН были совершены с начала 1950 года. Всего состоялось более полутора сотен выездов во все регионы проживания вепсов. Коллекция вепских материалов Фонограммархива Институ-

та языка, литературы и истории КарНЦ РАН является, по всей видимости, самой представительной в мире, насчитывает более 400 часов записей разного характера: записи бытовых рассказов, фольклорные материалы, этнографические зарисовки, ономастический материал (рис. 2).

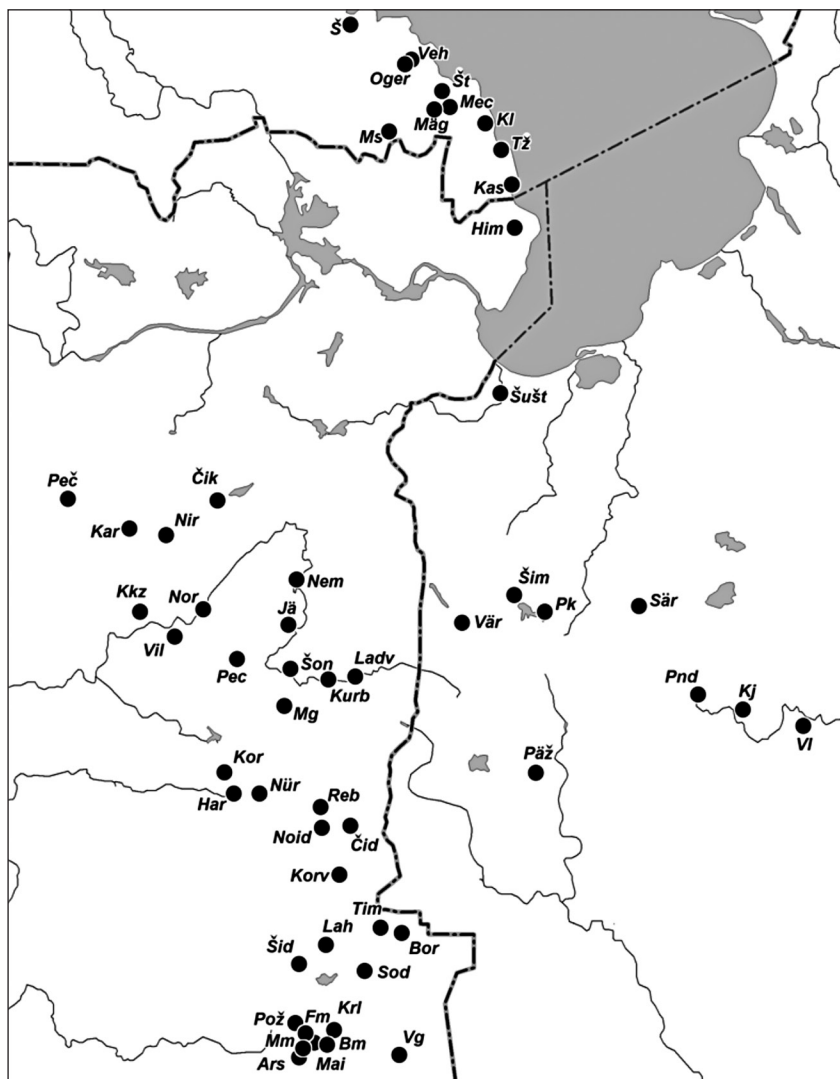

Рис. 2. Карта экспедиционных маршрутов сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН на территории расселения вепсов

Идея создания «Лингвистического атласа вепского языка» возникла еще во времена Д. В. Бубриха. Учеными-вепсологами Н. И. Богдановым и М. М. Хмяляйненом был составлен вопросник по сбору материала для атласа вепского языка, но сама работа не была начата из-за отсутствия кадров. Лишь в начале 2010 года появилась возможность вернуться к данной теме при поддержке РГНФ (РФФИ).

В дальнейшем вопросник атласа вепского языка был дополнен и вновь отредактирован с учетом всего комплекса исследований по языку вепсов. В 2012–2013 годах было проведено его заполне-

ние в полевых условиях в 30 вепских пунктах. Помимо полевых данных широко привлекается материал из опубликованных в разные годы письменных источников, а также созданных в последнее время электронных ресурсов. Обязательное условие при их использовании – точная привязка материала к пункту функционирования. Это позволило значительно расширить сетку пунктов картографирования на лингвистической карте до 75 вепских населенных пунктов (рис. 3). Понятно, что материал из источников не носит такого регулярного характера, как собранный в ходе полевого сбора по специальному вопроснику.

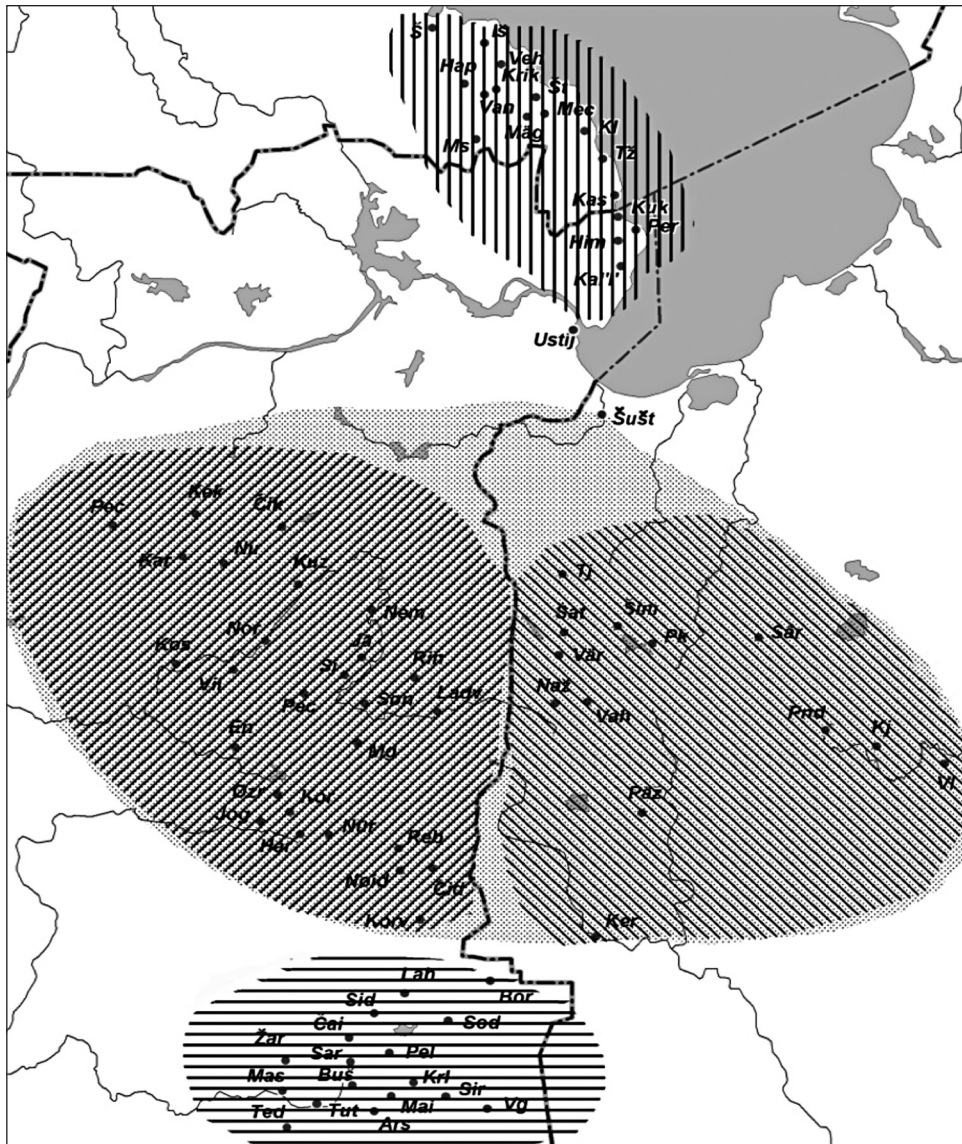

Рис. 3. Карта диалектных ареалов вепского языка

Уже подготовленные ранее в контексте лингвистической географии этюды по фонетике, грамматике, лексике (более 60 карт; см. [2]) проиллюстрировали значительный общий прибалтийско-финский языковой фонд, а также показали особенности развития каждого диалекта вепского языка. В данной статье предложен ареальный анализ именованний одного понятия ‘сердиться’ в диалектах вепского языка, который является своеобразной иллюстрацией исследования проблем лексики с привлечением метода лингвистической географии.

Отметим, что лексика исследована меньше других уровней вепского языка. При этом имеются ценные лексические коллекции, содержащиеся в диалектном словаре вепского языка, образцах вепской речи финских и российских исследователей, в этимологических словарях финского и эстонского языков. Отсутствие фундамен-

тальных исследований по лексике вепского языка затрудняет ее комментирование, ставя перед составителями атласа задачи не только ареального, но семантического, словообразовательного, этимологического и др. анализа лексем, что чаще всего является задачей этимологического словаря.

В диалектах вепского языка понятие ‘(рас)сердиться’, то есть ‘испытывать *раздражение* на кого-либо’ представлено многими лексемами, семантика которых отражает разные степени ‘сердитости’: от ‘обижаться’ до ‘злиться’. В ходе полевого сбора выявилось также стремление информантов построить глагольную форму таким образом, чтобы ясно было, сердится ли человек давно или он недавно рассердился, что соответствует по семантике русским видовым оттенкам глаголов (что делать: сердиться; что сделать – рассердиться), используя для этого словообразовательные суффиксы вепского языка.

В некоторых пунктах таким образом могло появиться несколько синонимов, которые необязательно являются полными, в других пунктах используется один-два глагола. Однако мы сочли возможным большую часть гла-

голов с *нейтральным* значением нанести на карту, поскольку можно с уверенностью утверждать, что все картографируемые глаголы в той или иной степени обладают искомой семантикой (рис. 4).

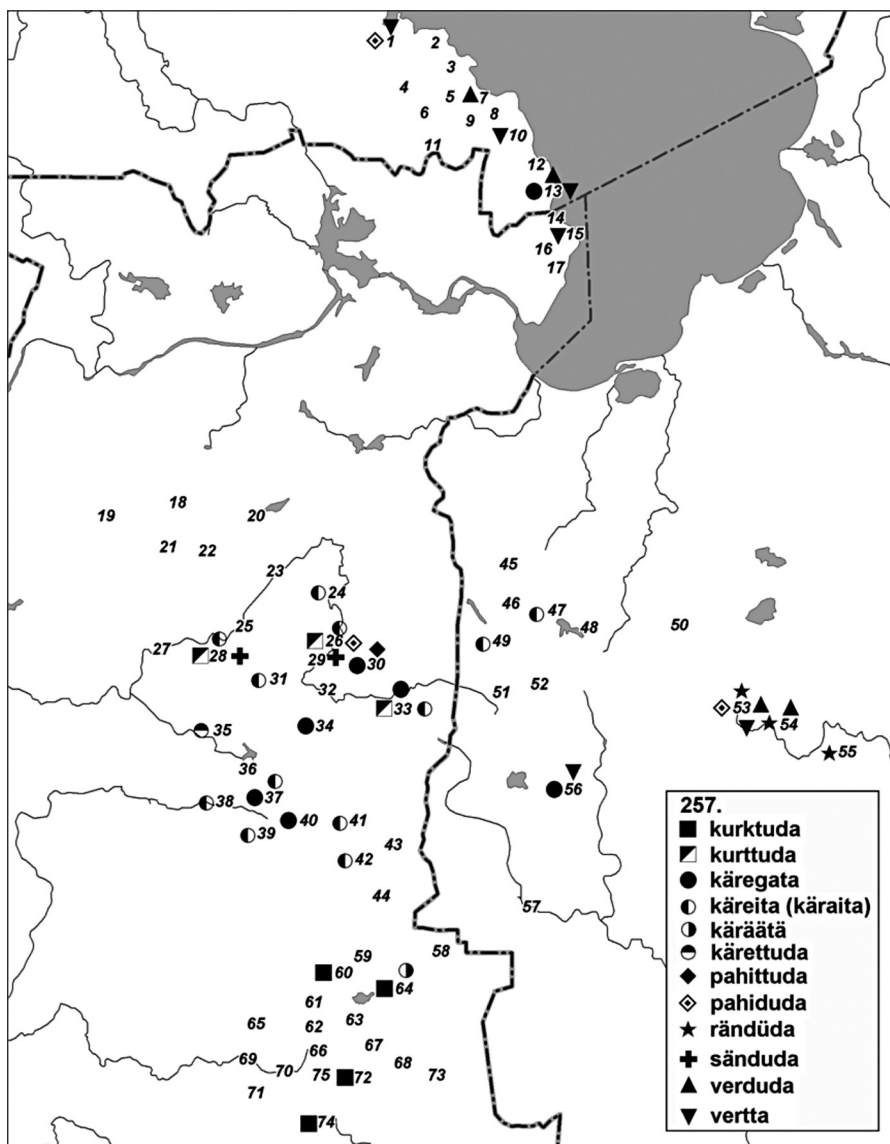

Рис. 4. Карта именовании понятия ‘(рас)сердиться’

Наиболее распространенным в языке вепсов является глагол *käraita* ‘сердиться’ (*käregata*, *kärettuda* ‘рассердиться’), который употребителен в западных говорах средневепского диалекта. Здесь функционирует также прилагательное *käred* ‘сердитый, злой’⁴, с которым по происхождению и связан глагол. Этимологи помещают глагол в этимологическое гнездо *käre*-⁵, где его семантика сосредоточена в дескриптивном поле, связанном со звуками, которые издает, например, мясо при жарке, или теми ассоциациями, которые возникают, когда человек говорит хриплым голосом. Лексемы с подобным значением

отмечаются и в иных прибалтийско-финских языках (например, в карельском языке: *kärie*, *käräkkä* ‘хриплый’⁶, *käraita* ‘хрипеть, сипеть’⁷). Однако здесь глаголов с семантикой ‘сердиться’ на этой почве не возникло. Очевидно, вепский язык пошел в звуковом сравнении дальше и развил у данной группы прилагательных семантический ряд: *хриплый* → *сердитый*. На следующем этапе появились и глаголы *käraita* ‘сердиться’, *käregata*-*kärettuda* ‘рассердиться’. Поскольку рефлексы этих глаголов, как показывает материал, можно обнаружить и в северно-, и в южновепском диалектах, они, очевидно,

имели в прошлом более широкое распространение, и, возможно, речь должна идти о правепсском происхождении слова.

У северных вепсов и отчасти в средневепсских белозерских говорах семантику 'сердиться' передает глагол *verduda/vertta*. На наш взгляд, его можно разместить в этимологическом гнезде *viertää* 'жечь, палить подсеку, передвигая горящие деревья с места на место', который рассматривается в связи с другими финскими глаголами типа *vierrä/viertyä*⁸. Финский многозначный глагол *viertyä* среди прочих обладает значением 'хрипеть (о голосе)'. Названные финский и вепсский глаголы исключительно близки по фонетическому облику: *viertyä* – *verduda*. При этом и глагол *vierrä* (вепсск. *verda*) 'палить подсеку', значение которого связано с горением, также может характеризовать звук, напоминающий хриплый, сердитый голос, как и в случае с глаголом *käraitä*, о котором речь шла выше. Дескриптивных глаголов в прибалтийско-финских языках большое количество, и многие лексемы на этой почве обладают внутренней семантически обоснованной мотивацией. Правда, семантики '(рас)сердиться' в данном конкретном случае в родственных языках обнаружить не удалось. Вепсский же язык здесь проявил себя в процессе номинации довольно последовательно, используя тот же признак звукоподражания.

Любопытно, что глагол *verduda/vertta* зафиксирован в языке северных (повсеместно) и восточно-белозерских вепсов. Обычно в подобных случаях у него могли бы быть рефлексы и в карельском языке, однако они отсутствуют.

Глагол *kurktuda/kurttuda* более редкий, связывающий южновепсские говоры с некоторыми средневепсскими западными говорами по линии Ярославичи – Озера – Ладва (Vil, Jä, Ladv). В контексте сказанного выше не исключено, что он также может быть дескриптивным, возможно, связанным с существительным *kurk* 'горло'. Видимо, здесь в семантическом развитии проявляется та же идея, которая лежит и в основе появления семантики 'сердиться' у глагола *verduda*, где во внимание принимаются определенные звуки. В данном случае, очевидно, на первом плане оказались звуки, производимые горлом. В связи с этим отметим, что в родственных прибалтийско-финских языках со значением 'сердиться; злиться' еще широко распространены глагол, звучащий в финском языке как *suuttua*. Его происхождение этимологи связывают с существительным *suu* 'рот'⁹. Отметим, что подобный глагол с тем же значением существовал, очевидно, ранее и в диалектах вепсского языка. Он указан в этимологическом словаре финского языка в форме *suutta* 'сердиться'¹⁰, однако при нынешнем сборе материала его обнаружить не удалось. У названных глаголов любопытен принцип номинации, связанный в одном случае с лексемой *kurk* 'горло', в другом случае с лексемой *suu* 'рот'.

Редким по употреблению, но любопытным с точки зрения происхождения является глагол *sänduda* '(рас)сердиться', который в полевых условиях собрать уже не удалось, но он отмечен в словаре вепсского языка¹¹ в двух западновепсских пунктах: в Озерах и Ярославичах (Jä, Vil). После длительного поиска нам удалось выявить соответствия в собственно карельских говорах (*seäntyö/šeänd'yö* 'сердиться, злиться'¹², *šiäntyö/seändyö* 'сердиться, злиться'¹³), а также и в тихвинских говорах карельского языка: (*s'ändüö* 'сердиться'¹⁴); последняя форма более всего напоминает вепсский глагол *sänduda*. Большой словарь диалектов карельского языка, изданный в Финляндии, указывает на существование названного глагола и в ливвиковских говорах карельского языка¹⁵, однако словарь карельского языка (ливвиковский диалект), составленный Г. Н. Макаровым¹⁶, его наличия в данных говорах, довольно близких вепсскому, не подтверждает. Очевидно, лексема в этой группе говоров стала довольно редкой.

Этимологический словарь финского языка включил названные выше карельские глаголы в гнездо *sydän* 'сердце'¹⁷. Среди множества прочих лексем из финского языка в эту этимологическую статью включен глагол *sydämistyä* 'сердиться'. Он наиболее ярко иллюстрирует словообразовательный и семантический путь развития картографируемого значения: *sydän* 'сердце' → *sydämistyä* '(рас)сердиться'. Указанная словарная статья содержит и карельский глагол *šiäntyö/seändyö* с аналогичным значением.

Показательно, что вепсский глагол *sänduda* не включен в SSA в словарную статью *sydän*. Очевидно, этому препятствовал фонетический облик вепсского слова, не позволивший напрямую связать его с производящей прибалтийско-финской основой *sydän*. Внешний вид вепсского глагола по сравнению с финским, а также с самой вепсскоязычной формой слова *südäin* 'сердце' выглядит исключительно изношенным. Он действительно настолько изменил свой фонетический облик, что в имени и глаголе (*südäin* – *sänduda*) трудно обнаружить общность. Однако при этом вепсский глагол безупречно вписывается в один ряд с карельским, что позволяет предположить заимствованный характер вепсского слова: карельск. *šiäntyö / seändyö / s'ändüö* > вепсск. *sänduda*. Глагол карельского языка *seändyö* по сравнению с финским *sydämistyä* также выглядит стяженным. Очевидно, это вызвано частотностью употребления и изношенностью самой производящей основы, что привело ее к значительному фонетическому изменению от *süväin* → до *seän* 'сердце', что повлекло за собой и соответствующее фонетическое развитие глагола *šeäntyö*. Лексема *sydän* исключительно многозначна: от значения 'сердце' до обозначения различных внутренностей и внутренних конструкций.

Во многих языках она подверглась грамматикализации, употребляясь в роли послелого (напр., вепск. *pirgan südüimehe* ‘внутри пирога’, *aidan südüimes* ‘внутри изгороди’¹⁸, карельск. *pertin sydäimeh* ‘в середину избы’; *pučin sydäimes* ‘в середине бочки’ [4: 104]). Поэтому изменение внешнего облика слова в этих условиях достаточно закономерно. Вполне возможным представляется и путь заимствования вепского глагола *sänduda* из карельского *seändyö*. Трудно утверждать, насколько широко лексема *sänduda* употреблялась ранее в диалектах вепского языка, но ясно, что она, проникнув через карельский язык, стала в вепском языке несомненным северно-прибалтийско-финским наследием.

В данном контексте, кроме всего прочего, обращает на себя внимание аналогичное развитие номинации понятия ‘(рас)сердиться’ в языках разных групп и семей:

– **прибалтийско-финские языки:** *sydän* ‘сердце’ → *sydämistyä* ‘сердиться’ (финск.); *seän-siväin* ‘сердце’ → *šiäntyö/seändyö* ‘сердиться’ (карельск.);

– **русский язык:** *сердце* → *сердиться, сердитый*¹⁹.

Лексемы *pahiduda/pahittuda* ‘(рас)сердиться’ ведут свое происхождение от прибалтийско-финского прилагательного *paha* ‘злой, сердитый’, которое и определило семантику вепских глаголов. Прилагательное *paha* в идентичном с вепским значении широко известно во всех прибалтийско-финских языках, так же как и большое количество глаголов, от него образованных. Однако эти глаголы в родственных языках значительно теснее, нежели в вепском *pahiduda/pahittuda* ‘(рас)сердиться’, связаны по семантике с производящим прилагательным *paha* ‘плохой, нехороший, дурной’, напр.: финск. *paheksua* ‘не одобрять’, *pahentua* ‘ухудшаться’²⁰; карельск. (ливвиковское): *pahastuo* ‘огорчаться’, *paheta* ‘становиться хуже’²¹ и т. д. Пожалуй, лишь значения глаголов типа финск. *pahea* ‘огорчаться’²², карельск. *paheltuo* ‘обижаться’²³ несколько приближаются по семантике к значению вепских глаголов *pahiduda/pahittuda* ‘сердиться’ и отчасти свидетельствуют о возможности развития подобного значения, как это случилось в языке вепсов.

У белозерских (восточных) вепсов при обозначении семантики ‘(рас)сердиться’ наиболее

употребителен глагол *rändüda*, образованный, очевидно, от прилагательного *rän* ‘сердитый, злой’²⁴. В этимологическом словаре финского языка имеется лексема *ränä* ‘капризный, взбалмошный’, которая, по мнению этимологов, пришла в финский из современных шведских диалектов²⁵. Вряд ли эта довольно поздняя заимствованная лексема таким же путем могла появиться и в языке вепсов, хотя здесь налицо некая связь с финской лексемой и во внешнем облике слова, и семантически. Скорее всего, глагол *rändüda* является русским диалектным заимствованием: ср. русск. диал. глагол *дрянуть* ‘плохо вести себя; упрямиться’²⁶, который отмечен на смежной с белозерскими вепсами территории (вологодский, кадниковский говоры).

Таким образом, понятие ‘сердиться’ в языке вепсов передается несколькими глаголами, что дает возможность даже на материале именовании одного понятия сделать некоторые заключения о формировании диалектных ареалов вепского языка. Прежде всего отметим, что многие глаголы этого семантического круга оказались дескриптивными. Можно предположить, что для мотивов номинации в этом случае была важна не столько внутренняя суть понятия, сколько внешний, звукоподражательный момент, что и определило выбор производящих основ для образования глаголов: хриплый (о голосе); похожий на звук шипения жарящегося мяса; похожий на звуки горения деревьев или звуки при глотании.

Наиболее употребительными в диалектах вепского языка оказались глаголы *käräita*, *verdu-da/vertta* и *pahiduda*, которые являются прибалтийско-финским наследием, и их рефлексy отмечаются в той или иной степени во всех вепских ареалах. Глагол *kurktuda*, очевидно, относится к вепской инновационной лексике. Несмотря на то, что словообразовательная основа глагола *kurk-* ‘горло’ является праприбалтийско-финской и известна практически всем родственным языкам, глагол с картографируемой семантикой возник, очевидно, в период самостоятельного развития вепского языка. Глагол *sänduda*, как показал анализ, может быть заимствованием из карельского языка, а *rändüda*, возможно, является русским диалектным заимствованием.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00063.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Алфавитный указатель вепских пунктов на вепском и русском языках с их номерами на картах

74. Ars – Arskaht’ (Радогошь), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 58. Bor – Bor (Саньков Бор) – «–
 66. Buš – Bušak (Бошаково) – «–
 61. Čai – Čaigl (Чайгино) – «–
 43. Čid – Čidoi (Чидово), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 20. Čik – Čikl (Чикозеро) – «–
 35. En – Enar’v (Вонозеро), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
 4. Nar – Naršom (Габшема), Прионежский р-н, Республика Карелия
 39. Nar – Naragl (Харогеничи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
 16. Nim – Nimd’ogi (Гимрека), Прионежский р-н, Республика Карелия

2. Iš – Išän' (Ишанино) – «–
 38. Jog – Jogens (Усть-Капша), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
 26. Jä – Järved (Озера), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 17. Kal'P – Kal'P (Щелейки) – «–
 21. Kar – Karhil (Каргиничи) – «–
 13. Kas – Kaskesoja (Каскесручей), Прионежский р-н, Республика Карелия
 18. Kek – Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 57. Ker – Kerčak (Керчаково), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 54. Kj – Kuja (Куя) – «–
 10. Kl – Kaleig (Рыбрека), Прионежский р-н, Республика Карелия
 37. Kor – Korbal (Корбиничи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
 44. Korv – Korval (Корвала), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 27. Kos – Koskenpä (Надпорожье) – «–
 5. Krik – Krik (Крюкова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия
 67. Krl – Kortlaht (Кортлахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 14. Kuk – Kukagd' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 23. Kuz – Kuzra (Кузра) – «–
 33. Ladv – Ladv (Ладва) – «–
 59. Lah – Laht (Лахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 72. Mai – Maigär' (Боброзеро) – «–
 69. Mas – Maslagj (Маслово) – «–
 8. Mec – Mecantaga (Залесье), Прионежский р-н, Республика Карелия
 34. Mg – Mäggär' (Мягозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 11. Ms – Matvejansel'g (Матвеева Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия
 9. Mäg – Mägi (Горнее Шелтозеро) – «–
 51. Naž – Nazamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 24. Nem – Nemž (Немжа), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 22. Nir – Nirgl (Ниргиничи) – «–
 42. Noid – Noidal (Нойдала), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
 25. Nor – Norj (Норгина), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 40. Nür – Nürgl (Нюрговичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
 36. Ozg – Ozroil (Озровичи) – «–
 31. Pec – Pecoil (Пелдуши), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 19. Peč – Pečal (Печеницы) – «–
 63. Pel – Peloo (Пелдуши), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 15. Per – Pervakat (Урицкая), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 48. Pk – Pütkask (Пелкаска), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
 53. Pnd – Pondal (Пондала), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 75. Pož – Požarišš (Пожарище), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 56. Pāž – Pāžar' (Пягозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 41. Reb – Rebagj (Ребов Конец), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
 30. Rih – Rihaluine (Подовинники-Азмозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 12. Tž – Toižeg (Другая Река), Прионежский р-н, Республика Карелия
 62. Sar – Sar' (Остров), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 68. Sir – Sirj (Перелесок) – «–
 29. Sj – Sarjäv (Сарозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 64. Sod – Sodjäv (Сидорово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 50. Sär – Särgäv (Сяргозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 1. Š – Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия
 46. Šat – Šatjäv (Шатозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
 60. Šid – Šidjäv (Прокушево), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 47. Šim – Šimgär' (Шимозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
 32. Šon – Šondjal (Шондовичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 7. Št – Šoutarv (Шелтозеро), Прионежский р-н, Республика Карелия
 65. Žar – Žarad (Жары), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 71. Ted – Tedroo (Тедрово) – «–
 45. Tj – Torazgäv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 70. Tut – Tutuk (Сташково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 52. Vah – Vahtkär' (Вахтозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 6. Van – Vanhimsel'g (Вангимова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия
 3. Veh – Vehkoja (Вехручей) – «–
 73. Vg – Vaagedjäv (Белое Озеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 28. Vil – Vil'häl (Ярославичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 55. Vl – Voilaht (Войлахта), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 49. Vär – Väräsjäv (Кривозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.

2. Список сокращений источников

- Макаров 1990 = Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 494 с.
 Пунжина 1994 = Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
 СВЯ = Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.
 СРНГ = Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46. М.; Л.; СПб.: Наука, 1966–2013.
 Фасмер = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.
 Федотова, Бойко 2009 = Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2009. 349 с.
 ALFE = Atlas Linguarum Fennicarum, I–III. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, 2007, 2010.
 KKS = Karjalan kielen sanakirja, I–VI. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1968–2005.
 LMS = Lyydiläismurteiden sanakirja. Toimittanut J. Kujola. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1944. 543
 SSA = Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, I–III. Jyväskylä, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: ALFE.
- ² В работе над атласом, с момента зарождения его идеи и в течение всего проекта, принимала участие и автор данной статьи, здесь был приобретен исключительно полезный опыт работы в области лингвистической географии.
- ³ ALFE 2004: 60.
- ⁴ СВЯ: 263.
- ⁵ SSA 2001: 475.
- ⁶ KKS 1974: 564.
- ⁷ LMS: 185.
- ⁸ SSA 2000: 434–435.
- ⁹ SSA 2000: 227.
- ¹⁰ SSA 2000: 227.
- ¹¹ СВЯ: 537.
- ¹² KKS 1997: 354.
- ¹³ Федотова 2009: 266.
- ¹⁴ Пунжина 1994: 253.
- ¹⁵ KKS 1974: 354.
- ¹⁶ Макаров 1990.
- ¹⁷ SSA 2000: 228.
- ¹⁸ СВЯ: 532.
- ¹⁹ Фасмер: 1971: 605.
- ²⁰ SSA 1995: 286.
- ²¹ Макаров 1990: 249.
- ²² SSA 1995: 286.
- ²³ KKS 1993: 97.
- ²⁴ В этом случае при условии заимствования глагола из русских говоров возможно и обратное развитие: мог вначале быть заимствованным глагол, а потом возникло прилагательное по модели других прилагательных.
- ²⁵ SSA 2000: 126.
- ²⁶ СРНГ 1972: 229.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2002. 286 с.
2. Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карельский научный центр, 2016. 394 с.
3. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 353 с.
4. Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2015. 169 с.
5. Ahlqvist A. Anteckningar i Nors-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae, № 6. Helsinki, 1861. P. 50–75.
6. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 2015. 347 s.
7. Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Juminkeon julkaisuja. № 24. 2002. 53 s.
8. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946. 922 s.

Zaitseva N. G., ILLH KarRC RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

‘TO GET ANGRY’ IN VEPSIAN (CONCEPT’S NAMING IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC GEOGRAPHY)

The lingo-geographic studies are rather popular in the Finno-Ugric research world. Sustainable accumulation of dialectal materials, conducted for an extended period of time, is resulting in the development of dialectological atlases. The work on the elaboration of the “Linguistic Atlas of the Vepsian Language” has been in progress for some years. The dialectic parcelling of the Vepsian speech, according to the three main Vepsian languages (North-Vepsian or Prionezhsky dialect, Central-Vepsian and South-Vepsian), was introduced by the Finnish linguists. Later it was accepted by the Russian Vepsian scholars as an approach consistent with reality. First of all, it was connected to the geographical location of Vepses’ residence. Specificity of the work on the vocabulary, allocated on the linguistic maps of the future atlas and in the follow up comments, is presented in this article through the term naming of the concept ‘(to get) angry’ in the dialects of the Vepsian language. The survey shows that there are words of the Baltic-Finnish origin (*käräita*, *pahiduda*, *verduda* / *vertta*), Vepsian innovative vocabulary (*kurkutuda*), traces of contacts with the Karelian language (*sänduda*), and Russian folk dialects *rändüida*. A set of these factors has left its imprint on the development of dialectal areas in the Vepsian language.

Key words: linguistic geography, language contacts, Vepsian language, dialectal areas, etymology

REFERENCES

1. Zaitseva N. G. *Vepsskiy glagol. Sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie* [The Vepsian verb. Comparative study]. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr Publ., 2002. 286 p.
2. Zaitseva N. *Ocherki vepsskoy dialektologii (lingvo-geograficheskiy aspekt)* [Essays of Vepsian dialectology (linguistic and geographical aspect)]. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr Publ., 2016. 394 p.
3. Mullonen I. I. *Toponimiya Prisivir'ya: problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [Toponymy of the Svir river: problems of ethno-linguistic contacts]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2002. 353 p.
4. Rodionova A. *Semantika karel'skoy grammatiki* [Semantics of Karelian grammar.]. Petrozavodsk, 2015. 169 p.
5. Ahlqvist A. Anteckningar i Nors-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae, № 6. Helsinki, 1861. P. 50–75.
6. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 2015. 347 s.
7. Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Juminkeon julkaisuja. № 24. 2002. 53 s.
8. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946. 922 s.

Поступила в редакцию 18.04.2017

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГИЛЯСЕВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Пушкин, Санкт-Петербург, Российская Федерация) sweatled@front.ru

ПРАГМАТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МОТИВАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются функционально-стилевые характеристики дискурса популярной психологии на английском языке. Автор последовательно доказывает обусловленность речевых и текстовых средств интенциями коммуникатора, определяет прагматический вектор англоязычной мотивационной литературы. Выделение прагматических признаков дискурса проводится в сравнении с научно-теоретическим модусом формулирования мысли, представляющим родовую ветвь развития исследуемой жанро-стилевой разновидности. Особое внимание уделяется проблеме персуазивности и суггестии как основных приемов убеждения в научной и научно-популярной литературе. Выводы, сделанные в ходе исследования, говорят о стилевой диффузности и вторичности жанра мотивационного коучинга, сочетающего формальные и сущностные признаки научного, публицистического, художественного и разговорного стилей. Аргументативные техники, наблюдаемые в академическом и научно-популярном стилях, совпадают в характере прагматической ориентации на реципиента, варьируясь в своем речевом выражении. Вместе с тем англоязычный мотивационный дискурс опирается больше на суггестивный эффект от вербального воздействия на получателя информации, обращаясь к эмоционально-образной стороне человеческой психики. Примеры работ по личностному развитию и самопомощи демонстрируют все большую жанровую самостоятельность и одновременно гетерогенность.

Ключевые слова: мотивационный дискурс, коучинг, прагматика, персуазивность, суггестия, аргументация, практическая психология, научно-популярный стиль

Более чем актуальным остается вопрос о стилевой дифференциации речевых жанров и многообразии представленных ими форм. В данном случае проблема касается не только поиска терминологического постоянства, методологических оснований выделения, построения универсальной модели-инварианта каждого из таких субжанров. Не наблюдается единства понимания коммуникативно-прагматических функций, выполняемых стилевыми разновидностями дискурса, и их текстовых репрезентаций. При сопоставлении большинства исследовательских работ по теме речевого воздействия становится очевидной однообразная и в целом предсказуемая трактовка интенций коммуникатора, транслирующего свое сообщение в устной или письменном виде. В связи с этим возникает вопрос о возможности и необходимости уточнения характера речевой прагматики в зависимости от модуса формулирования сообщения. Интересные наблюдения можно сделать на основе сравнения дискурсов академического и научно-популярного направлений, демонстрирующих тенденции родового, научного стиля.

В настоящее время одним из ярких образцов научно-популярного дискурса можно назвать практику коучинга, развивающую теорию классической психологии и популяризирующую среди широких масс научные знания, накопленные в данной области. Существовая в двух «ипостасях» – тренингов, семинаров, консультаций,

проводимых в устной форме, и мотивационной литературы, – коучинг раскрывается как единое научно-практическое направление, отличающееся собственными жанро-стилевыми чертами и подражающее сразу нескольким функционально-стилевым видам дискурса.

Неоднозначное с методологической точки зрения знание, сообщаемое коучами и менторами, опирается на их жизненный опыт и сформированное им мировоззрение. Описывая и конструируя эффективные модели поведения, многие авторы предлагают в качестве подтверждения их истинности личные наблюдения, описания собственных чувств и эмоций, мнения. Например: «Although I have been using these principles for several years, just telling about them gets me excited all over again. I want all of you to get out of life what these truths are doing for me»¹. Стилистически нейтральная первая часть первого предложения отличается от эмоционально насыщенной второй части, в которой экспрессивная лексика в виде разговорных выражений *get excited* и *all over again* демонстрирует отношение специалиста. Вторая часть фрагмента передает индивидуальный опыт автора и его воодушевление по данному поводу – на речевом уровне это эксплицируется опять же разговорной лексикой (*get out of life, all of you*) и нестандартным синтаксисом, характерным для эллиптических структур неформальной коммуникации.

Необходимо заметить, что не все авторы, работающие и пишущие в данном направлении, используют приемы эмоционально-заразительной речи и личностно-ориентированного подхода, индикатором которых служат в том числе и соответствующие местоимения. Для сравнения можно взять пособие по самопомощи У. Миллера и Р. Муньоа, посвященное развитию навыка воздержания от алкоголя².

Посредством сплошной выборки из 100 предложений в тексте М. Ли зафиксировано следующее число местоимений: *you* – 14 словоупотреблений, *I* – 17, *me* – 4, *your* – 8, *yourself* – 1, *my* – 1, *we* – 5. В аналогичной выборке из текста У. Миллера и Р. Муньоа обнаружено: *you* – 77 словоупотреблений, *I* – 3, *me* – 3, *your* – 23, *yourself* – 4, *my* – 1, *we* – 1. Данные свидетельствуют о большей отстраненности и деперсонализации изложения во втором случае (*I*: 17 vs. 3; *me*: 4 vs. 3; *we*: 5 vs. 1), что традиционно ассоциируется с эмоционально-нейтральным стилем презентации в науке. Но, так или иначе, обе выборки демонстрируют высокий процент употребления местоимения *you* и морфологически связанных с ним форм, что явно свидетельствует о суггестивном характере сообщения. Для сравнения была взята выборка из 100 предложений текста научной статьи из области психологии³, в которой не было зафиксировано ни одного из вышеуказанных местоимений кроме *we* (10 словоупотреблений), традиционно используемого в академическом стиле изложения, и *me* (2 словоупотребления) в контексте, не имеющем отношения к личности коммуникатора или реципиента информации.

Действительно, повышенная экспрессивность свойственна научно-популярной литературе, что отмечает ряд исследователей вопроса [12: 301, 7]. Помимо образной лексики, ярко выраженной ориентации на адресата, многочисленных обращений к личности читателя или, наоборот, к собственной персоналии и личному опыту, коучи в своих трудах постоянно ссылаются на некие научные источники без указания конкретных работ и авторов теорий, открытий, методов и т. п. В большинстве случаев такие отсылки выглядят как ликбез для непосвященных: «In the early 1800's, when students of human behavior first began to realize that the mind was dual in its operation, the mind below the level of consciousness was named the subconscious mind»⁴, «Behavioral psychologists have long recognized that people have an aversion to loss that is not coldly rational»⁵, «Although it is generally acknowledged that good-looking people have an advantage in social interaction, recent findings indicate that we may have sorely underestimated the size and reach of that advantage»⁶. Стоит все же заметить, что некоторые авторы дают библиографические списки в конце главы или книги, но они необязательно содержат все источники, упомянутые в тексте,

а часто являются перечнями изданий для более детального изучения какой-либо проблемы.

Ранее отмечалось (см.: [5], [6]), что авторы пособий по саморазвитию пользуются общенаучными и, в меньшей степени, специальными терминами, однако стараются донести их смысл в доступной читателю форме, прибегая к сравнениям и метафорам. Одну из типологических черт жанра описывает в своей статье К. И. Алексеев: по наблюдениям исследователя, метафора «психологические законы» широко распространена в дискурсе прикладной и популярной психологии (напр., психологические законы управления), в то время как в современном научном дискурсе она не используется, и о новых знаниях психологи говорят уже не в терминах закона, а механизма. Метафора закона, по мнению ученого, придает дискурсу популярной психологии оттенок наукообразия, становясь еще одним средством суггестивного содержания. При этом подчеркивается, что классическая наука располагает строгими правилами и процедурами обоснования знания, тогда как в прикладной и особенно в популярной психологии такая строгость отсутствует [1: 115–116]. В самом деле, свобода интерпретации теорий, концепций и отдельных понятий наблюдается у многих авторов данного направления, а их пристрастие к разговорно-обиходному способу изложения мысли нивелирует создаваемый ими же научный подход к вопросу и порождает своеобразное стилевое противоречие – противоречие в стремлении представить информацию авторитетно и вместе с тем в обывательски тривиальном виде.

В ряде случаев авторы помещают в конце книги глоссарий терминов и ключевых понятий, упомянутых в тексте. Наличие такого структурного элемента сближает научно-популярную литературу с научно-учебной и научно-познавательной, для которых глоссарий или предметный указатель – композиционно значимая составляющая.

Часто с целью убеждения читателя в профессиональном взгляде на проблему коучи указывают в книге свои титулы и регалии. Так, прибавка к имени в виде Ph. D стимулирует реципиента информации воспринимать все приводимые факты и доказательства как научно обоснованные, а самого автора как эксперта и ученого, получившего признание в академических кругах. В отдельных случаях такая «декламация» статуса соответствует реальности, с учетом западной традиции самопрезентации в обществе. Однако иногда упоминание заслуг и званий носит явно персуазивный характер. Так, автор пособия по саморазвитию «Притягивайте деньги сейчас» указывает себя как Dr. Joe Vitale, повышая свой авторитет в глазах читателя. При этом в самом издании не упоминается, что он является доктором метафизики. Фактически такой степени не существует, а присуждена она была ему

неаккредитованным образовательным учреждением. Несколько навязчивым выглядит и упоминание ученой степени профессора Р. Чалдини в верхней части страниц его книги.

Явный контраст между интенциями составителя пособия и способом их речевого выражения демонстрируют заявления типа «Although my sample was small, I would bet that it closely reflects the negative feelings of most of the American public toward laugh tracks»⁷. Ученый избегает традиционного для науки подхода, когда для убеждения в таких случаях используется метод количественного подсчета, и предлагает воспринимать его слова на веру. Этот случай не единичен в научно-популярной литературе по саморазвитию.

Другой специалист в области популярной психологии, коуч и ментор Боб Проктор, вероятно, в силу отсутствия формального высшего образования также предлагает читателю вместо официальных данных исследований выводы из собственного профессионального и житейского опыта: «Let me tell you, that when it comes to life insurance, I believe I can claim to be an authority of sorts – for I have conducted seminars for the insurance industry for almost ten years, and I have had close to 50,000 people from that industry “go through” my seminars»⁸. Примечательно, что автор пытается укрепить веру читателя в своей компетентности традиционно научным способом верификации – приведением статистики (*almost ten years, close to 50,000*). Однако применяется данный подход к частному опыту, подтверждение истинности которого не представляется возможным. Лексические маркеры *almost* и *close to* еще больше усиливают впечатление субъективной интерпретации фактов.

В каждом издании по теме самосовершенствования, развития личных и профессиональных качеств встречаются истории людей, представляемые в виде доказательства мыслей и сентенций автора книги. Кейсовый метод стал своеобразной визитной карточкой практикующих психологов и коучей, равно как и литературы данного направления. Мотивационный дискурс все больше приобретает черты нарратива. Так, та же самая выборка 100 предложений из пособия М. Ли содержит 9 случаев введения автором прямой речи, пособие по самопомощи У. Миллера и Р. Муньюза – 5 случаев, тогда как в той же выборке из текста научной статьи, взятой для анализа, предложений с прямой речью не зафиксировано.

Элементы художественного стиля на уровне лексических средств могут быть выделены без исключения во всех образцах текстов по популярной психологии. Авторы применяют различные тропы и фигуры речи, чтобы перейти с уровня теоретической абстракции на уровень образной беллетристики, например: «It will not be hard to let the sunshine of happiness show through»⁹. Книжной лексикой изобилует пособие

Б. Проктора: *...the span of their illustrious careers, soporific, cast your mind back*¹⁰. Иной раз – в частности в предложении *Most folks are lousy public speakers*¹¹ – речевая экспрессия дополняется оценочностью, когда автор стремится выразиться ярко и броско, а также продемонстрировать свое отношение. Здесь, как и в ряде других примеров, изобразительность уже уступает место риторике, отчего научно-популярный стиль приобретает еще и черты публицистики. Эмоциональность – основное качество публицистического стиля, выражающееся, как и в художественном стиле, через образные, стилистически-маркированные слова и синтаксические коллокации. Однако в риторике и публицистике они актуализируют в первую очередь «индивидуально-авторское отношение к описываемым явлениям, напрямую соотносящихся с реализацией языковой функции воздействия» [18: 31].

Действительно, в основе всех коммуникативных установок мотивационного дискурса лежит прагматика убеждения. «Реализация языковой функции сообщения не присуща текстам публицистического стиля в целом, более того, ее наличие может рассматриваться в качестве параметра, отграничивающего континуум текстов публицистического стиля от таких формализованных функциональных разновидностей языка, как интеллективный и официально-деловой стили, в которых она имеет преимущественную функцию реализации» [18: 30]. Отсюда научное знание выполняет инструментальную функцию в публицистическом и, в частности, научно-публицистическом дискурсе. При этом и эмоционально-образная составляющая транслируемой информации оказывается в подчиненном положении по отношению к прагматической доминанте сообщения. Воздействуя на воображение, основное свойство человеческой психики, коммуникатор производит манипуляции сознанием, которое во многом опирается на эмоционально-чувственные образы. В итоге, по словам А. Т. Липатова, происходит «вживление» в сознание определенных представлений, нужных манипуляторам [13: 170]. Другое дело, что, в отличие от политического или другого типа дискурса, коучи и менторы видят своей целью изменение привычек мышления, взглядов, поведения с положительным эффектом для реципиентов.

Убеждение в некоем знании совершается также через аксиоматичность формулировок, выраженных в пресуппозициях, которые предлагаются автором в начале очередного раздела или главы, например: «The idea I am about to pass on to you is original with me as far as I know. It is as interesting as it is effective»¹². Здесь уникальное и субъективное знание, даже, скорее, опыт, представленные предикатом *be original*, переводятся в разряд значимых и теоретически обоснованных через соотношение с другими предикатами – *be interesting, be effective*.

Одна из глав другого пособия по саморазвитию начинается фразой: «Let's clear up a common fallacy about the meaning of creative thinking. For some illogical reason, science, engineering, art and writing got tabbed...»¹³. Связка предиката *clear up* с объективом *fallacy* устанавливает наличие определенного знания (опыта), предполагающее дальнейшее опровержение, что подтверждается присутствием сирконстанта *for some illogical reason* в следующем предложении. При этом обращение к концептам *logic* и *reason* усиливает рационалистский взгляд на проблему, направляет внимание реципиента информации на область знания, традиционно ассоциируемую с научным способом освоения действительности. «Убеждение проходит тем легче, чем меньше адресат знает о предмете речи, ведь тогда сообщаемые новые сведения не приходят в противоречие с уже имеющейся в голове читателя картиной мира и могут быть легче приняты» [3: 40].

В дискурсе практической психологии столкновение научной и обыденной картин мира проявляется в эксплицитном виде. Существует мнение, что на данном этапе развития цивилизации научная и обыденная картины мира сближаются, а к основным факторам этой тенденции относят не только процессы глобализации, но, в большей мере, влияние СМИ на популяризацию научной картины мира в целом и ее отдельных фрагментов, а также проникновение во все сферы жизни человека информационных и коммуникационных технологий, оказывающих ощутимое воздействие на получение и распространение информации любого характера, равно как и беспрепятственный доступ к ней [4: 102], [9: 139], [16: 150]. А. А. Чернобров, ссылаясь на мнение Е. С. Кубряковой, доказывает, что сейчас идет становление некоего среднего типа дискурса, полунаучного-полудилетантского. То есть наивное знание, развиваясь и обогащаясь феноменологически, перерождается в знание научное, которое в дальнейшем популяризуется, становясь «масскультурным» [19: 234].

В то же время классическая психология испытывает сильное влияние практической, консультативной психологии, что выражается в распространении кейсового метода и сопутствующего ему качественного анализа, которые можно наблюдать в современных исследованиях психологов. При этом отмечается схожая тенденция и в смежных с психологией дисциплинах, таких как социология и др. [21: 103].

Причину «диффузности» реальной методологической базы у популярной психологии можно усмотреть в сущностных характеристиках гуманитарных наук, относимых к периферии естественно-научного знания и представляющих собой опыт интроспективного изучения человеком самого себя. В исследованиях о человеке большую роль играют синкретичные явления типа

метакатегорий – они «реализуют динамическое взаимодействие результатов научной рефлексии с обыденным, “наивным”, в основном подсознательным, пред- или донаучным освоением человеком своего физического и культурного мира» [4: 103]. Практики от психологии оперируют такими метакатегориями в большей степени, без уточнения их значений и смыслов с вытекающим отсюда фактом их самоочевидности.

Затрагивая тему гуманитарного знания, стоит уделить внимание и аргументации, ведущему методу убеждения как в научной, так и обыденной парадигме знания. Помимо прочих среди основных аспектов аргументации выделяют риторический, учитывающий формы и стили речевого воздействия, и аксиологический, предполагающий ценностный подбор аргументов [17: 83]. Несмотря на различие языкового выражения, прагматические установки собственно научного и научно-популярного дискурса совпадают. Информация, приводимая в качестве доводов, выражает взгляд или позицию коммуникатора. На примере метафоры механизма в научном психологическом дискурсе можно видеть, что она подчеркивает конструктивистский характер научного исследования: «...ученый сам создает и конструирует объяснительные сущности (теории, концепции, модели и т. п.), а не обнаруживает и не открывает их в изучаемой реальности» [1: 117–118].

Представляя результаты своих научных изысканий, ученый, с одной стороны, оперирует эмпирическими данными, отражающими фактическое положение дел. И все же в большинстве случаев действия исследователей предопределены их субъективными интересами, что, как известно, противоречит норме незаинтересованности, подразумевающей беспристрастность и нейтрализацию личного фактора. Многие стереотипные обороты научной речи, как было замечено еще Дж. Лакоффом, представляют собой тактику манипуляции адресатом. Было установлено, что «употребление конструкций с такими словами, как “несомненно”, “очевидно”, ставит аудиторию в такое положение, что выразить недоумение становится трудно» [8: 101–102]. Эти и аналогичные им речевые клише употребляют в равной мере психологи-практики и ученые-теоретики. Цель подобной речевой стратегии понятна: «...для убеждения читателя в “старом” знании оказывается достаточным лишь факт знания, ведь “старое” знание – это что-то уже известное, т. е. воспринимаемое как истинное» [3: 35].

В целом необходимо констатировать, что предназначение любого сообщения заключается не столько в информировании, сколько в воздействии на личность получателя информации, причем использование языка становится предложением (навязыванием) своей интерпретации мира и процессов, в нем происходящих, на что

указывается в ряде работ [10: 37], [11], [15: 10]. Следовательно, убеждение в научном и научно-популярном дискурсе сводится к искусству аргументации вместе с владением речевыми техниками и приемами воздействия, конвенционально регламентированными тем или иным функциональным стилем. К тому же, существует отдельная проблема интерпретации транслируемого знания его получателем, способным, готовым или желающим воспринять месседж с целью последующей коррекции личных представлений и ценностных ориентиров. Таким образом, убеждение – это добровольное согласие принять предлагаемую картину мира [10: 44]. А. Т. Липатов в своей монографии приводит убедительный довод, касающийся перлокутивного эффекта любого речевого акта. Обращаясь к рассуждениям французского философа Клода Гельвеция, известный лингвист воспроизводит его сентенцию об истинности/ложности одних и тех же взглядов в зависимости от личной заинтересованности в этом: «...все люди признают истину геометрических аксиом только потому, что это не затрагивает их интересов; если бы их интересы задевались этими аксиомами, тогда наиболее явно доказанные положения стали бы казаться им спорными» [13: 172].

Профессор В. Е. Чернявская разделяет воздействие на персуазивное и суггестивное с отсутствием контроля со стороны сознания при получении и переработке информации реципиентом во втором случае [20: 25–26]. То есть персуазивность достигается с опорой на рациональное мышление, тогда как суггестия реализуется за счет активизации эмоционально-чувственного восприятия адресата. Непереходимых границ между двумя типами убеждения нет, как поясняет исследователь, что приводит к выводу о вероятностной сочетаемости двух подходов в отдельно взятых образцах дискурса. Тем не менее представленный выше анализ показывает, что для академической речи доминантной остается персуазивность, в дискурсе же практической психологии преобладает суггестивный способ воздействия на коммуниканта. Тенденция к образности и экспрессивности изложения за счет употребления многочисленных метафор, сравнений, аналогий, броских афоризмов, трюизмов и максим, детализации и конкретизации положений примерами из жизни общего и частного характера стимулирует эмоционально-образную часть психики. В этом случае вероятность когнитивного диссонанса ниже: реципиент оказывается «заражен» эмоциональным состоянием рецептора, сообщаящего ему определенные установки на уровне так называемого образного мышления, выходящего за пределы логики. Бессознательное усвоение знания происходит на фоне малой осведомленности лица, на которое оказывается воздействие, притом что скорость

и объем усвоения информации, поданной в таком виде, напрямую зависят от тех знаний, какими располагает реципиент. Определенно, суггестия, которой пользуются коучи и эксперты по личностному совершенствованию, представлена в их речи в скрытом виде. Однако и логическое обоснование все же присутствует в аргументации мотивационного дискурса – оно служит своеобразной опорой для регулирования и структурирования иррациональных образов, связей, ассоциаций.

Вместе с тем эффективность персуазивности, то есть логического внушения, сопоставима с эффективностью суггестивного воздействия. С целью эксперимента на определение степени внушаемости была разработана анкета с вопросами, содержащими ложные фактологические сведения. В итоге около 70 % респондентов (57–82 %) приняли на веру утверждения, не подвергая сомнению истинность предложенной информации [14: 137–139]. В этой связи допустимо сделать два вывода: 1) неспециалисты менее критически относятся к сообщаемому им знанию, исходя из установки истинности пресуппозиции; 2) персуазивность по производимому ей эффекту сопоставима с суггестией, отличаясь от последней осознанным ментальным выбором реципиента и функционально-стилевой сферой речевого применения.

О. П. Брынская, изучая черты американской риторики, приходит к заключению, что «массовая информация является диффузным текстом, включающим в себя кроме языка другие семиотические системы» [2: 13]. Работы по популярной психологии явно демонстрируют эту тенденцию. Авторы мотивационных пособий и книг самопомощи стремятся задействовать различные речевые ресурсы, ориентируясь на коммуникативное задание, служащее точкой отсчета в риторико-герменевтической программе текстопостроения. Справедливо замечание в отношении популярной (массовой) литературы о том, что в таком «вторичном» тексте проявляются все виды и формы словесности. «Вторичный текст» всегда комплектуется на основе выбора из содержания первичных текстов – вот почему американская риторика строится как выбор: выбор авторов, выбор стиливых средств, выбор альтернатив» [2: 13]. В этом отношении американская популярная литература выступает образчиком жанра, задавая вектор развития всему направлению популярной психологии в частности и научно-популярной литературе в целом. Персуазивность наряду с суггестией становятся стилеобразующими доминантами, соединяя в себе прагматику основных функциональных стилей.

Стоит также отметить, что риторика мотивационной литературы носит ярко выраженный индивидуалистический характер [2: 22]. Дискурсивные стратегии, избираемые конкретным автором, призваны отражать его личное представление

картины мира, субъективных законов и порядков, не имеющих основательной доказательной базы. Сформировавшись в лоне практической психологии, мотивационная литература развивается как самостоятельное направление, все больше отрываясь от своих научных «истоков». Дискурс специалистов данной области все больше напоминает искусство красноречия и убеждения,

нежели беспристрастное научное объяснение. В стремлении к прикладной простоте и прозрачности смыслов англоязычные (преимущественно американские) работы по личностному совершенствованию задают тон остальным научным и научно-популярным жанрам и соответствуют общекультурному тренду постмодернистского мышления и осмысления действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Lee M. Prosper While You Sleep. 174 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prosperityinsideout.com/ProsperWUS.pdf> (дата обращения 27.11.2016).
- ² Miller W. R., Munoz R. F. Controlling Your Drinking: Tools To Make Moderation Work For You. N.-Y., London: The Guilford Press, 2005. 226 p.
- ³ Rastegar F., Dousti Y. The Relationship Between Internet Addiction, Self-Esteem and Depression among Female High School Students // *Journal of Psychology & Behavioral Studies*. Ankara, 2016. Vol. 4 (3). P. 99–106.
- ⁴ Lee M. Prosper While You Sleep. 174 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prosperityinsideout.com/ProsperWUS.pdf> (дата обращения 27.11.2016).
- ⁵ Wind J., Crook C. The Power of Impossible Thinking: Transform the Business of Your Life and the Life of Your Business. Pearson Education, Inc. P. 143.
- ⁶ Cialdini R. B. Influence. The Psychology of Persuasion. Harper Collins e-books, 2007. P. 129.
- ⁷ Там же. P. 87.
- ⁸ Proctor B. You Were Born Rich. Scottsdale: Proctor Gallagher Institute, 2015. P. 34.
- ⁹ Lee M. Prosper While You Sleep. 174 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prosperityinsideout.com/ProsperWUS.pdf> (дата обращения 27.11.2016).
- ¹⁰ Proctor B. You Were Born Rich. Scottsdale: Proctor Gallagher Institute, 2015. P. 132.
- ¹¹ Schwartz D. J. The Magic of Thinking Big. NY: Fireside, 2007. P. 91.
- ¹² Lee M. Prosper While You Sleep. 174 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prosperityinsideout.com/ProsperWUS.pdf> (дата обращения 27.11.2016).
- ¹³ Schwartz D. J. The Magic of Thinking Big. NY: Fireside, 2007. P. 100.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев К. И. Метафоры и их пресуппозиции: воздействие в научном дискурсе // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 112–120.
2. Брынская О. П. Основные черты американской риторики новейшего времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 23 с.
3. Варгина Е. И. Перцепция и воздействие в научном тексте // Перцепция. Рефлексия. Язык: Коллективная монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 28–41.
4. Верхотурова Т. Л. Динамика взаимодействия обыденной и научной картины мира // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 3. Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях: Межвуз. сб. науч. тр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 98–114.
5. Гилясев Ю. В. Язык популярной психологии: опыт лингвостилистического анализа // Филологические этюды: Монография / Науч. ред. О. Н. Морозова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 21–36.
6. Гилясев Ю. В. Язык популярной психологии: функционально-стилевая характеристика // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: Сб. трудов конф. Уфа: ООО «Омега сайнс», 2015. С. 112–114.*
7. Гришечкина Г. Ю. Научно-популярный лингвистический текст: Монография. Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2011. 261 с.
8. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2011. 368 с.
9. Исоева В. А. Научная и наивная языковые картины мира // *Культура. Духовность. Общество: Сб. ст. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2014. № 13. С. 137–143.*
10. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. 224 с.
11. Клушина Н. И. Лингвистика убеждения: интенциональные категории публицистического текста // *Медиаскоп (электрон. науч. журнал)*. 2008. № 1. С. 10.
12. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 464 с.
13. Липатов А. Т. Риторика в зеркале времени: Монография. М.: ООО «Изд-во «ЭЛПИС», 2011. 383 с.
14. Лосева О. М., Шевякова Д. А. Суггестия как инструмент формирования человека массовой культуры // Психолого-педагогические исследования качества образования в условиях инновационной деятельности образовательной организации: Сб. науч. тр. VII Всеросс. научно-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 5 апреля 2014 г.): В 2 ч. Ч. 1. Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянск-на-Кубани, 2014. С. 135–140.
15. Садовская В. С., Ремизов В. А. Основы коммуникативной культуры. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2011. 206 с.
16. Солончак Т. Ю., Песина С. А. Языковая картина мира в культурном аспекте // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты: Сб. ст. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2014. № 12. С. 149–153.*
17. Сорокина С. Г. Особенности аргументативной структуры научного текста // *Приволжский научный вестник. Ижевск*, 2013. № 3 (19). С. 82–88.
18. Федоров В. В. Инвариантные языковые черты английской публицистики // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. Петропавловск-Камчатский*, 2014. № 2 (24). С. 19–31.
19. Чернобров А. А. Научная и «наивная» картины мира: культурологический, лексический и текстологический аспекты // *Сибирский педагогический журнал*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. № 7. С. 230–236.

20. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
 21. Юревич А. В. Исследовательская и практическая психология: «схизис» и комплементарность // Сибирский психологический журнал. Томск: НИТГУ, 2011. № 40. С. 101–117.

Gilyasev Yu. V., Pushkin Leningrad State University (Pushkin, St. Petersburg, Russian Federation)

PRAGMATISM OF THE ENGLISH MOTIVATIONAL DISCOURSE

The article addresses the problem of functional characteristics and style of the discourse of popular psychology in English. The research asserts correlation between the speech and the text representation and the speaker's intentions as well as defines the pragmatic potential of motivational literature written in English. The identification of pragmatic traits of the discourse is held by comparison with the academic style of speaking that represents the original branch of the style framework. A question about the difference between persuasion and suggestion as two major techniques applied in academic and popular science papers is given special attention. The conclusions arrived at in the course of the research argue style ambiguity of the motivational coaching and its secondary status with reference to the scientific knowledge. This type of discourse comprises formal and essential features of academic, journalistic, fictional, and informal styles. Argumentative techniques practiced in academic and popular science discourse actually coincide in their pragmatic effect on the recipient, however varying in its verbal representation. Along with this, English motivational discourse to a high degree involves the suggestive method of influence on a listener or reader, appealing to their emotions and imagination. Examples of the works on personal development and self-help involvement manifest clear-cut genre identity and in the equal measure its heterogeneity.

Key words: motivational discourse, coaching, pragmatics, persuasion, suggestive, argumentation, practical psychology, popular science

REFERENCES

1. Alekseev K. I. Metaphors and Their Presuppositions: Influence on the Scientific Discourse [Metafori i ikh presuppozitsii: vozdeystvie v nauchnom diskurse]. *Psikhologicheskoe vozdeystvie v mezhlichnostnoy i massovoy kommunikatsii*. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2014. P. 112–120.
2. Brynskaya O. P. *Osnovnye cherty amerikanskoj ritoriki noveyshego vremeni: Aftoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Main Traits of the American Rhetoric of the New Age: Author's abst. PhD. phil. sci. diss.]. Moscow, 1979. 23 p.
3. Vargina E. I. Perception and Influence in the Academic Text [Pertseptsiya i vozdeystvie v nauchnom tekste]. *Pertseptsiya. Refleksiya. Yazyk: Kollektivnaya monografiya*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2010. P. 28–41.
4. Verkhoturova T. L. Dynamics of Interaction of Trivial and Scientific Worldview [Dinamika vzaimodeystviya obydennoy i nauchnoy kartiny mira]. *Studia linguistica cognitiva. Vypusk 3. Kognitivnaya dinamika v yazykovykh vzaimodeystviyakh*. Moscow, Flinta Publ., 2013. P. 98–114.
5. Gilyasev Yu. V. Language of Popular Psychology: Linguistic and Stylistic Analysis [Yazyk populyarnoy psikhologii: opyt lingvostilisticheskogo analiza]. *Filologicheskie etudy*. St. Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2015. P. 21–36.
6. Gilyasev Yu. V. Language of Popular Psychology: Function and Style Characteristics [Yazyk populyarnoy psikhologii: funktsional'no-stilevaya kharakteristika]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya*. Ufa, Omega sains Publ., 2015. P. 112–114.
7. Grischechkina G. Yu. *Nauchno-populyarnyy lingvisticheskiy tekst* [Popular science linguistic text]. Orel, GOU VPO "OGU" Publ., 2011. 261 p.
8. *Diskurs v sovremennom mire. Psikhologicheskie issledovaniya* [Discourse in the Modern World. Psychological Researches]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2011. 368 p.
9. Isoyeva V. A. Scientific and Primitive Worldview [Nauchnaya i naivnaya yazykovye kartiny mira]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo: Sbornik statey*. Novosibirsk, Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva Publ., 2014. № 13. P. 137–143.
10. Issers O. S. *Rechevoe vozdeystvie* [Speech Influence]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 224 p.
11. Klushina N. I. Linguistics of Persuasion: Intentional Categories of Publicistic Text [Lingvistika ubezhdeniya: intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta]. *Mediaskop* [Mediascope]. 2008. № 1. P. 10.
12. Kozhina M. N. *Stilistika russkogo yazyka* [The Stylistics of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2014. 464 p.
13. Lipatov A. T. *Ritorika v zerkale vremeni* [Rhetorics in the Mirror of Time]. Moscow, ELPIS Publ., 2011. 383 p.
14. Loseva O. M., Shevyakova D. A. Suggestible Rights as a Tool for the Formation of Mass Culture [Suggestiya kak instrument formirovaniya cheloveka massovoy kul'tury]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya kachestva obrazovaniya v usloviyakh innovatsionnoy deyatel'nosti obrazovatel'noy organizatsii: Sbornik nauchnykh trudov*. Part 1. Clavyansk-on-Kuban, 2014. P. 135–140.
15. Sadovskaya V. S. *Osnovy kommunikativnoy kul'tury* [The Fundamentals of Communicative Culture]. Moscow, Vldos Publ., 2011. 206 p.
16. Solonchak T. Yu., Pesina S. A. Linguistic Worldview in the Cultural Aspect [Yazykovaya kartina mira v kul'turnom aspekte]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty: Sbornik statey*. Novosibirsk, 2014. № 12. P. 149–153.
17. Sorokina S. G. Features of Argumentative Framework in Scientific Text [Osobennosti argumentativnoy struktury nauchnogo teksta]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik* [Privolzhsky Science Bulletin]. Izhevsk, 2013. № 3 (19). P. 82–88.
18. Fyodorov V. V. Invariant Language Features of the English Journalism [Invariantnye yazykovye cherty angliyskoy publitsistiki]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of KRAESC. Human Studies]. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2014. № 2 (24). P. 19–31.
19. Chernobrov A. A. Scientific and Naïve Worldview: Cultural, Lexical and Text Aspects [Nauchnaya i naivnaya kartiny mira: kul'turologicheskiy, leksicheskiy i tekstologicheskiy aspekt]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siber Journal of Pedagogics]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2012. № 7. P. 230–236.
20. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [Political Discourse and the Policy of Discourse: Problems of Speech Influence]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 136 p.
21. Yurevich A. V. Research and Practical Psychology: Schism and Complementarity [Issledovatel'skaya i prakticheskaya psikhologiya: "skhizis" i komplementarnost']. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siber Journal of Psychology]. Tomsk, NITGU Publ., 2011. № 40. P. 101–117.

Поступила в редакцию 29.11.2016

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА МУХИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kareliaptz@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ В ЛИРИЧЕСКОМ ДУХОВНОМ СТИХЕ*

Духовные стихи, которые все чаще становятся объектом пристального внимания ученых, до сих пор недостаточно изучены в отношении языкового функционирования. Описание всех сторон языкового оформления духовного стиха позволит дать полное представление о произведении данного жанра как поэтическом целом. В работе рассмотрены семантические оппозиции в лирическом духовном стихе, являющиеся одним из способов реализации жанровой динамики. Принцип контраста – один из наиболее ярких композиционных принципов любой поэтической структуры – в произведении устного народного творчества особенно актуален и, по-разному проявляясь в уровне организации текста, выполняет важнейшие строевые и эстетические функции в духовном стихе. Анализ материала выявил свойственную оппозитам иерархичность, которая определяется, например, таким признаком, как языковой статус (общезыковые / контекстуальные), позволил сделать вывод о выполнении семантическими оппозициями одной из важных функций – текстообразующей, когда первый член оценочной оппозиции «программирует» появление в нем своего антипода.

Ключевые слова: лингвопоэтика, духовные стихи, лирические стихи, семантические оппозиции

В соотносительности с жанровым канонем язык и стиль фольклорного произведения являются важнейшим направлением исследования устного народного творчества. Язык фольклора «при всем его обычно констатируемом единстве и известной замкнутости характеризуется отчетливо представленным стилистическим расслоением и внутренней дифференциацией» [14: 11].

Фольклор предполагает не только устную форму бытования текста, но и основную семантическую нагрузку на слово, значение которого определяется традицией, порождающей текст. Лексическая единица зависит от жанра, местоположения в тексте и контекста. С. Е. Никитина замечает, что многие слова в языке фольклора выполняют двойную функцию: они, с одной стороны, обозначают реалии вещного мира, с другой – являются символами, знаками напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующими часть неосознанных архетипических представлений [10].

Смысл слова может расширяться благодаря широкому спектру стилистических приемов, присущему устному народному творчеству. Одним из таких приемов является контраст, представляющий собой «динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения» [13: 115]. Принцип контраста, относимый к одному из основных композиционно-стилистических принципов построения речи, по наблюдению Ш. Балли, являет собой тенденцию человеческого ума в стилистической обработке, так как базируется на закономерностях человеческого восприятия и познания [1].

Принцип контраста реализуется на всех уровнях фольклорного текста: звуковом, композиционном, образно-тематическом и словесном.

Главным лексическим средством организации текстовой антитезы являются антонимы, которые по-разному характеризуются в научной литературе с точки зрения парадигматики и синтагматики. При парадигматическом описании указывается, что антонимы имеют противоположные или обратные, но не противоречащие значения. Подчеркивается свойственная антонимам семантическая общность, проявляющаяся в «соотносительности значений» [15: 62], или в их принадлежности к одной «лексико-семантической парадигме» [16: 145], или в том, что они выражают одно и то же родовое понятие [12]. Обязательным для антонимов признается обозначение качественных признаков, допускающих градуирование [6].

Из синтагматических свойств антонимов в качестве обязательного признака исследователи обычно отмечают хотя бы частичное совпадение сочетаемости [5].

В специальных работах рассматриваются вопросы классификации антонимов. Основой для различных классификаций служат следующие признаки: а) точность антонимического противопоставления двух значений (точные – приближительные); б) степень совпадения – несовпадения сочетаемости (полные – частичные); в) число антонимичных значений двух слов и некоторые другие [11], [12].

Для фольклористики характерен взгляд на произведение устного народного творчества как на особую художественную систему, комплекс жанров и специфических художественных средств, которые, начиная с работ А. Н. Веселовского [3], последовательно анализируются в их художественно-стилистической функции, направленной на восприятие.

Семантические оппозиции стали предметом пристального внимания исследователей при описании архаических традиций, различных речевых ситуаций, в том числе фольклорных, диалектных текстов.

Антитеза становилась предметом изучения в разных жанрах фольклора: сказках, балладах, пословицах, хороводных песнях, солдатских и рекрутских песнях, былинах. Семантические оппозиции были рассмотрены и в некоторых эпических духовных стихах [7], [9].

Исследователи замечают, что антитеза, служащая созданию художественного единства произведения, выражается не только смысловым противопоставлением понятий, но и использованием лексических, грамматических и синтаксических приемов. Будучи важным стилистическим средством, она выполняет сюжетобразующую и композиционную функции: «...противопоставление персонажей, являющееся сюжетобразующим средством, выливается в композиционную антитезу, соответственно и стилевые формулы (оценка поступков, диалоги и т. д.), часто построенные на контрастах» [2: 70]. Антитеза, носящая частный или общий характер, выполняет в произведении характеризующую функцию.

Языковеды убедительно доказали, что фольклорная картина мира – модель, трансформированная через систему оценочных кодов. Она принципиально строится на оппозициях разного рода, которые заложены и в «физической» модели построения макрокосма, и в «психическом» освоении этой действительности. Оппозиции реализуются как в условиях микроконтекста, в пределах стиха или параллельных стихов, так и в пределах целого произведения.

Лексические оппозиции (антонимы) в своем подавляющем большинстве характеризуются параллельным расположением, благодаря которому антитеза становится лингвистическим, а не логическим средством: без параллелизма нет стилистического приема, а есть лишь средство логическое.

Объектом оценки духовного стиха является человеческая душа. По мнению С. Е. Никитиной, определяющим противопоставлением в данном жанре является не *свое / чужое*, что свойственно для фольклора вообще, а *грех / праведность*, по-разному реализующимся в семантических оппозициях конкретных текстов и их вариантов [10]. Исследователь приходит к выводу о том, что семантические оппозиции – это обобщение и категоризация единиц фольклорного текста, они имеют различное функционально-стилистическое происхождение, выполняют оценочную, воспитательную, просветительскую, текстообразующую функции.

Духовные стихи представляют собой весьма пестрый жанр, включающий лирические, лиро-эпические и эпические произведения. Нами рассмотрены только лирические духовные стихи, опубликованные в сборнике «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв.»¹

[4]. Каждое произведение, содержащее антитезу, было рассмотрено отдельно, что обуславливается необходимостью установления связи оппозитивов с сюжетом.

Стихотворение «Плач Иосифа Прекрасного» представляет собой мольбу главного героя о возвращении на Родину. В произведении отражено пространственное противопоставление *рай / ад*, обозначенное имплицитно: *слезы, реки эдемские / геенский огонь*. Слезы, реки символизируют рай, о чем свидетельствует, например, стих о «Двух братьях Лазарях», в вариантах которого атрибутомрая выступает такой символ воды, как море [8], и подчеркивает относительное прилагательное *эдемский*. Слезы являются ключом к очищению от греха и определяют способность героя общаться с Богом: «*исчезнуша мои слезы о моем с тобою разлучении; умолкнуша гортань моя*» [4: 154], которую он утрачивает, оказываясь на чужой земле. И здесь появляется еще одна пространственная оппозиция *Израиль* (родина Иосифа) / *ина земля* (чужбина).

«Стих о лени» основан на временной оппозиции *рано / поздно*, которая тесно связана с противопоставлением *Царствие небесное / мука превечная*. Произведение в назидательной форме рассказывает о том, что получит человек, который рано встает и поздно ложится: трудолюбивый не только обретет материальные ценности (возможность есть, пить сладкое, красиво одеваться, занимать высокий пост и т. д.), но и изменится духовно (очистится от греха, получит признание людей и др.). И как следствие, трудолюбивый человек после смерти обретет рай, а ленивый – ад, потому что «*об ленивых рабах сам Господь Бог не печется*» [4: 199]. Интересно, что здесь материальные блага не выступают чем-то постыдным, препятствующим попаданию в царствие небесное, а стоят в одном ряду с ценностями истинного христианина.

В произведении «Святитель Никола и нищая братия» отражена локусная оппозиция *небесные высоты, рай светлый / земля грешная; чертоги в раю светлом / сырая земля*. Защитник обездоленных Святой Николай должен сойти с неба на землю или послать *раба-христианина*, который взамен помощи нищей братии получает как место в раю, так и материальное благополучие «*в живлены на сырой земле*» [4: 117].

Стих «Иосаф-царевич и пустыня», представленный двумя вариантами, построен в виде диалога между главным героем и пустыней. Центральная оппозиция духовного стиха *грех / праведность* ярко выражена в описании жизни героя в миру и в пустыне, где его жизнь посвящена служению Богу: *юность прелестная, вольное царство, белая каменная палата, казна золотая, царские яства и пойла* противопоставлены *творению воли божьей, земным поклонам до смертного часу, воскушанию гнилой колоды, испиванию болотной водицы*. Первая часть оппозиции содержит перечисление того, что приравнивается к греху и ведет к *огню, муке превечной*, которая

противопоставлена *царствию небесному*, до-ступному после очищения души жизнью в аскезе (вторая часть оппозиции).

В духовном стихе *пустыня* выступает связующим звеном между небом и землей. Сакральный локус, имея райские атрибуты и являясь местом спасения, противопоставлен остальной земле. Выполняя связующую функцию, *пустыня* в народном православии становится не просто местом уединения, совершения христианского подвига, но и одушевленной субстанцией, которой отводится важная роль – принимать или не принимать человека, жаждущего покаяния.

Небольшой по объему стих «Никола-Святитель» содержит локусную оппозицию *славный Барг-град, неверная страна в немцах, земля турская / святая Русь*, где вымышленная территория символизирует место хранения мощей Святого Николая, а Русь – место совершения чудес.

«Стих о смерти» представлен в сборнике в четырех вариантах. Темпоральная оппозиция *вечер / утро* отражена только в первых двух вариантах. Вечер представляет собой грешную жизнь на земле и символизирует конец дня, цикла, жизни: «*Со вечера человек веселился, радовался...*» [4: 236], а утро – жизнь души после смерти: «*...По утру человек во гробу лежит...*» [4: 236].

В произведении «Плач души» противопоставление *грех / праведность* выражено двумя блоками. Первый содержит перечисление материальных благ и человеческих качеств, которые не помогут избежать Страшного суда: «*Не поможет душам нашим Ни золото, ни серебро, Ни имень, ни богатство, Ни цветное наше платье, Ни прелесть нам лицемерная, Ни скупость нам лукавая, Ни гордость безумная*» [4: 227]. При описании грехов используется прием градации – повышается степень греховности составляющих. Второй блок содержит перечисление действий, составляющих христианский подвиг и помогающих избежать Страшного суда: «*Только помогут душам нашим Все дела, дела наши добрые. Смирение, большое наше терпение, Слезы с плачем, с покаянием, Есть поклоны наши полуночные, Тихомирна тайна милостыня*» [4: 227]. Составляющие второго блока аксиологически равноценны.

Лирические духовные стихи, в отличие от эпических, в меньшей степени характеризуются наличием оппозиций, что обусловлено описанием душевных переживаний героя, не его жизни, и, вследствие этого, отсутствием героя-антагониста, с которым борется и которому противо-

поставляется персонаж, утверждающий христианскую веру.

Главная оппозиция *грех / праведность* находит свое отражение в противопоставлении по вертикальной оси. Здесь соотносятся сакральные локусы рай / ад: *слезы, реки эдемские / геенский огонь; Царствие небесное / мука превечная*; сакральные и мирские небо / земля: *небесные высоты, рай светлый / земля грешная; чертоги в раю светлом / сырая земля*. Противопоставление может быть организовано и по горизонтальной оси, где в антонимичные отношения вступают своя и чужая земля: *Израиль (родина Иосифа) / ина земля (чужбина); славный Барг-град, неверная страна в немцах, земля турская / святая Русь*.

В меньшей степени в произведениях отражена временная оппозиция, выраженная антонимами: *рано / поздно; утро / вечер*.

Центральное противопоставление жанра *грех / праведность* в лирических духовных стихах находит свое отражение при описании праведной и неправедной жизни и представлена целыми блоками: *золото, серебро, имень, богатство, цветное платье, прелесть лицемерная, скупость лукавая, гордость безумная / дела добрые, смирение, большое терпение, слезы с плачем и покаянием, поклоны полуночные, тайная милостыня* и др. Такое пространное описание праведного и неправедного поведения, вероятно, имеет назидательный характер: выбор человеком образа жизни на земле предопределяет местоположение его души после смерти.

Анализ показал, что, как правило, в оппозиции входят контекстуальные антонимы, употребление которых обусловлено спецификой жанра.

В рамках оппозиций актуализируется не только собственно лексическая семантика, но и коннотативная семантика фольклорного слова, что достигается, в частности, параллельным расположением оппозитивов, которые в духовном стихе имеют различное функционально-стилистическое происхождение: это высокий книжно-славянский слой лексики (*чертоги в раю, Царствие небесное*) и народно-разговорный, иногда сниженный (*царские поила, гнилая колода*).

Семантические оппозиции выполняют не только оценочную, воспитательную и просветительскую функции, но и текстообразующую. Один из членов оценочной оппозиции, будучи очень существенным элементом в этической картине мира, воссоздаваемой певцом, и употребляясь в тексте первым, как бы программирует появление в нем своего антипода.

* Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2017–2021 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В тексте сохранена орфография источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К. А. Долинина; Под ред. Е. Г. Эткинда. М.: Иностранная литература, 1961. 394 с.
2. Ведерникова Н. М. Антитеза в волшебных сказках // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М., 1975. С. 66–78.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 406 с.
4. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М.: Московский рабочий, 1991. 351 с.

5. Лесник М. Д. Об антонимичности прилагательных большой, малый, маленький и сфере их употребления в современном русском языке // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1952. № 161. Вып. 18. С. 119–126.
6. Максимов Л. Ю. Антонимия как один из показателей качества прилагательных // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1952. № 161. Вып. 18. С. 102–118.
7. Мухина Е. А. Языковая экспликация концептуальных оппозиций как способ реализации жанровой динамики духовного стиха «Алексей человек Божий» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 5 (134). С. 55–60.
8. Мухина Е. А. Концепт море в русской народно-речевой культуре (на примере духовного стиха) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. научн. тр. Вып. 6 / Сост., отв. ред. Т. В. Семашко. М.; Архангельск: Соломбальская типография, 2013. С. 35–39.
9. Мухина Е. А. Семантические оппозиции в эпическом духовном стихе «Два Лазаря» // Язык как основа этнокультурной идентичности: Материалы научно-практического семинара. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 40–47.
10. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 385 с.
11. Новиков Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова. М.: Арсис Лингва: Вентана-Граф, 1996. С. 5–30.
12. Новиков Л. А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в национальной школе. 1966. № 4. С. 76–87.
13. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
14. Тарланов З. К. Язык и поэтика фольклора: проблемы, итоги, перспективы // Язык и поэтика фольклора / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: ПГУ, 2001. С. 3–12.
15. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: URSS, 2009. 312 с.
16. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

Mukhina E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SEMANTIC OPPOSITION IN THE LYRICAL SPIRITUAL VERSE

Spiritual poems often become an object of scientists' attention due to the fact that they are not sufficiently studied from the stand point of the language functioning. A description of all aspects of the spiritual verse language arrangement helps to get a complete picture of the works belonging to this poetic genre. The paper describes the phenomenon of semantic opposition of the spiritual lyrical verse. Employment of this phenomenon helps to realize dynamics of this genre. The principle of contrast is very important in the works of oral folklore, as well as equipollent structural and aesthetic functions of the spiritual verse. In the course of the analysis it was revealed that components of the opposition are characterized by the hierarchy, which helps to fulfill an important text-forming function.

Key words: lingvopoetica, spiritual poems, lyrical poems, semantic opposition

REFERENCES

1. Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika* [French style]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1961. 394 p.
2. Vedernikova N. M. The antithesis in the magic fairy tales [Antiteza v volshebnykh skazkakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova*. Issue 3. Moscow, 1975. P. 66–78.
3. Veselovskij A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1940. 406 p.
4. *Golubinaya kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vekov* [Pigeon book: Russian folk spiritual poems XI–XIX centuries]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1991. 351 p.
5. Lesnik M. D. On the antonymical nature of the adjectives big, small, tiny and the sphere of their use in the modern Russian language [Ob antonimichnosti prilagatel'nykh bol'shoy, malyy, malen'kiy i sfere ikh upotrebleniya v sovremennom russkom yazyke]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Leningrad State University]. 1952. № 161. Issue 18. P. 119–126.
6. Maksimov L. Yu. Antonymy as one of the indicators of the quality of adjectives [Antonimiya kak odin iz pokazateley kachestvennosti prilagatel'nykh]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Leningrad State University]. 1952. № 161. Issue 18. P. 102–118.
7. Mukhina E. A. A language explication of conceptual oppositions as a way of realization of genre dynamics of a spiritual verse “Alexey is a Man of God” [Yazykovaya eksplikatsiya kontseptual'nykh oppozitsiy kak sposob realizatsii zhanrovoy dinamiki dukhovnogo stikha “Aleksey chelovek bozhii”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2013. № 5 (134). P. 55–60.
8. Mukhina E. A. The concept of the sea in the Russian folk speech culture (for example spiritual verse [Kontsept more v russkoy narodno-rechevoy kul'ture (na primere dukhovnogo stikha)]. *Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira*. Moscow, Arkhangel'sk, Solombal'skaya tipografiya Publ., 2013. P. 35–39.
9. Mukhina E. A. The semantic oppositions in the epic holy verses “Two of Lazarus” [Semanticheskie oppozitsii v epicheskom dukhovnom stikhe “Dva Lazarya”]. *Yazyk kak osnova etnokul'turnoy identichnosti: Materialy nauchno-prakticheskogo seminar*. Petrozavodsk, 2007. P. 40–47.
10. Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoye soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 385 p.
11. Novikov L. A. Russian antonymy and its lexicographical description [Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie]. *L'vov M. P. Slovar' antonimov russogo yazyka*. Moscow, Arsiss Lingva, Vantana-Graf Publ., 1996. P. 5–30.
12. Novikov L. A. The logical opposite and lexical antonymy [Logicheskaya protivopolozhnost' i leksicheskaya antonimiya]. *Russkiy yazyk v natsional'noy shkole*. 1966. № 4. P. 76–87.
13. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979. 432 p.
14. Tarlanov Z. K. The language and poetics of folklore: problems, results, prospects [Yazyk i poetika fol'klora: problemy, itogi, perspektivy]. *Yazyk i poetika fol'klora*. Petrozavodsk, PGU Publ., 2001. P. 3–12.
15. Shanskiy N. M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of modern Russian language]. Moscow, URSS Publ., 2009. 312 p.
16. Shmelev D. N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on semasiology Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. 244 p.

Поступила в редакцию 09.11.2016

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА НЕЧАЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)
dip-inyaz@yandex.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ

Анализ интеграционных процессов в языке экономики позволяет говорить о подвижности семантической структуры экономической терминологии, которая формируется не только терминологическими единицами экономики и других наук, но также языковыми единицами, являющимися результатом процесса заимствования. Заимствование представляет собой сложный многоуровневый процесс, обусловленный комплексом лингвистических и экстралингвистических причин. С когнитивных позиций заимствование интерпретируется как взаимодействие двух концептуальных пространств, результатом которого становится заимствованный концепт или концептуальная структура. Заимствование лежит в основе внутренней и внешней интеграции терминологических составляющих, что приводит к семантическим изменениям терминосистемы языка экономики. Рассматриваемые в данной статье процессы *внутренней и внешней интеграции* определяются как процессы «вхождения» лексических единиц из одной лингвистической системы в другую, в результате которых происходит взаимодействие единиц этих систем, приводящее к созданию нового образа объекта, нового смысла, а на уровне языковых единиц – к созданию новой связи между формой и содержанием знака.

Ключевые слова: экстралингвистические факторы, научный термин, междисциплинарность, заимствование, внутренняя интеграция, внешняя интеграция

Природа картины мира, которая, по образному выражению А. Е. Воробьева, является «стержнем интеграции людей, средством гармонизации разных сфер человеческой жизнедеятельности, их связи между собой» [2: 28], обусловлена развитием познавательных процессов в языке науки, отражающих языковое решение взаимодействия языка и мышления, общего и частного, индивидуального и коллективного, что позволяет изучать данный феномен с разных сторон. Принимая во внимание этот факт, можно утверждать, что научная картина мира представляет собой интеграцию объективного и субъективного знания, и процесс сохранения и приращения научного знания как информации об окружающем мире и самом человеке определяется использованием языковых средств, участвующих в формировании научного знания. На выбор языковых средств воздействует множество экстралингвистических факторов, среди которых можно выделить объективные и субъективные.

Цель данной статьи – исследование интеграционных процессов, обусловленных объективными факторами, которые определяют специфику французского языка экономики. Для реализации данной цели ставятся следующие задачи: 1) уточнение понятия интеграции в языке; 2) анализ объективных факторов, влияющих на интеграционные процессы в языке; 3) результаты данных процессов во французском языке экономики.

Для исследования привлечены единицы языка экономики, которые представлены в научно-по-

пулярных текстах экономического содержания в рубрике *Economie* влиятельных изданий, среди которых мы выбрали популярные ежедневные издания, доступные в том числе и на интернет-сайтах: *Le Monde*, *Le Figaro*. Тексты этих газет характеризуются своеобразием представления информации, что отражается в их содержательной и формальной структурах. Когнитивный подход к научно-популярному тексту позволяет рассматривать его как языковое явление, связанное с определенным фрагментом картины мира его автора и отражающее этот фрагмент, и делает очевидным тот факт, что основным объектом анализа должна стать информация, кодируемая единицами языка.

Семантическим ядром лексикона научно-популярного текста экономического содержания являются экономические научные термины. Французский лингвист Bruno de Bessé характеризует термин как «une unité signifiante qui désigne un concept déterminé de façon univoque à l'intérieur d'un domaine. Le terme est constitué d'un mot (terme simple) ou de plusieurs mots (terme complexe)»¹ / единицу, обозначающую специальное понятие определенной научной области. Термин может быть выражен словом (простой термин) или несколькими словами (сложный термин). В применении к языку экономики термин определяется как слово или синтагма, обозначающее специальное понятие из области экономики или экономической деятельности, характеризующееся системностью, наличием дефиниции,

стилистической нейтральностью. Выражая специальное понятие, термин является носителем и хранителем фрагмента информации, которая рассматривается как «специальное знание, зафиксированное в концептуальном представлении человека и введенное в его языковое сознание» [1: 13]. Данная информация имеет свою ценность в особой понятийной системе, и в этом смысле термин являет собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования.

При исследовании единиц анализируемых текстов экономического содержания мы придерживались следующих критериев:

- единицы должны относиться к домену экономики (тематический критерий);
- единицы должны быть выражены словом или синтагмой (формальный критерий).

Очевидно, что функционирование языка подвергается регулярному воздействию факторов: когнитивных, психологических, социальных, что порождает ряд внешних и внутренних законов языкового развития. Во внутренних законах, ограниченных свойствами и функциями языковых единиц, отражается регулярность и последовательность собственно языковых изменений и проявляется относительная самостоятельность развития языка как системы. Внешние законы обнаруживают устойчивые связи с различными сторонами человеческой деятельности, с историей общества. Таким образом, развитие языка может протекать под влиянием двух движущих сил: объективных факторов, которые обуславливают реализацию нужд общества, и субъективных факторов, определяющих индивидуальное восприятие, которое может быть различным для каждого человека в зависимости от его опыта и видения мира. В связи с этим язык проявляет двойную зависимость своей эволюции: от среды, в которой он существует, и от своего внутреннего механизма.

Отмечается, что между состоянием языка в определенную эпоху и потребностью общества к все более адекватному выражению усложняющихся форм существует постоянное противоречие, что является основным стимулом развития языка. Данный постулат справедлив и для языка экономики, что подтверждает Е. Ф. Ковлакас, по мнению которой, «зависимость экономических отношений от исторического развития общества в полной мере отражается... в экономической терминосистеме» [7: 128]. Историческая данность позволяет представить экономическую терминологию французского языка как интегральную лингвистическую систему, в которой аккумулированы и закреплены итоги познавательной деятельности общества, выработанные в практике экономического развития и общения. Отличаясь

проницаемостью, открытостью организации, экономическая терминология проявляется как феномен междисциплинарности, расположенный на перекрестке двух гносеологических областей – области социальных и точных наук.

Междисциплинарность предполагает диалог и обмен знаниями, анализа и методов двух или нескольких дисциплин, то есть язык экономики предстает как отображение процесса интеграции (от лат. *integer* – полный, цельный, означает «объединение в целое, в единство каких-либо элементов... в теории систем – состояние взаимосвязи отдельных компонентов системы и процесс, обуславливающий такое состояние»²), в результате которого «происходит своеобразное наложение языковой и информационной картин мира, что естественно проявляется в наборе постоянных тематических составляющих» [5]. По мнению В. П. Даниленко, этот процесс в языке возможен благодаря тому, что «единицы, из которых он состоит, находятся во взаимной связи друг с другом» [4: 16]. Подобное объективное взаимодействие характеризуется одновременным и взаимообусловленным изменением свойств участвующих в этом процессе терминологических систем, что ведет к изменениям в использовании экономической терминологии. Каждое внесение нового элемента в терминологию предполагает период адаптации, во время которого происходит трансформация старых и формирование новых свойств языковой системы, значения новых терминов специализируются, конкретизируются применительно к новой сфере функционирования [7: 87].

Анализ процесса интеграции в языке экономики позволяет говорить о подвижности семантической структуры экономической терминологии, которая формируется не только терминологическими единицами других наук, но также языковыми единицами, являющимися результатом процесса заимствования. В процессе заимствования французские ученые выделяют, прежде всего, феномен интеграции: «Il y a emprunt linguistique quand un parler A utilise et finit par intégrer une unité ou un trait linguistique qui existait précédemment dans un parler B et que A ne possède pas; l'unité ou le trait emprunté sont eux-mêmes appelés emprunts»³ / Лингвистическое заимствование имеет место, когда язык А использует и интегрирует единицу или лингвистический признак, который существовал ранее в языке В и который отсутствует в языке А; языковая единица или признак называются тогда заимствованиями; «l'emprunt est un élément d'une langue intégré au système linguistique d'une autre langue»⁴ / заимствование – это элемент языка, интегрированный в лингвистическую систему другого языка. Кроме того, подчеркивается социолингвистический характер заимствования: «L'emprunt est le phénomène sociolinguistique le

plus important dans tous les contacts de langues»³ / Заимствование – это социолингвистический феномен, самый важный в языковых контактах. Е. И. Голованова характеризует заимствование как «универсальное языковое явление, представляющее собой сложный, многоуровневый и многоступенчатый процесс, обусловленный комплексом лингвистических и экстралингвистических причин» [3].

С когнитивных позиций заимствование следует интерпретировать как взаимодействие двух концептуальных пространств, результатом которого становится заимствованный концепт или концептуальная структура. В отличие от исконных концептов, которые закономерно возникают в рамках одной научной дисциплины (экономики) и закрепляются соответствующими языковыми средствами, заимствованные концепты воспринимаются в процессе ее контакта с другими науками, и их вербализация осуществляется как внутренними, так и иноязычными средствами. Исходя из этого постулата во французском языке экономики целесообразно выделить внутреннее и внешнее заимствование, составляющее основу *внутренней и внешней интеграции*.

Внутренняя интеграция определяется как процесс «вхождения» лексических единиц из одной терминологической системы в другую, результатом которого становится взаимодействие единиц терминосистем научных теорий, методов, областей знания, приводящее к созданию нового образа объекта, нового смысла, а на уровне языковых единиц – к созданию новой связи между формой и содержанием знака. Анализ данного явления во французском языке экономики показывает, что данный тип интеграции носит преимущественно системный и осознанный характер и основан на «переосмыслении» терминов других наук в рамках потребностей экономической науки. В соответствии с результатами исследования корпуса терминологических единиц во французских экономических текстах, можно констатировать употребление терминологии, включающей следующие категории:

1. Ложные заимствования (термины, имеющие только фонетическое сходство), например: *vanille* (заимствованный ботанический термин ‘ваниль’) и (*des Swaps*) «*vanilles*» – ‘ванильный своп’ (двухстороннее соглашение об обмене денежных потоков в оговоренные моменты времени); *flambage* (заимствованный металлургический термин ‘прокаливание’) и (*taux de*) *flambage* – ‘уровень непредвиденных расходов’; *façade* (заимствованный архитектурный термин ‘фасад’) и *façade* – ‘операция, по которой одна фирма юридически гарантирует риск, часть которого или весь берет на себя другая фирма, не фигурирующая в контракте и не известная страхователю’; *bêta* (заимствованный математический термин: ‘бета-функция’, физический термин: ‘бета-частица’)

и *bêta* (*de l'actif économique*) – ‘коэффициент экономической активности’; *Véga* (заимствованный астрономический термин, название звезды в созвездии Лиры) и *véga d'une option* – ‘вега опциона’ (зависимость теоретической цены опциона от волатильности базового актива); *véhicule* (технико-инженерные науки – ‘транспортное средство’) и *véhicule financier* – ‘финансовые инструменты’ и др. Приведем пример:

(1) Le stock d'actifs dans les SIV est estimé à 300 milliards de dollars. “On assiste à un mouvement de réintermédiation de l'économie, dû à l'absence de liquidités sur le marché”, explique Catherine Gerst de l'agence DBRS. Selon Mme Gerst, les dysfonctionnements actuels ne doivent pas faire oublier que ces *véhicules financiers* aujourd'hui en difficultés “ont permis de financer l'économie mondiale, ce que les banques n'auraient pu faire sur leurs seuls fonds propres”⁵.

В (1) примере термин *véhicules financiers* расшифровывается только благодаря контексту (*l'absence de liquidités sur le marché, un mouvement de réintermédiation de l'économie*) и лексическому окружению (*véhicules* + прилагательное *financiers*), которые позволяют интерпретировать этот термин не как транспортное средство, а как ‘финансовые инструменты’ мировой экономики, находящейся сегодня в состоянии кризиса. Как видно из приведенного примера, результатом ложных заимствований является омонимия, появление изоморфных терминов, семантика которых различна и определяется только контекстом.

2. Гибридные заимствования (термины, имеющие только семантическое сходство): ‘крах’: *krach* < *fièvre, grippe, pneumonie* (медицина); ‘конкуренция’: *concurrence* < *bataille, guerre*, (военная наука); ‘нефть’: *pétrole* < *or noir* (химия); ‘кризис’: *crise* < *tempête boursière* (метеорология) и др.:

(2) En révélant ce jeudi 14 janvier les perquisitions menées la semaine dernière par la Direction générale de la concurrence, de la consommation et de la répression des fraudes (DGCCRF) dans plusieurs sites de Renault, le syndicat a provoqué une tempête boursière: l'action du constructeur a dévissé de plus de 22 % en cours de séance⁶.

В примере (2) термин *une tempête boursière* является результатом взаимодействия заимствованного метеорологического термина *tempête* и финансового термина *bourse* (*tempête* + *bourse*), который предстает полным синонимом термина *crise*, что доказывается лексическим контекстом и лексической сочетаемостью: *le syndicat a provoqué une tempête boursière*, который может быть заменен на *le syndicat a provoqué une crise boursière*. Автор передает новой единицей то же понятие, но подчеркивает термином *tempête* стихийность и опасность этого явления, последствия которого помогает идентифицировать контекст – букв. акции Рено ‘сорвались со скалы, как альпинист’:

l'action du constructeur a dévissé de plus de 22 % en cours de séance.

Результатом гибридных заимствований является появление синонимов, регулируемых когнитивными и коммуникативными факторами. Осуществляя лексический выбор, автор употребляет именно то слово, которое наиболее точно отражает его замысел и открывает тот или иной путь доступа к концепту. Целенаправленная акцентуация последнего обусловлена стремлением автора учитывать коммуникативную ситуацию, влиять на восприятие мира собеседника или передавать свое отношение к сообщаемому. Это обеспечивается факторами, действующими на уровне коммуникативной функции языка.

3. Гомологичные заимствования (имеющие фонетическое и семантическое сходство одновременно): *décollage* (авиаци. 'взлет') < *décollage économique* – 'экономический подъем'; *falaise* (географ. 'скала') < *falaise fiscale* – 'налоговый обрыв'; *masse* (физич. 'масса') < *masse monétaire* – 'денежная масса':

(3) Est-ce que les Etats-Unis sont en train de perdre leur leadership mondial en termes de recherche et développement? C'est la question que se posent des chercheurs américains au vu des dernières nouvelles sur le budget fédéral. Depuis des mois, en effet, ils étaient en état d'alerte. Le spectre du Fiscal Cliff («*falaise fiscale*»), une coupure drastique dans les budgets des ministères, avait fait craindre le pire⁷.

В примере (3) термин *falaise fiscale* представлен как экономический термин в составе двухкомпонентной терминологической единицы, он выражает новый смысл, что подтверждается использованием, прежде всего, английского варианта данного понятия *Fiscal Cliff* и анафоры *une coupure drastique dans les budgets des ministères*, которые в экономическом контексте передают уже «переосмысленное» специальное экономическое понятие.

(4) La croissance africaine du produit intérieur brut (PIB) est, depuis plus de dix ans, de 5 % en moyenne par an, derrière l'Asie et loin devant l'Europe. Le PIB africain devrait être multiplié par 15 d'ici à 2050, anticipe la Banque mondiale... «Les conditions d'un *décollage économique* du continent n'ont jamais été aussi favorables», constate Mario Pezzini, directeur du Centre de développement de l'Organisation de coopération et de développement économiques⁸.

В примере (4) интеграция двух концептов *décollage* + *économie* создает новый экономический термин *décollage économique*, в котором термин *décollage* уже не употребляется в своем прямом значении, однако смысл новой специальной единицы легко угадывается.

Результатом гомологичных заимствований является полисемия, многозначность и многовариантность языковых единиц, способных служить для обозначения разных предметов и явлений

действительности, ассоциативно связанных между собой и образующих сложное семантическое единство. И гибридные, и гомологичные заимствования основаны на метафоре и метонимии.

Внутренняя интеграция специальных терминов происходит не изолированно: специальные обозначения, как правило, приходят в принимающий язык вместе со своим лексическим окружением и выступают центром номинативной микросферы, которая формируется с их помощью, например: *mener la guerre – mener la guerre des devises*. Вместе с заимствованным наименованием передается и часть накопленного профессионального опыта, транслируются техники и технологии профессиональной деятельности.

Важнейшей причиной и условием внутренней интеграции является наличие контактов между научными дисциплинами и научными теориями. Значимым фактором взаимодействия и условием активного вхождения нового термина в речевой оборот выступает коммуникативная актуальность обозначаемого понятия. Кроме того, внутренняя интеграция актуализирует участие принимающей терминосистемы: она рассматривается как живой процесс, который стимулирует метаязыковую рефлексию носителей принимающего языка, мобилизует языковые возможности на всех уровнях. Отмечается контролируемый характер этого процесса, поскольку термины заимствуются из институциональной подсистемы одной терминосистемы в другую подсистему.

Внешняя интеграция определяется как процесс «проникновения» лексических единиц из одного языка в другой вследствие возникновения новых объектов, понятий, феноменов, общественных процессов, расширения экономических и культурных связей, развития науки. Согласимся с мнением А. Ф. Журавлева, который отмечает, что «изменение в лексике состоит как правило в заполнении вновь сформированным элементом... пустоты, обнаружившейся при концептуальном освоении мира...» [6: 27]. Поэтому профессиональное наименование, заимствованное из другого языка, точнее, стоящий за ним концепт помогает заполнить пустующее в терминосистеме (то есть не получившее до момента заимствования адекватной концептуальной разработки) пространство, что связано со степенью развития соответствующей сферы деятельности.

Экономическая терминология в современном французском языке в своем составе интернациональна, она сформировалась на основе латинских терминов и заимствований из трех языков: греческого, итальянского и английского. Заимствования из других языков единичны: *embargo* (исп.), *aubudsmán* (швед.), *troïka* (русс.); *salam*, *sukuk* (араб.) и др. Определить границы экономической терминологии и указать точное количество заимствованных терминов очень трудно, так как они созданы разными народами и в разные

исторические эпохи. Наряду с такими старыми заимствованными терминами, как *budget* (англ., 1450); *banqueroute* (итал., 1466); *cartel* (итал., 1526); *bilan* (итал., 1578); *cash* (англ., 1598), *faillite* (итал., 1606); *warrant* (англ., 1625), *leadership* (англ., 1821), *business* (англ., 1884), встречаются и более поздние: *holding* (англ., 1930), *monitoring* (англ., 1933), *marketing* (англ., 1944), *offshore* (англ., до 1960), *audit*, *leasing*, *software* (англ., после 1960) и т. д.

Анализ исследуемого материала показывает, что основные внешние заимствования базируются на притоке англо-американизмов, что обусловлено экономическими, политическими, социальными и военными причинами. Английские заимствования проявляются как широкий феномен XX и XXI веков во всех новых суб-областях экономики (менеджмент, маркетинг, язык бизнеса), они составляют часть языковой экономической картины французского языка, способствуют расширению экономической терминологии, являясь сегодня терминами, символизирующими глобальные изменения в мировой экономике и тесные экономические контакты: *subprime loans*, *e-magazine*, *merchandising*, *hedged funds* и т. д.

В целом при ассимиляции той или иной иноязычной модели происходит перенесение во французский язык следующих характеристик заимствующего языка:

1) семантики: *sponsor* ('спонсор'), *discount* ('скидка'), *cash-flow* ('движение денежных средств'), *audit* (аудит); *dumping* ('демпинг'), *low cost* ('низкая стоимость'), *shortening* ('сокращение'), *lobbying* ('лоббирование'); *warrant* ('ордер');

2) полного морфемного состава (например, фр. *marketing* < англ. marketing; фр. *buisiness* < англ. business). В то же время воспроизведение английской модели морфологическими средствами французского языка приводит к полной морфемной замене: англ. *businessman* < фр. *homme d'affaires*, англ. *shadow banking* < фр. *finance de l'ombre*, англ. *covered bond* < фр. *obligation sécurisée*;

3) частичного морфемного состава. Анализ языкового материала позволяет выделить во французском языке среди англицизмов с частичной морфемной заменой заимствования, воспроизводящие английские производные, сложные слова и словосочетания. У ряда простых, производных и сложных английских слов, проникающих во французский язык, интеграция проходит путем субституции части основы или конечной морфемы и образования своеобразного элемента, фонетическая форма которого ассоциируется с каким-либо определенным французским суффиксом:

а) образование глаголов, производных от заимствованных глаголов, присоединением суффикса *-er*: *sponsoriser* < англ. to sponsor,

scanner < англ. to scan, *collapser* < англ. to collapse, *catcher* < англ. catch, *discounter* < англ. discount; *truster* < англ. trust;

б) образование глаголов, производных от заимствованных существительных: *marketer* < англ. marketing, *truster* < англ. trusting, *debriefier* < англ. debriefing; *customiser* < custom;

в) образование существительных, обозначающих деятельность, посредством замены английского суффикса *-er* на французский суффикс *-eur*: *discounter* < англ. discounter, *manageur* < англ. manager;

г) воспроизведение во французском языке английских словосочетаний путем субституции одного из компонентов, что приводит к появлению в языке точных синтаксических полукалек: англ. фр. *standard de vie* > англ. standard of living ('жизненный уровень'); фр. *agence de notation* > англ. agence de rating; фр. *parachute d'or* > англ. golden parachute; фр. *cybermarché* > англ. cybermarket, фр. *mal-investissement* > англ. malinvestment;

д) образование от одной основы производных, использующих разные суффиксы, которые относятся к одной части речи, но имеют разные значения: *scoring* – *scoration*, *doping* – *dopage*, *courtier* – *courtag*.

Наглядным доказательством, что заимствование полностью ассимилировалось французским языком, является появление производных от него слов, образованных по законам французской деривации: *stock* – *stocker* – *stockeur* – *stockage* – *surstock* – *stock-options*.

Все заимствованные слова, интегрируясь в систему французского языка, в той или иной степени изменяют свои значения. Такое переосмысление заимствованных слов способствует их закреплению в языке и приводит к появлению неологизмов и лексических вариантов, которые обеспечивают экономическую терминологию французского языка необходимым инструментарием, повышают его выразительность и позволяют избегать однообразия. Анализ исследуемого материала показал, что все заимствованные единицы можно разделить на четыре группы:

1. Единицы, употребляемые для обозначения понятий, свойственных только той стране, из языка которой они заимствуются: *american depository receipt* (США – 'американская депозитарная расписка'); *sukuk*; *salam* (арабские страны); *rage taxatoire* (Бельгия);

2. Единицы, которые расширили значение: *goodwill* ('доброжелательность') – *goodwill* ('гудвилл' – денежная оценка нематериальных активов компании: фирменный знак, имидж, наличие устойчивой клиентуры), *pay-off* ('результат позиции опциона') – *pay-off* ('выплата' – общая сумма, выплаченная покупателем во время опциона);

Green shoe (Greenshoe manufacturing – название компании) – *greenshoe* ('техника регуляции фондового рынка');

3. Слова, которые приобрели новый смысл: *carry back* ('напоминать ч.-л.') – *carry back* ('переносить на счет прошлого периода'); *hedge* ('изгородь, ограда') – *hedge funds* ('инвестиционный фонд'); *martingale* (способ игры в казино 'удваивание ставки при проигрыше') – *martingale* ('оценка будущей стоимости на основании имеющейся информации');

4. Заимствованные слова вводят новые понятия: *benchmarking* ('бенчмаркинг' – процесс оценки эффективности компании); *start-up* ('стартап'); *bitcoin* ('биткойн' – платежная система); *сyртocurrency* ('криптовалюта' – вид цифровой валюты). Приведем примеры:

(5) Les fonds colossaux des «*hedge funds*» déposés auprès de Lehman ont été gelés, et le sont encore aujourd'hui⁹.

(6) En revanche, la société a accusé une perte nette part du groupe de 206 millions d'euros, contre un déficit de 18 millions un an plus tôt, pénalisé par une charge non *cash* de dépréciation du *goodwill* liée à ASN (Alcatel Submarine Networks), que le groupe compte garder en tant que filiale en propriété exclusive¹⁰.

В примерах (5) и (6) английские термины *hedge funds*, *cash*, (dépréciation) *du goodwill* употреблены вместо французских: *fonds spéculatif*, *argent comptant*, *réputation*, что свидетельствует о превалировании терминов английского языка в экономической сфере и определенном образовательном уровне французского общества, для которого англоязычные экономические термины становятся уже единицами общенационального языка, поскольку начинают употребляться не только в специальном контексте, но и в обиходном, например:

(7) Au lendemain des attentats qui ont endeuillé Paris... une dizaine de passagers américains qui venaient tout juste de débarquer d'un vol en provenance des Etats-Unis ont voulu repartir chez eux dès leur arrivée à Paris... «Ils téléphonent aux centres d'appels ou passent par Internet», signale le chef d'escale

qui ajoute que, «pour l'occasion, Lufthansa a choisi, elle aussi, d'appliquer une «*politique de goodwill*»: à l'instar de sa rivale United, elle ne fait pas non plus payer les changements de vol¹¹.

В примере (7) термин *politique de goodwill* употреблен уже не в специальном экономическом контексте, а в обиходном, вместо французских слов *bienveillance* или *bonne volonté*, что свидетельствует о развитии и изменении лексической системы французского языка.

Таким образом, интеграция заимствованных терминов в специальных языках обусловлена несколькими объективными факторами: необходимостью номинации нового научного понятия в момент его появления, потребностью в специализации понятий, наличием в международном употреблении сложившихся систем экономических терминов на базе английского языка, стремлением к более современному слову. Принятие или непринятие языком заимствованного слова не зависит от его языковой системы. Главное – это использование заимствований в языке, которое тесно связано с социально-культурной моделью общества и определяет степень их интеграции в заимствующем языке. Результатами данных интеграционных процессов во французском языке экономики является омонимия, появление изоморфных терминов, синонимия и полисемия, что не только отражает внешние процессы, происходящие в обществе, но и свидетельствует о рождении новых стереотипов мировосприятия, в результате чего в языке появляются новые архетипы и модернизируются старые, то есть происходит процесс формирования конкретного смысла в процессе коммуникации.

В целом процессы внутренней и внешней интеграции рассматриваются как объективная потребность французского языка, как динамичные процессы, мобилирующие языковые возможности на всех уровнях. Данные процессы становятся возможными как благодаря внутреннему потенциалу французского языка, так и в силу объективных экстралингвистических причин, что является важным фактором эволюции французского языка экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bessé B de. Cours de terminologie. ETI Université de Genève. Genève, 1992. P. 75.

² Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 203.

³ Dubois Jean et al. Dictionnaire de linguistique. Paris; Larousse, 1973. 516 p.

⁴ Hamers Josiane F. et Michel Blanc. Bilingualité et bilinguisme. Bruxelles, Pierre Mardaga, éd. Mardaga. 1983. 498 p.

⁵ Le Monde. La Société générale est contrainte de jouer la transparence [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lemonde.fr/economie/article/2007/12/11/la-societe-generale-est-contrainte-de-jouer-la-transparence_988322_3234.html?xtmc=selon_mme_gerst_les_dysfonctionnements_actuels_ne_doivent_pas_faire_oublier_que_ces_vehicules_financiers_aujourd'hui_en_difficultes_ont_permis_de_financer&xtcr=1 (дата обращения 11.12.2007).

⁶ Le Figaro. Renault dans le piège des normes antipollution [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lefigaro.fr/societes/2016/01/14/20005-20160114ARTFIG00353-renault-dans-le-piege-des-normes-antipollution.php (дата обращения 15.01.2016).

⁷ Le Monde. Recherche: vers une érosion aux Etats-Unis? [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lemonde.fr/sciences/article/2013/04/11/recherche-vers-une-erosion-aux-etats-unis_3158438_1650684.html?xtmc=falaise_fiscale&xtcr=3 (дата обращения 11.04.2013).

⁸ Le Monde. La France face au décollage économique de l'Afrique [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lemonde.fr/idees/article/2014/10/23/la-france-face-au-decollage-economique-de-l-afrique_4511649_3232.html?xtmc=la_croissance_

africaine_du_produit_interieur_brut_pib_est_depuis_plus_de_dix_ans_de_5_en_moyenne_par_an_derriere_l_asie_et_loin_devant_l_europe_le_pib_africain_devait_etre_multiplie_par_15_d_ici_a_2050_anticipe_la_banque_mondiale&xtcr=1 (дата обращения 23.10.2014).

- ⁹ Le Monde. «L'argent du contribuable a profité aux banques, pas à l'économie» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lemonde.fr/economie/article/2010/09/15/l-argent-du-contribuable-a-profite-aux-banques-pas-a-l-economie_1411322_3234.html?xtmc=les_fonds_colossaux_des_hedge_funds_depotes_aupres_de_lehman_ont_ete_geles_et_le_sont_encore_aujourdhui&xtcr=1 (дата обращения 15.09.2010).
- ¹⁰ Le Figaro. Alcatel-Lucent améliore ses marges [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/flash-eco/2015/10/29/97002-20151029FILWWW00043-alcatel-lucent-ameliore-ses-marges.php> (дата обращения 29.10.2015).
- ¹¹ Le Monde. Les touristes étrangers nombreux à abrégé leur séjour à Paris [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lemonde.fr/attaques-a-paris/article/2015/11/14/les-touristes-etrangers-nombreux-a-abreger-leur-sejour-a-paris_4810112_4809495.html?xtmc=politique_de_goodwill&xtcr=5 (дата обращения 14.11.2015).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во МГУ, 2000. 128 с.
2. Воробьев А. Е. Роль когнитивной функции метафоры в создании картины мира // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 3. С. 26–29.
3. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011. 222 с.
4. Даниленко В. П. Введение в языкознание: Курс лекций. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
5. Добросклонская Т. Г., Хуэйцин Чжан. Медиалингвистика в России и за рубежом: достижения и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 9–19.
6. Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.
7. Ковлакас Е. Ф. Семантические аспекты рыночно-экономической терминологии: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003. 201 с.

Nechaeva N. A., Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

OBJECTIVE FACTORS OF INTEGRATION PROCESSES IN THE LANGUAGE OF ECONOMICS

The analysis of integration processes in the language of economics makes it possible to talk about mobility of semantic structures in economic terminology, which is formed not only by terminological units of economics and other sciences but also by linguistic units resulting from the borrowing process. Borrowing is a complex multi-level process conditioned by a complex of linguistic and extra-linguistic reasons. From a cognitive perspective, borrowing is interpreted as an interaction of two conceptual spaces resulting in a borrowed concept or a conceptual framework. Borrowing underlies the internal and external integration of terminological components, which leads to semantic changes in the terminology of the language of economy. The processes of internal and external integration considered in this article are defined as the processes of "joining" lexical units from one linguistic system to another. Consequently, the units of these systems interact resulting in the creation of a new image of the object and a new meaning. At the level of linguistic units the process eventuates in the creation of a new connection between the form and the content of the sign.

Key words: extralinguistic factors; scientific term; interdisciplinarity; borrowing; internal integration; external integration

REFERENCES

1. Volodina M. N. *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoy informatsii)* [The cognitive-information nature of the term (based on the terminology of the mass media)]. Moscow, MGU Publ., 2000. 128 p.
2. Vorob'ev A. E. The role of the cognitive function of the metaphor in creating a picture of the world [Rol' kognitivnoy funktsii metafory v sozdaniy kartiny mira]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika* [Bulletin MSRU. Series: Linguistics]. 2011. № 3. P. 26–29.
3. Golovanova E. I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to cognitive terminology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 222 p.
4. Danilenko V. P. *Vvedenie v yazykoznanie: Kurs lektsiy* [Introduction to Linguistics. Lecture course]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 288 p.
5. Dobrosklońska T. G., Hujejcina Chzhan. Medialinguistics in Russia and Abroad: Achievements and Prospects [Medialingvistika v Rossii i za rubezhom: dostizheniya i perspektivy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication]. 2015. № 1. P. 9–19.
6. Zhuravlev A. F. *Domashniy skot v pover'yakh i magii vostochnykh slavyan. Etnograficheskie i etnolingvisticheskie ocherki* [Livestock in the beliefs and magic of the Eastern Slavs. Ethnographic and ethnolinguistic essays]. Moscow, Indrik Publ., 1994. 256 p.
7. Kovlakas E. F. *Semanticheskie aspekty rynochno-ekonomicheskoy terminologii: Dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic aspects of market-economic terminology: Abstract. dis. ... kand. filol. sciences]. Krasnodar, 2003. 201 p.

Поступила в редакцию 13.04.2017

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

rozchkova@mail.ru

**АНАФОРА В ПОЭЗИИ И. И. ДМИТРИЕВА: РОЛЬ РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУР
В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА***

Статья посвящена рассмотрению одного из выразительных приемов поэтического синтаксиса. Для анализа были привлечены все жанры, известные в творчестве поэта. Исследование текстов показывает, что инициальную позицию могут занимать все главные и второстепенные члены предложения. Анализируется морфологический способ выражения анафористических членов предложения, а также механизм, обуславливающий их постановку в начале строк. Выявлено взаимодействие анафоры с другими средствами речевой выразительности (лексическим повтором, антонимией) и способами синтаксического строения стиха (эпифорой, инверсией, полным и неполным синтаксическим параллелизмом), за счет чего наблюдается усиление экспрессивного потенциала инициального синтаксического компонента. Наряду с другими традиционными тропами и фигурами анафора выступает в поэзии И. И. Дмитриева как важный инструмент в выражении авторской позиции и эмоций лирического героя.

Ключевые слова: И. И. Дмитриев, поэзия конца XVIII – первой трети XIX века, поэтический синтаксис, анафора

Поэтический стиль одного из ярких представителей русского сентиментализма И. И. Дмитриева исследователи характеризуют как легкий и музыкальный. Опираясь в самом начале своего творческого пути на произведения М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, обращаясь к литературному опыту европейских поэтов и просветителей, а также своих выдающихся современников – Н. М. Карамзина и Г. Р. Державина, Дмитриев создал вместе с другими русскими сентименталистами ту словесную культуру, на которой позднее воспитывались Жуковский, Батюшков, Пушкин [1: 29].

Материал для статьи был собран в процессе подготовки синтаксического словаря русской поэзии [5]. Статья посвящена анализу синтаксической анафоры в разножанровых произведениях И. И. Дмитриева. Анафора понимается как позиционный тип повтора, основой которого могут стать единицы любых языковых уровней [4: 426]. Существующие исследования разных типов анафоры свидетельствуют о важности изучения этого средства при комплексном (лингвистическом, структурно-композиционном, смысловом) рассмотрении поэтических текстов [2], [6].

Под синтаксической анафорой как одним из частных приемов организации поэтического текста будем понимать выдвигание в начало стиховых строк тождественных членов предложения, имеющих идентичное или различное морфологическое выражение и лексическое наполнение. При этом учитываются члены как самостоятельных простых предложений, так

и простых в составе разных типов сложных предложений. Анафорическими будут считаться и члены предложения, связанные с помощью союзов, которые в силу синтаксического построения выступают в начале строки: «**Пролием** слез токи в жертву / **И простимся**... вечно с ним!» (169)¹.

В центре нашего внимания контактная анафора, то есть размещение тождественных синтаксических компонентов в двух (и более) смежных параллельных строках. Хотя следует признать, что контактная анафора активно поддержана в стихотворениях Дмитриева и за счет дистантного инициального повтора: «**Да ниспошлет** бессмертна внуку / Свой дар сердцами обладать; / **Да укрепит** монаршу руку / Кормилом царства управлять!» (76–77). Если тождественные члены предложения выступают в последней строке строфы и в первой строке следующей строфы, то они также рассматриваются как анафорические.

Примечательно, что анафора обнаруживается не только в поэтических текстах, но и в прозе Дмитриева: «Жизнь наша скоротечна... **Будем стараться** провождать ее с пользой для наших ближних... **Будем стараться** уменьшать наши грусти, жить весело <...> **Будем сносить** с терпением бедствия печального мира» [3: 31].

Методом сплошной выборки были извлечены анафоры с участием всех членов предложения. Статистические данные, включающие в себя информацию о числе анафор с учетом количества занимаемых строк и жанровой приуроченностью, представлены в таблице².

Члены предл. Жанры	Подлежащее	Сказуемое	Главный член односоставного предложения	Дополнение	Определение	Обстоятельство
двустрочная анафора – 207 (73)						
Аполог	9	1				(1)
Басня	12 (3)	17 (1)	2	4		2 (1)
Внежанровое стихотворение	20 (12)	19 (2)	12 (4)	8	8 (1)	10 (8)
Идиллия		1				
Мадригал	(1)					
Надпись		1				(1)
Ода	3 (2)	9 (2)	3 (1)	4 (1)		5 (4)
Песня	4		(2)			
Подражание	2	2 (1)			1	(3)
Послание	2	4 (2)	(3)	2		
Романс	2	2	1			1
Сказка	8 (2)	9 (1)	2 (1)	1	2	9 (5)
Элегия	(1)	1	2 (1)	2 (1)		(2)
Эпиграмма	(1)					
Эпитафия	(1)	(1)				
Всего	62 (23)	66 (10)	22 (12)	19 (2)	11 (1)	27 (25)
трехстрочная анафора – 30 (7)						
Басня	4 (1)	1		1		1
Внежанровое стихотворение	2 (1)	6 (1)	4 (1)			
Идиллия			1			(1)
Ода		1				
Подражание			1			
Послание	(1)		1		1	
Романс	(1)					1
Сказка	4					1
Всего	10 (4)	8 (1)	7 (1)	1	1	3 (1)
четырёхстрочная анафора – 8 (1)						
Басня	2					
Внежанровое стихотворение		1	1	1		1
Подражание	(1)					
Сказка				1		1
Всего	2 (1)	1	1	2		2
пятистрочная анафора – 4						
Басня	1					
Внежанровое стихотворение	1					
Романс			1			
Сказка	1					
Всего	3		1			

В следующих примерах отражены типичные случаи организации синтаксической анафоры с использованием главных и второстепенных членов предложения.

Сказуемое как компонент синтаксической анафоры представлено следующими примерами:

- однородные сказуемые, выраженные формами повелительного наклонения глаго-

лов 2 лица ед. ч.: «**Шуми**, Иртыш, реви ты с нами / **И вторь** плачевным голосам!» (78);

- простые сказуемые, выраженные личными формами глагола: «<...> **Сотрут**ся обелисков виды; / **Исчезнут** Ксерксовы полки <...>» (75);
- однородные сказуемые, выраженные личными формами глагола: «Бесперестанно он копышется везде, / **Гоняется** за мной на суше, по

воде, / **Заползывает** в грот, встречается в аллее, / **Я** в церковь, он туда ж!» (102);

- именные части сказуемого, выраженные краткими прилагательными: «**Страшна** твоя, царица, власть! / **Страшна** твоя и прозорливость...» (74).

Синтаксическая анафора с использованием главных членов односоставных предложений:

- главные члены односоставных определенноличных предложений, выраженные личной глагольной формой: «<...> **Люблю** с угрюмых скал гремящи водопады; / **Люблю** и озера спокойный, гладкий вид, / Когда его стекло вечерний луч златит» (122);
- главные члены односоставных предложений, выраженные формами повелительного наклонения глаголов 2 лица ед. ч.: «**Ходи** с поникшею главой; / **Шатайся**, рвись вокруг сел несчастных <...>» (73);
- главные члены односоставных предложений, выраженные инфинитивом: «<...> Опомнясь, под вечер вздохнуть, / **Искать** пристанища к покою, / **Найти** его, прилечь и наконец уснуть...» (139).

В некоторых случаях можно условно говорить о синтаксической анафоре из-за инициального повтора разных членов (сказуемого простого предложения и главного члена односоставного предложения), хотя и имеющих сходное морфологическое выражение: «<Так, умница! храни, лелей ты нежный цвет / Под собственной рукою / **И удобряй** его учения росой. / **Пекись**, чтоб излился он райский аромат, / Когда желанный день созрения настанет <...>» (126).

Выдвижение в начало строк глагольного сказуемого (именно оно, за редким исключением, представлено в стихотворениях) можно объяснить актуализацией действий, а также намеренным созданием экспрессии, которая достигается за счет повтора одного и того же глагола: «**Приходит** нищ сюда – за прах сей бога просит; / **Приходит** дружба – вздох, стон в груди приносит <...>» (320). Выразительный прием анафорического использования сказуемых, выступающих в двух самостоятельных предложениях, встречаем в известном стихотворении «Стонет сизый голубочек...», в котором повторяется глагол в конце последней строки и в начале первой строки двух разных строф: «С нежной ветки на другую / Перепархивает он / И подружку дорогую / **Ждет** к себе со всех сторон. // **Ждет** ее ...увы! но тщетно, / Знать, судил ему так рок!» (128). Подобный «подхват» наряду с традиционной внутрострофной анафорой («**Стонет** сизый голубочек, / **Стонет** он и день и ночь <...>»), поддержанный также горизонтальным внутрострофным повтором (ср.: «**Сохнет, сохнет** неприметно / Страстный, верный голубок»), создает глубокое эмоциональное переживание и напряжение.

Среди отмеченных выше способов выражения главных членов не последнее место занимают императивы: экспрессивный потенциал таких форм во многом усиливается за счет concentra-

ции в начале контактных строк. Формы повелительного наклонения включены как в прямую речь лирического героя, так и в прямую речь персонажей. Императивы выражают побуждение к действию, адресованное собеседникам, в качестве которых выступают люди, животные (персонифицированные герои басен), неодушевленные объекты (например, река Иртыш в стихотворении «Ермак»). Как и в случае с глаголами изъявительного наклонения, усиление выразительности императивов также достигается посредством повтора одного слова: «**Гряди** на трон России с богом, / **Гряди**, отечества отец!» (77).

Синтаксическая анафора с использованием подлежащего:

- подлежащее, выраженное существительным: «<...> **Ни нимфы** диких гор и бархатных лугов, / **Ни боги** светлых рек и тихих ручейков / Не слышали еще им незнакомой лиры» (121);
- подлежащее, выраженное личным местоимением: «<...> **Он** вечный мрак простер на вас!» / «**Он** шел как столп, огнем палящий <...>» (79);
- подлежащее, выраженное вопросительным местоимением: «**Кто** первый поспешит дать искренний совет? / **Кто** первый по тебе от сердца вздохнет? / **Кто** первый ободрит бес- смертной лиры звуки <...>» (120);
- подлежащее, выраженное определенным местоимением: «**Один**, носок повеса, сел; / **Другой** вспорхнул, взвился, летит, летит стрелой <...>» (198).

Синтаксическая анафора с использованием определения:

- определение, выраженное полным прилагательным: «**Надменный** дуб, главу меж прочих возносящий, / **И светлый** оный щит, внизу его висящий» (257);
- определение, выраженное притяжательным местоимением: «Тверди во всякую минуту / Темирину над сердцем власть, / **Ее** ко мне жестокость люту, / **Мою** к ней пламенную страсть!» (271);
- определение, выраженное порядковым числительным: «**На третий** слушают, не поднимая глаз; / **В четвертый** – с робостью отказ; / **На пятый** – слабое упорство и смятение; / **В шестой** – ни да, ни нет, и страх, и сожаленье; / **В седьмой** – без головы; / **В осьмой** – увы!» (347–348);
- определение, выраженное инфинитивом: «Итак, еще имел я в жизни утешенье / **Внимать** журчанию домашнего ручья, / **Вкусить** покойный сон под кровом, где родился, / **И быть** в объятиях родителей моих!» (154).

Синтаксическая анафора с использованием дополнения:

- дополнения, выраженные падежными формами существительных: «**Я** видел войско сопостат; / Как змий, хребет свой изгибает, / **Главой** уже коснулось врат; / **Хвостом** всё поле покрывает» (84);

- дополнения, выраженные сочетаниями существительных с предлогами: «Да увенчают россияне / **Из злата** вылитый твой зрак, / **Из ребр** Сибири источена / Твоим булатным копей!» (82);
- дополнения, выраженные личным местоимением с предлогом: «<...> **С тобой** и дика степь Тибуллу будет раем; / **С тобою** он готов быть зноем прожигаем <...>» (143);
- дополнения, выраженные определительным местоимением: «А я / Теперь же, будто на ладоне, / **Всё** вижу на версту вокруг / **И всё** пере-сказать готова, – слушай, друг <...>» (219).

Синтаксическая анафора с использованием обстоятельств:

- обстоятельства, выраженные сочетаниями существительных с предлогом: «**В театре** всякий день, оттоле / **В Тиволи** и Фраскати, в поле» (348);
- обстоятельства, выраженные наречиями: «**Уже** с них сыплет пот, как град; / **Уже** в них сердце страшно бьется <...>» (80).

Механизм возникновения анафоры тесно связан с синтаксическим строем, а именно типами предложений и распределением их компонентов в пределах смежных строк: «Волк, полуночный тать, / **Схватил** козленочка. “Не смей его терзать, – / **Воскликнул** Лев, – пусти!” И волк ему послушен. / Подлец всегда свиреп; герой великодушен» (341). Как видим, в представленном примере сказуемое первого предложения, оторванное от подлежащего осложняющим субстантивным оборотом, «открывает» вторую строку аполога. Во втором предложении с прямой речью слова автора, представляющие собой простое нераспространенное предложение, вынесены в начало третьей строки, и в силу инверсионного расположения главных членов сказуемое выступает в инициальной позиции. Образованная двумя глагольными предикатами анафора подчеркнула характерный для первой части аполога динамизм (ср. обилие глагольных форм во второй и третьей строках), противопоставленный именному характеру последних двух предложений. Нельзя также не отметить связь синтаксической и смысловой организации этого аполога с размером, а именно отличие первой строки, написанной трехстопным ямбом, от остальных шестистопных ямбических строк. Резкий метрический и синтаксический обрыв первой строки обусловил последующий анафорический строй, актуализировал динамизм действий и подчеркнул их внезапность.

В организации синтаксической анафоры можно выделить ключевые особенности и закономерности. Проявляя в основном экспрессивную самодостаточность, анафора часто выступает в комплексе с другими выразительными средствами и фигурами. Например, сочетание анафорического повтора с эпифорой: «<...> **Тавридец**, чтитель Магомета, / Поклонник идолов **калмык**, / **Башкирец** с меткими стрелами, / С булатной саблею **черкес** / Ударят с шумом вслед за нами / И прах поднимут до небес!» (74). В этом

предложении анафорическое расположение однородных подлежащих в первой и третьей строках сочетается с эпифорой в четных строках.

Анафорический компонент в ряде случаев является частью такого приема, как синтаксический параллелизм. Вариант полного параллелизма представлен в стихотворении «Гимн богу», где три строки последней строфы являются стройным по форме и утвердительным по интонации аккордом, завершающим философские размышления лирического героя: «Сядущий в неприступном свете, / Над мириадами миров, / **Ты** взором солнца возжигаешь, / **Ты** манием миры возвращаешь, / **Ты** духом ангелов творишь, / И словом, мыслию одною – / Сию пылинку пред тобою – / Громаду света истребишь!» (94). Анафора может быть частью не полностью реализованного параллелизма, выраженного в симметричном употреблении отдельных членов: «Признанием к богам и верою полна, / **Уже** она его во снедь для них **готовит**; / **Уже** дрожащими руками птичку **ловит** <...>» (152), «Взгляни на ратно поле: / Взгляни на юношей, на этот милый цвет, / Которые летят на смерть по доброй воле, / **На смерть прекрасную**, сомнения в том нет, / **На смерть похвальную**, везде превозносиму <...>» (230).

В оде «Глас патриота на взятие Варшавы» на фоне лексического и синтаксического референса подчеркнута контекстуальная антонимия существительных: «**С тобой** нам **рвы** не глубоки, / **С тобою** низки страшны **горы**» (74). В стихотворении «Освобождение Москвы» дважды используется этот прием, подчеркивающий значимость описываемого исторического события: «Пирует смерть и ужас мечет / Во град, и в доли, и в леса! **Там дева** юная трепещет; / **Там старец** смотрит в небеса <...>» (85), «**Трикраты день** воссиявал, / **Трикраты ночь** его сменяла; Но бой еще не преставал / И смерть руки не утомляла <...>» (85).

Посредством анафорического повтора подлежащих, выраженных личными местоимениями, создается подчеркнутое противопоставление персонажей в басне «Змея и Пиявица»: «Да в цели нашей сходства нет: / **Я**, например, людей к их пользе уязвляю, / **А ты** для их вреда; / **Я** множество больных чрез это исцеляю, / **А ты** и не больным смертельна завсегда» (200). Тема басни связана с острыми социально-политическими вопросами, и под персонажами басни понимаются такие приемы, как сатира и критика. Анафора, наряду с антонимами и противительными союзами, способствует выражению отношения автора к критике и сатире, как к инструментам, используемым против обличения общественных и политических недостатков самодержавного строя. Для поэта критика является лекарством, а сатира – отравой [3: 57].

Противопоставление персонажей, а также лирического героя и одушевленного объекта лирической эмоции через анафорическое использование личных местоимений **я** – **мы** встречается

в стихотворениях «Слепец и Расслабленный», «К*** о выгодах быть любовницею стихотворца», «Тише, ласточка болтлива!..», «Песня (Ты клялась мне, ты божилась...), через оппозицию **я** – **она** в стихотворении «Всё ли, милая пастушка...».

Среди стихотворений Дмитриева обращают на себя внимание те, для которых характерно комплексное использование анафор, охватывающих сразу несколько контактных строк. Анафора, представленная в трех и более параллельных строках подряд, хотя и не доминирует, но встречается нередко («Чужой толк», «На мир с Османскою Портою», «Отъезд», «Я» и др.). Рассмотрим пример из стихотворения «Смерть князя Потемкина»: «**Уныл** внезапно лавр зеленый / **Уныл** и долу преклонен! / **Восстани**, свыше вдохновенный, / **Восстани**, бард, сын всех времен! / **Бери** обвиту крепом лиру; / **Гласи** на ней, поведай миру / **Печаль** чувствительных сердец, **Стон** воинов непобедимых, / В слезах среди трофеев зримых; / Гласи... Потемкина ко-

нец!» (272–273). Примечательно, что разнотипные анафоры – лексическая, морфолого-синтаксическая – сосредоточены в самом начале стихотворения и определяют торжественно-приподнятый тон всего стихотворения, созданного по случаю кончины государственного деятеля и полководца Г. А. Потемкина.

Статистические данные, основанные на исследовании всех, включенных в полное собрание, стихотворений, а также анализ отдельных поэтических образцов с анафорическими построениями позволяют говорить о том, что анафора является важным компонентом в системе традиционных изобразительно-выразительных средств и средств синтаксической экспрессии, к которым обращался автор. Анафора, усиленная лексическим повтором, органично представлена в баснях, язык которых приближен к разговорному, и в одах, где она становится средством, поддерживающим, а в некоторых случаях и задающим эмоционально-приподнятые интонации.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. 304 с. Страницы указаны в круглых скобках после примера. В цитируемых фрагментах полужирным написанием выделены анафорические компоненты в каждой строке. Границы строк внутри строфы обозначены косой наклонной чертой.
- ² В таблице цифра без скобок обозначает общее количество анафор, следующая цифра в скобках – количество анафор с лексическим повтором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 24–147.
2. Глушаков П. Семантическое значение анафоры в структуре поэтического текста // Cuadernos de Rusística Española. 2006. № 2. С. 68–80.
3. Макогоненко Г. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. С. 5–68.
4. Москвин В. П. Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Дону: Феникс, 2006. 630 с.
5. Патроева Н. В. Проект синтаксического словаря русской поэзии XVIII – первой половины XIX века: первые итоги // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 52–55.
6. Суодене Э. Г. Анафора в лирике М. И. Цветаевой (стилистикальный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990. 23 с.

Rozhkova A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ANAPHORA IN I. I. DMITRIEV'S POETRY: THE ROLE OF RHETORICAL FIGURES IN THE SYNTACTICAL STRUCTURE OF POETICAL TEXTS

The article is devoted to the examination of one of the methods of poetical syntax's expressiveness. All poetical genres were researched. According to the analysis, the main and the minor members of the sentence can take the initial position. The morphological analysis of the members of the sentence is examined and a mechanism of the anaphora's formation is described. The anaphora interplays with such lexical methods as reiteration, antonyms, epithora, parallelism, and inversion. As a result, the anaphora's expressive potential intensifies. In Dmitriev's poetry anaphora together with other traditional tropes and syntactical figures becomes an important instrument assistive in the expression of the author's position and emotions of the hero's lyric.

Key words: I. I. Dmitriev, poetry of the end of the XVIII – the first third of the XIX century, poetry's syntax, anaphora

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. From observation about I. I. Dmitriev's language and stil [Iz nablyudeny nad yazykom i stilem I. I. Dmitrieva]. *Vinogradov V. V. Izbrannyye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisateley. Ot Karamzina do Gogolya*. Moscow, Nauka Publ., 1990. P. 24–147.
2. Glushakov P. Semantic meaning in poetic text's structure [Semanticheskoe znachenie v strukture poeticheskogo teksta]. *Cuadernos de Rusística Española*. 2006. № 2. P. 68–80.
3. Makogonenko G. "Private warrior on Pinda" (Ivan Dmitriev's poetry) ["Ryadovoy na Pinde voin" (Poeziya Ivana Dmitrieva)]. *Dmitriev I. I. Polnoe sobranie stikhotvoreny*. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1967. P. 5–68.
4. Moskvina V. P. *Stilistika russkogo yazyka. Teoreticheskiy kurs* [Stylistics of Russian language. Theoretical course]. Rostov on Don, Feniks Publ., 2006. 630 p.
5. Patroeva N. V. Syntactical dictionary's of Russian poetry of XVIII – first half of XIX century: first results [Proekt sintaksicheskogo slovarya russkoy poezii XVIII – pervoy poloviny XIX veka]. *Vestnik Donetskogo national'nogo universiteta. Ser. B. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Ser. B. Humanities]. 2016. № 1. P. 52–55.
6. Suodene E. G. *Anafora v lirike M. I. Tsvetaevoy (stilisticheskiy aspekt): Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Anaphora in M. I. Tsvetaeva's lyric poetry (stylistic aspect): Abstract of thesis ... cand. of philol. science]. Minsk, 1990. 23 p.

Поступила в редакцию 05.12.2016

ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА ПОПОВА

соискатель кафедры современного русского языкознания
филологического факультета, Башкирский государствен-
ный университет (Уфа, Российская Федерация)
lyakimovich@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СОВРЕМЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА ТЕРМИНА

Представлен обзор имеющихся лингвистических исследований, посвященных феномену ключевых слов. Приводятся термины, используемые для обозначения данной языковой реалии (ключевые слова текущего момента, ключевые слова эпохи, ключевые символы эпохи, лексика сегодняшнего дня, ключевые слова культуры, модные слова), и их определения. Предпринята попытка выделить подходы к изучению этого явления: в разные группы объединены ключевые слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры; ключевые слова, показывающие основные экономические и социальные изменения, политическую актуальность ситуации или события, к которому относятся; ключевые слова, отражающие ценностные, культурные приоритеты и мировоззренческие ориентиры общества конкретного времени. Особое внимание уделяется последней группе слов, дифференцируются понятия модных слов и ключевых слов эпохи. Обосновывается введение в научный оборот нового термина – ключевые слова современности, приводятся признаки и примеры таких слов.

Ключевые слова: ключевые слова эпохи, ключевые слова текущего момента, ключевые слова культуры, модные слова, концепт, проблема термина

Понятие «ключевые слова современности» на сегодняшний день является не вполне отрефлектированным в лингвистике, оно только начинает входить в научный оборот и использоваться в трудах по лексикологии и лингвокультурологии. В появляющихся исследованиях, затрагивающих вопросы знаковых для определенного времени слов, языковых предпочтений, встречаются различные обозначения данного языкового явления: слова-хронофакты, ключевые слова эпохи, лексические маркеры эпохи, ключевые слова текущего момента, символы эпохи, лексика сегодняшнего дня, модные слова и т. д. Такое многообразие терминов отчасти можно объяснить тем, что сочетание «ключевые слова» или «слова-ключи» – скорее, метафора, нежели научный термин в точном понимании этого слова. Однако при сходстве рассматриваемой проблематики не все термины можно назвать синонимичными друг другу. При выборе обозначения анализируемого явления ученые отталкиваются, в первую очередь, от специфики понимания предмета исследования.

Представим характеристику взглядов лингвистов на данный феномен.

Впервые к проблеме ключевых слов в отечественной лингвистике обратилась Т. В. Шмелева. В начале 1990-х годов она ввела в научный оборот понятие «ключевые слова текущего момента». По ее определению, это «слово, оказавшееся в центре всеобщего внимания» [18: 33]. Среди признаков таких слов – частотность использования, языковая рефлексия, изменение лексических параметров (расширяются возможности метафорического употребления слова, модифицируются

синонимические и антонимические отношения), активизация грамматических возможностей (деривационный потенциал), расширение сферы употребления и семантики [19]. Т. В. Шмелева показала, что в тот период к числу таких слов относились существительные *демократия*, *рынок*, *ваучер*, *август*; ключевым словом текущего момента 2008–2009 годов она называет *кризис*. Согласно ее исследованию, словарь ключевых слов, который отличается подвижностью и быстрой сменяемостью состава, включает около сотни слов, образующих пять семантических групп – время, социум, субъекты, право, рынок.

«Ключевыми словами эпохи» Е. А. Земская называет «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [5: 92]. Она отмечает, что к ключевым словам эпохи относятся и высокочастотные имена собственные, и имена нарицательные. В своих работах исследователь акцентирует внимание на том, что ключевые слова имеют высокий деривационный потенциал, «внимание к ключевым словам определенного времени важно при изучении активных процессов словообразования, ибо они широко используются как базовые основы, рождая новые группы однокоренных слов». Такие слова характеризуются высокой частотностью употребления и словообразовательной активностью, поскольку за ними стоят понятия или явления, чрезвычайно важные для данной эпохи. Е. А. Земская среди ключевых слов эпохи 1990-х годов называет слова *перестройка*, *приватизация*, *гласность*, они представляют «номинативный облик эпохи» [5].

Иное понимание ключевых слов представлено в книге А. Вежицкой, которая содержит

этот термин уже в самом названии – «Понимание культур через посредство ключевых слов»: «...это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [2: 35]. Ключевые слова культуры не зависят от эпохи, временной фактор здесь не играет определяющей роли. Основные положения, развиваемые А. Вежбицкой, заключаются в том, что разные языки существенно разнятся в отношении своего словарного состава, и эти различия отражают различия ядерных ценностей соответствующих культурных общностей. Она стремится показать, что всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи ключевых слов языка, обслуживающих данную культуру. По ее мнению, для того чтобы выявить ключевые слова той или иной культуры, необходимо установить, что слово, о котором идет речь, является общеупотребительным, а не периферийным; очень часто используется в какой-то одной семантической сфере; находится в центре фразеологического семейства; возможно, часто встречается в пословицах, изречениях, песнях и т. д. Так, среди ключевых слов русской культуры она называет слова *судьба, душа* и *тоска*, отражающие характер и менталитет всего русского народа [2].

Подобная трактовка ключевых слов разделяется Ю. С. Степановым, который анализирует их в культурологическом аспекте и обозначает как «константы культуры», «устойчивые концепты культуры» или «некий постоянный принцип культуры» [13]. Для русской культуры характерны следующие ценности, заложенные в константах: *мир, Русь/Россия, правда, закон, знание, деньги, любовь, слово, душа, грех, наука, интеллигенция, личность, огонь, вода, хлеб, цивилизация, время, дом, язык, совесть, грусть* и др.

В. Г. Костомаров приводит примеры слов и выражений, которые стали ключевыми символами эпохи [7]: *перестройка, гласность, застой, демократизация, приватизация* и многие другие. Под ключевыми символами эпохи в целом он признает неологизмы:

- слова, появившиеся в языке для выражения новых, ранее неизвестных понятий: *ноу-хау, он-лайн, саммит, спикер, приватизация*;
- слова, приобретающие новое значение (дополнительные актуальные коннотации): *рынок, бизнесмен, предприниматель, перестройка*;
- слова, вновь актуализированные в определенную эпоху вследствие их более высокой коммуникативной пригодности и адекватности для отражения историко-значимых общественных перемен данной эпохи: *департамент, губернатор, гимназия, гувернантка*.

Много исследований посвящено категории «модных слов». Такие слова отражают приоритеты, сформировавшиеся в данной лингвокультуре в определенное время. Н. Г. Журавлева отмечает,

что «модные слова в каждый временной период могут быть признаны самой информативной (в социолингвистическом плане) категорией лексикона» [4: 132]. Среди основных критериев модных слов она называет:

- относительную новизну, «свежесть» слова;
- актуальность, современность, частотность таких слов;
- соответствие эстетическим вкусам и потребностям определенной части социума;
- модное слово характеризуется расширением синтаксических связей, следствием которых является амбивалентность прагматики и «опущенность» семантики.

Термин «слова-хронофакты» предпочитает З. Е. Фомина, в ее понимании такие лексемы выступают как своеобразные маркеры эпохи: «...в определенный отрезок времени они приобретают исключительно важное значение, обозначая общественно значимые понятия и благодаря своей актуальной семантике становятся популярными у носителей языка» [15: 208]. Так, она описывает слова, которые в советских политических текстах соответствуют определенному срезу времени: *стахановец, космополит, гласность, культ личности, либерализация*.

Е. В. Синкина предлагает слова, способные при произнесении или при встрече в тексте поддерживать ассоциативную связь с определенным временным отрезком, называть маркерами эпохи. Автор говорит о наличии в структуре слов семантических компонентов, характеризующих временной статус лексических единиц (о чем, по ее мнению, свидетельствуют пометы в словарях типа *устаревшее, неологизм, архаизм, историзм*). Анализируя лексические единицы немецкого языка, Е. В. Синкина приходит к выводу: слова способны аккумулировать и передавать информацию об определенном периоде времени [12].

Е. И. Шейгал пишет о «лексике сегодняшнего дня», акцентируя внимание на ее злободневности: это слова, связанные с политическими инициативами и кампаниями (*ваучер, приватизация, рынок, реформы*), названия конкретных политических событий (*Карибский кризис, война в Чечне, путч*), лозунги и лозунговые слова, имена действующих политиков [17].

И. Ю. Шачкова рассматривает ключевые слова эпохи в политическом дискурсе, материалом для ее исследования послужили газетные статьи британских периодических изданий. Под ключевыми словами эпохи она понимает «лексемы, обозначающие наиболее актуальные понятия или явления определенного исторического периода» [16: 6]. В ее исследовании ключевые слова эпохи описываются посредством концептуального анализа, признаются именами политических концептов.

М. А. Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва», говоря о ключевых словах эпохи, отмечает следующее: «...про эти периоды

можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха» [8: 14]. В его понимании ключевые слова эпохи и модные слова практически синонимичны. С таких позиций он рассматривает лексемы *элитный, эксклюзивный, знаковый, правильный, актуальный, реальный* и др.

Н. С. Валгина по поводу наличия ключевых слов эпохи высказывается следующим образом: «Каждое время имеет некоторый набор слов, которые, в силу сложившихся обстоятельств, становятся модными, широко и разнообразно употребляемыми. Это своеобразные “знаковые” слова эпохи. Большую роль в их распространении играют СМИ, создавая речевую среду, в которой задаются эталоны, нормы. “Массовой болезнью языка” называют иногда лингвисты подобное словоупотребление. Таких слов немного, но они звучат навязчиво, контекстуально широко: *модель, обвал, беспредел, раскрутка, тусовка, крутой* и некоторые другие» [1: 80]. Таким образом, Н. С. Валгина, как и М. А. Кронгауз, сближает понятия ключевых слов эпохи и модных слов.

О. А. Семенов пишет, что для каждой эпохи характерны свои ключевые слова или слова-символы. Они «активно употребляются в средствах массовой информации, являются неотъемлемой частью языка политики, пропаганды и бытового общения», «изучение таких языковых единиц позволяет раскрыть основные социальные, культурные, ценностные и др. ориентиры общества и личности эпохи» [11: 129]. В качестве материала для изучения исследователь использует художественные тексты, написанные в 80–90-е годы прошлого века; к ключевым лексическим единицам этого периода, по мнению автора, можно отнести слова *реформы, коррупция, гласность, плюрализм, перестройка* и т. д.

В 2013 году было издано учебное пособие Н. А. Кузьминой и Е. А. Абросимовой «Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени», в котором имеется глава, посвященная ключевым словам текущего момента. Авторы перечисляют основные параметры ключевых слов текущего момента, опираясь в основном на исследования Т. В. Шмелевой. Включение такой главы в учебное пособие говорит об актуальности данной темы в лингвистике и о постепенном перемещении ее из разряда периферийных областей в одну из центральных.

Кроме того, в настоящее время начинают появляться исследования ключевых слов эпохи на материале отдельных лексем. Так, в 2013 году вышла в свет статья М. А. Степановой «Современное идеологическое пространство России: ключевые слова эпохи», где автор выявляет и анализирует ключевые слова, являющиеся маркерами новейших идеологических установок в отношении главных направлений государственной деятельности, среди которых называет лексемы *ЕГЭ* и *инновации*.

В 2014 году была опубликована статья Е. Ю. Виданова под названием «Семантический и деривационный потенциал ключевых слов эпохи, или страсти по *олимпиаде*». Под ключевыми словами эпохи в исследовании понимаются «особые лексические маркеры, отражающие актуальное состояние концептосферы языка и обладающие весомым прагматическим содержанием» [3: 85]. Автор анализирует слово *олимпиада*, ставшее ключевой лексемой на период с 2007 года, когда Сочи объявили местом проведения зимних Олимпийских игр-2014, до момента утихания бурного обсуждения итогов мероприятия в 2014 году. Отмечается, что произошло значительное расширение лексической сочетаемости и деривационного потенциала, лексема стала объектом языковой игры. Е. Ю. Виданов приходит к выводу, что «любое значимое для жизни социума событие отражается в речи носителей данного языка» [3: 91].

Реакцией на проведение зимних Олимпийских игр в Сочи стала также вышедшая в 2014 году статья С. В. Ильясовой «Ключевые слова-маркеры эпохи как объект языковой игры (на материале языка российских СМИ)», предметом анализа здесь являются топоним *Сочи* и аббревиатура *СМИ*. Автор отмечает, что ключевые слова выступают как базовые в процессе словотворчества (в одном из ее трудов вводится термин «лавинообразное словотворчество»). Также из наблюдений С. В. Ильясовой становится ясно, что одним из показателей социальной значимости таких слов выступает их участие в языковой игре [6].

Как видно из описанного выше, понятие ключевых слов является достаточно разнородным. Однако все воззрения на данную проблему можно объединить в группы по сходству точек зрения:

- Ключевые слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры. Для их обозначения используются термины «ключевые слова культуры», «константы культуры», «устойчивые концепты культуры» (А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов).
- Ключевые слова, которые отражают основные экономические и социальные изменения, политическую актуальность ситуации или события, к которому относятся. Исследователи по-разному называют данный феномен: слова-хронофакты, лексика сегодняшнего дня, ключевые слова эпохи, ключевые слова текущего момента, маркеры эпохи (З. Е. Фомина, Е. И. Шейгал, И. Ю. Шачкова, Т. В. Шмелева, Е. В. Синкина, Е. Ю. Виданов, С. В. Ильясова).
- Ключевые слова, не столько связанные с политически значимыми событиями, которые становятся на определенное время бурно обсуждаемыми, сколько отражающие ценностные, культурные ориентиры общества конкретного времени. Это языковое явление получило несколько наименований: ключевые слова эпохи, слова-символы, модные слова (Е. А. Земская,

Н. С. Валгина, М. А. Кронгауз, О. А. Семенюк, Н. Г. Журавлева, М. А. Степанова).

Отметим, что первая и третья из выделяемых групп определений соотносятся по логическому объему как общее и частное: широкое с точки зрения временных границ понятие ключевых слов культуры какого-либо этноса в целом и, напротив, актуальное для современной социокультурной ситуации ключевое слово.

Вернемся к последней группе ключевых слов. По своим смысловым характеристикам она может быть разделена на две подгруппы. Так, к первой подгруппе будут относиться ключевые слова, которые в определенное время выступают самой информативной (в социолингвистическом плане) категорией лексики, обладают такими признаками, как актуальность, современность, высокая частотность употребления, и отражают основные ценности общества конкретного исторического периода. При таком понимании эта подгруппа больше отвечает признакам модных слов (встречающиеся обозначения – модные слова, слова-символы). Слова второй подгруппы также будут иметь перечисленные свойства, но их отличие мы видим в том, что они начинают приобретать статус концептов, более длительное время находятся в центре языковой системы языка (а не в периферийной ее части). Концепт, по определению Ю. С. Степанова, «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [13: 43]. Согласно Е. С. Кубряковой, концепт является результатом столкновения значения слова с личным опытом человека [9].

Наибольший интерес для нас представляют слова второй подгруппы, которые могут обозначаться как ключевые слова эпохи или ключевые слова современности. Выбор того или иного термина должен зависеть, на наш взгляд, от продолжительности исторического периода, лексика которого становится предметом исследования. Слово *эпоха*, входящее в состав термина «ключевые слова эпохи», имеет основное значение «длительный период времени, выделяемый по ка-

ким-нибудь характерным явлениям, событиям». Ассоциации к этому слову подтверждают словарное значение: *эра, история, век, ренессанс, веха, коммунизм, античность, столетие, тысячелетие* и т. п. (данные по «Словарю ассоциаций», <http://sociation.org/word/>). Таким образом, этот термин уместнее было бы использовать при описании ключевых слов более длительных, более глобальных исторических периодов (например, эпохи коммунизма и т. д.). Слово же *современность*, являющееся частью термина «ключевые слова современности», обычно дефинируется как определенный отрезок времени без указаний на его длительность, следовательно, термин «ключевые слова современности» предпочтительнее употреблять для анализа лексики относительно непродолжительного времени. Однако нельзя упускать из виду, что современность – понятие философское, и философы определяют его как содержательно-темпоральное, а не формально-календарное. То есть, чтобы определенный отрезок времени назвать современностью, он должен обладать некоторыми уникальными свойствами, отличающими его от других периодов.

Особенности ключевых слов современности как языкового явления заключаются в следующем. Активно употребляясь в разных типах дискурса (в средствах массовой информации, языке политики, бытовом общении и т. д.), ключевые слова современности участвуют в двустороннем процессе: с одной стороны, отражают взгляды и ценности общества определенного периода, а с другой – формируют их, влияют на формирование картины мира личности. Такие слова, безусловно, обладают манипуляционным потенциалом. Изучение данных языковых единиц, как нам представляется, позволяет раскрыть основные аксиологические приоритеты современников – отражение в сознании ценностей, признаваемых ими в качестве важных, необходимых, полезных материальных благ и идеалов, жизненных стратегических целей и общих мировоззренческих ориентиров. Так, среди ключевых слов современности (начала XXI века) можно назвать лексемы *дизайн, интернет, качество, клиент, кредит, менеджер, оптимизация, пользователь, проект, продукт, результат, решение, услуга, фитнес* и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Виданов Е. Ю. Семантический и деривационный потенциал ключевых слов эпохи, или страсти по олимпиаде // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 85–91.
4. Журавлева Н. Г. «Модное» слово: к вопросу о содержании понятия // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 132–137.
5. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.
6. Ильясова С. В. Ключевые слова-маркеры эпохи как объект языковой игры (на материале языка российских СМИ) // Грани познания. Волгоград, 2014. № 1. С. 60–62.
7. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
8. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
9. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1992. С. 84–90.

10. Кузьмина Н. А., Абросимова Е. А. Активные процессы в современном русском языке и коммуникации новейшего времени: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. 256 с.
11. Семенюк О. А. Ключевые слова в картине мира и языке эпохи // *Культура народов Причерноморья*. 2002. № 32. С. 129–132.
12. Синкина Е. В. Лексические единицы как маркеры эпохи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 18 с.
13. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. 990 с.
14. Степанова М. А. Современное идеологическое пространство России и коммуникации новейшего времени // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы IX Междунар. науч. конф. Нижневартовск, 2013. С. 166–169.
15. Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // *Язык и эмоции*. М., 1999. С. 207–215.
16. Шачкова И. Ю. Семантика «ключевых слов эпохи» (Эпоха Т. Блэра, 1997–2007): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2008. 18 с.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
18. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // *Collegium*. Киев, 1993. № 1. С. 33–41.
19. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // *Политическая лингвистика*. Вып. 2 (28). Екатеринбург, 2009. С. 63–67 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/pl/28.pdf> (дата обращения 28.11.2016).

Popova L. A., Bashkir State University (Ufa, Russian Federation)

KEY WORDS OF MODERN TIMES: THE ISSUE OF THE TERM

The article is devoted to the overview of linguistic works concerning the phenomenon of key words. The terms used to denote this language realia (i. e. “key words of the current moment”, “key words of the epoch”, “key symbols of the epoch”, “today’s vocabulary”, “key words of the culture”, “trendy words”) and their definitions are presented. An attempt to specify approaches to the analysis of this phenomenon has been made. Key words are divided into groups as follows: those which are the most illustrative and essential to the given culture, those which reveal economic and social changes, political topicality of the situation or event they relate to, those which depict values, cultural priorities or the world view of the society of the specific time. Special attention is drawn to the latter: notions of “trendy words” and “key words of the epoch”. The reason of introducing a new term – “key words of modern times” – into scientific use is provided; features and examples of such words are presented.

Key words: key words of modern times, key words of the epoch, key words of the current moment, key words of the culture, trendy words, concept, the issue of the term

REFERENCES

1. Valgina N. S. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in the modern Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2001. 304 p.
2. Vezhbickaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through their key words]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 288 p.
3. Vidanov E. Yu. Semantic and derivation potential of the key words of the epoch or passion at the Olympics [Semanticheskiy i derivatsionnyy potentsial klyuchevykh slov epokhi, ili strasti po olimpiade]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii*. 2014. № 2. P. 85–91.
4. Zhuravleva N. G. “Trendy” words: the question of the content of the concept [“Modnoe” slovo: k voprosu o soderzhanii ponyatiya]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2009. № 2. P. 132–137.
5. Zemskaya E. A. Active processes in the modern word-formation [Aktivnyye protsessy sovremennogo slovoпроизводства]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. P. 90–141.
6. Il'yasova S. V. Key word-tokens of the epoch as object of the language game (based on the language of Russian mass media) [Klyuchevye slova-markery epokhi kak ob'ekt yazykovoy igry (na materiale yazyka rossiyskikh SMI)]. *Grani poznaniya*. Volgograd, 2014. № 1. P. 60–62.
7. Kostomarov V. G. *Yazykovoy vkus epokhi: iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [Language taste of the epoch. From observations of speech practice of mass-media]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 320 p.
8. Krongauz M. A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Znak, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 232 p.
9. Kubryakova E. S. Role of word-formation in language world view [Rol' slovoobrazovaniya v formirovanii yazykovoy kartiny mira]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira*. Moscow, Nauka Publ., 1992. P. 84–90.
10. Kuz'mina N. A., Abrosimova E. A. Active processes in the modern Russian language and communications of the newest time: tutorial [Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke i kommunikatsii noveyshego vremeni: Uchebnoe posobie]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 256 p.
11. Semenyuk O. A. Key words in the picture of the world and language of the epoch [Klyuchevye slova v kartine mira i yazyke epokhi]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2002. № 32. P. 129–132.
12. Sinkina E. V. *Leksicheskie edinitcy kak markery epokhi: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical units as tokens of the epoch: Author's abst. PhD phil. sci. diss.]. Samara, 2008. 18 p.
13. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: the dictionary of Russian culture]. Moscow, 2001. 990 p.
14. Stepanova M. A. Modern ideological space of Russia and communications of the newest time [Sovremennoe ideologicheskoe prostranstvo Rossii i kommunikatsii noveyshego vremeni]. *Deyatel'nostnoe ponimanie kul'tury kak vida chelovecheskogo bytiya: Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Nizhnevartovsk, 2013. P. 166–169.
15. Fomina Z. E. Word-chronofacts in the language of political texts [Slova-khronofakty v yazyke politicheskikh tekstov]. *Yazyk i emotsii*. Moscow, 1999. P. 207–215.
16. Shachkova I. Yu. *Semantika “klyuchevykh slov epokhi” (Epokha T. Blera, 1997–2007): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of “key words of the epoch”: Author's abst. PhD phil. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2008. 18 p.
17. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, 2004. 326 p.
18. Shmeleva T. V. Key words of the current moment [Klyuchevye slova tekushchego momenta]. *Collegium*. Kiev, 1993. № 1. P. 33–41.
19. Shmeleva T. V. Crisis as a key word of the moment [Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta]. *Politicheskaya lingvistika*. Issue 2 (28). Yekaterinburg, 2009. P. 63–67. Available at: <http://politlinguist.ru/materials/pl/28.pdf> (accessed 28.11.2016).

Поступила в редакцию 28.12.2016

ЧЭНЬ ШЭННАНЬ

аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
727852429@qq.com

СТРУКТУРА И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКО-КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ ИЛЛАРИОНА РОССОХИНА (40-е годы XVIII века)

Статья посвящена словарю для изучения китайского языка, составленному Илларионом Россохиным в 40-е годы XVIII века в Санкт-Петербурге во время преподавания в школе китайского и маньчжурского языков при Академии наук. Рассмотрены вопросы о структуре словаря и его лексических особенностях, а также высказаны аргументы в пользу того, что данный словарь следует считать китайско-русским.

Ключевые слова: Илларион Россохин, словари XVIII века, изучение китайского языка в Санкт-Петербурге в XVIII веке

Илларион Калинович Россохин родился в 1717 году в селе Хилок, вблизи Селенгинска. В 1725 году он был принят в школу монгольского языка (мунгальскую школу) при Иркутском Вознесенском монастыре. В 1729 году Россохин был отправлен в Китай в составе второй Российской духовной миссии в качестве одного из пяти учеников для обучения китайскому и маньчжурскому языкам. Во время пребывания в Пекине он много работал и добился больших успехов в изучении языков. В 1735 году по просьбе Лифаньюаня (Палаты по делам инородцев при Цинской династии) он был зачислен переводчиком в Лифаньюань и преподавателем в школу русского языка при Дворцовой канцелярии, где он обучал маньчжуров и китайцев. В 1741 году он вернулся на родину и был направлен Коллегией иностранных дел в распоряжение Академии наук для переводов и обучения китайскому и маньчжурскому языкам. Его школа китайского и маньчжурского языков просуществовала 10 лет, до 1751 года¹. Для совершенствования преподавания языков он перевел и создал учебные пособия, в число которых входит и русско-китайский словарь, о котором пойдет речь в данной статье [4: 48].

Данный словарь (БАН. 34.8.9) представляет собой рукопись из 95 листов, которая хранится в рукописном отделе Библиотеки Академии наук. Большая часть рукописи написана одной рукой, только последние 15 листов, судя по почерку, написаны другим человеком. В словарь входит более 2600 статей. По мнению И. Ф. Поповой, в словаре представлено около 1700 слов (в основном биномов) и простые разговорные выражения [3: 294–295]. Разные цифры здесь получаются в связи с тем, что И. Ф. Попова разделила статьи на «слова» и «простые разговорные выражения» и учла только число слов – 1700. В настоящей статье не будем различать «слова» и «простые разговорные выражения», для чего нужно еще объяснение критериев их различения в китайском языке, а будем считать лишь общее количество словарных статей.

Статьи в словаре представлены на двух языках: китайском и русском, русский вариант расположен над китайским. Большинство статей являются словами, но в то же время здесь присутствует небольшое количество выражений и коротких предложений. Например, *хоть ты какъ* (л. 11 об.), *вновь годъ великой радости и великого богатства получить желаю* (л. 37 об.), *игла есть а нитакъ нетъ* (л. 37 об.), *курица нанасестье садитца* (л. 37 об.), *здесь надворе множество воды* (л. 37 об.)² и др.

Несмотря на то что настоящий словарь является, по сути дела, первым русско-китайским словарем, он не подвергался специальному исследованию и лишь назван в списке трудов Россохина. Да и сама личность Иллариона Россохина остается малоизученной: он упомянут только в очерках истории русского китаеведения или Русской духовной миссии в Пекине. Наиболее полные сведения о Россохине и настоящем словаре находим у П. Е. Скачкова [4: 41–52], В. П. Тарановича [5] и И. Ф. Поповой [3].

В истории России XVIII век является особым периодом, на протяжении которого происходили перемены в общественной и культурной жизни, укреплялись многосторонние связи с другими странами, развивались наука и искусство, в 1724 году была основана Академия наук. Ярким примером словарной деятельности этого периода, отличающим его от предыдущих, является участие переводчиков, академиков, государственных и общественных деятелей в работе научных центров – прежде всего Академии наук, с которой связано активное развитие словарного дела. Изданные в XVIII веке словари представляли основные направления лексикографии этого времени: 1) переводные иноязычно-русские и русско-иноязычные словари; 2) словари иностранных и непонятных слов; 3) специальные словари (терминологические и энциклопедические); 4) толковые словари [2: 80].

В иноязычных словарях того времени слова в основном располагались в алфавитном порядке, что позволяло быстро найти нужное слово.

Однако от лексикографической практики прошлого был унаследован и тематический принцип организации материала, характерный для учебных словарей: распределение лексики по смысловым группам, которые охватывают основные сферы жизни человека и существующего мира, способствовало ее усвоению [1: 20–21].

С первого взгляда складывается впечатление, что словарь Россохина организован тематически: он начинается с группы слов, называющих части тела человека и погодные явления. На самом деле в словаре объединяются два принципа: морфологический (по частям речи) и тематический. Известно, что Россохин перевел на маньчжурский язык грамматику Мелетия Смотрицкого 1648 года для школы русского языка и имел грамматические знания [4: 42].

Сейчас, когда речь идет о частях речи в китайском языке, чаще всего подразумевается разделение на части речи по синтаксической функции и лексическому значению слов. Но в исследуемый период, когда жил и работал Россохин, в китайской лингвистике еще не существовало понятия «части речи»: первые работы, посвященные грамматике китайского языка, были изданы в XIX веке. В XVIII веке было только представление о «классах» слов. Слова в китайском языке были разделены на два класса: «шицзы», то есть полные слова (знаменательные), и «сюйцзы», то есть неполные слова (служебные). Для объяснения китайских слов своим русским ученикам Россохин, понимая разницу между двумя языками, взял известную ему русскую систему и сделал более подробную классификацию. Но так как словарь не был предназначен для обучения грамматике, разделение частей речи в нем было нестрогим. В одном блоке нередко встречаются слова, которые по своим лексическим значениям и синтаксической функции должны быть включены в другие блоки. Но причины появления исключений могут быть исследованы. Далее в настоящей статье этот вопрос будет рассмотрен на примерах.

Судя по значению китайских слов и их переводам, настоящий словарь разделен на блоки, в которых представлены 6 частей речи:

1) имя числительное (л. 4), например: 1, 12, 30, 100, 1000, 10000;

2) местоимение в разных падежах (л. 5–6), например: я, мой/мое/моя, мне, комну, уменя, меня, меня;

3) наречие (л. 7, 10–12), например: туть, куда, откуды, там;

4) глаголы (л. 14–36), например: обучаюсь, впамять приемлю, прослушиваюсь, твержу;

5) имя существительное (л. 3–5, 39–95), например: голова, глаза, уши, брови;

6) имя прилагательное (л. 7–10), например: далеко, близко, высоко, низко.

Русские прилагательные на л. 7–10 по формам напоминают наречия, однако мы их отнесли к числу прилагательных, потому что по лексическому значению и синтаксической функции соответствующие им китайские слова в большинстве

случаев употреблены как прилагательные. Полагаем, что данные слова И. Россохин представил в форме краткого прилагательного среднего рода. Но не все прилагательные автор дал в такой форме. Исключениями являются прилагательные для описания человека (俊 пригожий, 有義 праведный, 聰明 разумный), прилагательные, называющие цвета (红的 красной, 桃红 алой, 红青 вишневой), которые даются в форме полного прилагательного мужского рода, и некоторые прилагательные со служебным словом 的, которые даются в форме полного прилагательного среднего рода (新的 новое, 旧的 старое, их могут считать полными словосочетаниями). Общие черты прилагательных, представленных в словаре в краткой форме среднего рода, заключаются в том, что они даются без служебного слова 的 и почти не сочетаются со словами, определяющими человека. Для таких слов в китайском языке существует местоимение 3-го лица 它, которое по категории рода не относится ни к местоимению мужского рода (他 он), ни к местоимению женского рода (她 она). Полагаем, что И. Россохин соотносит 它 с местоимением среднего рода оно, поэтому прилагательные для описания слов, не относящихся к слову человек, он представил в форме среднего рода. Полная форма среднего рода употребляется в переводе прилагательных со служебным словом 的, как было упомянуто выше, поэтому прилагательные без служебного слова 的, которые не считаются полными словосочетаниями, представлены в краткой форме.

Самая большая группа по количеству входящих слов – группа существительных, затем идет группа глаголов. Исходя из того, что это учебный словарь, самые большие группы разделены на смысловые подгруппы для облегчения восприятия слов. Приведем примеры этих подгрупп.

Смысловые подгруппы в группе существительных: 1) названия частей тела человека; 2) погодные явления; 3) названия должностей; 4) судебное дело; 5) музыкальные инструменты; 6) учеба и военные дела; 7) родственные названия и описание людей; 8) сооружения; 9) хозяйство; 10) инструменты; 11) материалы; 12) цвета (прилагательные); 13) одежда и материалы одежды; 14) спальня; 15) украшения, женские уборы; 16) мебель; 17) меры; 18) строительная работа; 19) транспортные средства; 20) еда; 21) растения; 22) животные.

В отличие от группы существительных в группе глаголов выделяется меньшее число смысловых подгрупп. Их четыре, и четвертая подгруппа не такая однозначная, как другие. Между входящими в нее словами отсутствует явная связь и порядок, как в других подгруппах, наоборот, значения слов весьма разнообразны.

Смысловые подгруппы в группе глаголов: 1) учеба; 2) государственная служба; 3) судебные дела; 4) повседневная жизнь. В последнюю подгруппу входят такие слова и выражения, как брыджу водою (л. 18 об.), сказываю (л. 19), остаюсь (л. 19 об.), охраняю, защищаю (л. 20), поди

сходи (л. 20 об.), веселюсь (л. 21), проголодался (л. 21 об.), плачу (л. 22), похински покитайски говорю (л. 22 об.), заблуждаюсь (л. 23), загораю (л. 23 об.), спешу (л. 24) и др. Как видно из приведенных примеров, название подгруппы «повседневная жизнь» весьма условно, потому что в ней очень разные по значению слова и их трудно включить в одну смысловую подгруппу.

Все слова в словаре либо объединяются по смысловой связи между ними и сгруппированы по различным темам, либо даны в синонимических или антонимических рядах (прилагательные и наречия). В качестве примеров рассмотрим некоторые слова из блоков прилагательных и наречий, где отражается принцип

расположения в синонимических и антонимических рядах, и фрагмент смысловой подгруппы названий и описания людей, где отсутствует явный порядок:

1) Синонимические и антонимические ряды, которые в основном присутствуют в группах частей речи (морфологических группах). Например: 远近 Далеко – близко; 高低 Высоко – низко; 清浑 Светло – мутко; 干潮湿 Сухо – сыро – мокро; 新的旧的 Новое – старое; 能不能 Можно – невозможно; 前头后头 Наперед – назад;

2) По смысловой связи между словами. Рассмотрим фрагмент смысловой подгруппы родственных названий и описания людей, представленный на л. 45–47 (таблица):

л. 45–47

л. 45 об.		Баба	Прадедь	Отець	Мужь
		女人	曾祖	父亲	丈夫
		Душа или голова	Дедь	Мать	Жена
		人口	祖	母亲	妻
	Мужикь	Прапрадедь	Бабка	Мачеха	Наложница
	男人	高祖	祖母	继母	妾
л. 46	Большей брать	Дитя	Внукь	Сродственникь родня	Тесть
	兄哥	孩儿	孙子	亲戚	丈人
	Брать	Сынь	Фамилия прозвание	Дедь поматери	Теща
	阿哥	儿子	姓	外祖	丈母
	Менший брать	Скормленикь	Светь	Бабка поматери	Свекрь
	弟兄弟	养子	世	外祖母	公公
л. 46 об.	Свекровь	Меншая сестра	Зять дочери мужь	Старый приятель	Старикь
	婆婆	妹子	女婿	故友	老人
	Большая сестра	Зять, меньшей сестры мужь	Свать	Доброй приятель	Лета
	姐姐	妹夫	亲家	好友	年纪
	Зять, большей сестры мужь	Девица	Другь приятель	Товарищ	Долголетень
	姐夫	女儿	朋友	伙计	寿长
л. 47	Молодой	Дружусь	Персона	Образь	Чистый
	少年	交友	相貌	像	干净
	Младость	Резвый	Злонравный	Нравь	
	幼	淘气	性恶	性情	
		Природа	Образь	Пригожий красивый	Нехоро[ший] Дурный Дурень
		生性	模样	俊	丑
	Младенець	Добронравный	Стать видь	Красота	Косоглазый
	童子	性善	形容	美好美	斜眼

В таблице приведены слова из подгруппы родства и описания людей. Здесь слова расположены не по алфавиту и не в синонимических и антонимических рядах, а отражается смысловая связь между словами. Сначала названы слова мужикь и баба, затем счетное слово для крестьянина душа или голова, затем названия самых близких родственников по порядку: предшественники, свое поколение и потомки, за которыми следуют названия родственников,

которые, по представлению китайского народа, являются более далекими: тесть, свекровь, большая сестра, зять, большей сестры мужь и др. После названий родственников даются слова для описания людей по внешности, характеру и др.³

Рассмотрим лексические особенности словаря на примерах слов из вышеуказанных групп. Настоящий словарь был создан в первой половине XVIII века, поэтому, разумеется, в нем отражены

языковые особенности XVIII века. Он содержит характерную для своего времени орфографию. Например, многие слова пишутся, как произносятся: *ниско* (низко), *блиско* (близко) и др. Предлоги пишутся с существительными слитно: *надворе* (л. 37 об.), *нанасестье* (л. 37 об.) и др.

Словарь Россохина был создан в 40-е годы XVIII века, то есть в доломосовский период, когда была сформулирована теория трех стилей. В нем отражается стилистическая пестрота данного периода. Нередко встречаются как просторечные слова, так и слова с нейтральной или высокой окраской, они зачастую находятся в одном разделе, например: 女人 *баба*, 祖母 *бабка*, 幼 *младость*, 少年 *молодой*. Слово *баба* в значении 'женщина' дается в Словаре русского языка XVIII века как просторечие⁴. Слово *младость* в нем представлено с пометой «слав.»⁵, в то же время слова *бабка* и *молодой* – без каких-либо помет⁶.

Нередко в словаре встречаются такие случаи, когда объем понятия слова в русском и китайском языках различается. Некоторые из них можно рассматривать, как неправильные переводы, а к некоторым из-за отсутствия эквивалента в русском языке создателем словаря подбираются толкования с аналогичным значением. Приведем примеры.

1. 姐夫 *зять*, 较大的姐姐 *мужь*, 妹夫 *зять*, 较小的姐姐 *мужь*.

В китайском языке более сложная терминология родства, чем в русском. В китайском языке есть указание на отцовскую и материнскую линию во всех поколениях родства, например, дедушка (отец отца – 爷爷, отец матери – 外公 или 姥爷), тетя (сестра отца – 姑姑, 姑妈, жена брата матери – 舅妈), сестра (старшая сестра – 姐姐, младшая сестра – 妹妹). Хотя в русском языке существуют слова *деверь*, *золовка* и *шурин*, однако различение по материнской и отцовской линиям во всех коленах не характерно для всей терминологии родства [7: 80–85]. В соответствии со Словарем русского языка XVIII века, слово *зять* обозначает мужа дочери или мужа сестры, но нет различия между зятем старшей и младшей сестры. Россохин взял слово с более широким объемом значения *зять* и уточнил конкретным объяснением *большей / меньшей сестры мужь*.

2. 妾 *наложница*, 女儿 *девица*.

Под китайским словом 妾 на фоне многоженства в XVIII веке понимается «второстепенная жена», а значение слова *наложница* в Словаре русского языка XVIII века дано как «содержанка, любовница». Здесь, видимо, Россохин подобрал слово с наиболее близким значением. Значение слова *девица* в словаре XVIII века зафиксировано как «незамужняя женщина или девушка-придворная», а значение «дочь» не указывается. Здесь «девица» уже явно является неправильным переводом.

Некоторые русские слова, использованные Россохиным, со временем приобрели новое значение или, утратив имеющееся значение, стали архаизмами или историзмами, например: *пригожий* (красивый)⁷, *неможно* (нельзя, невозможно)⁸, *сродственникъ* (родственник)⁹, *прозвание*

(фамилия)¹⁰, *светь* (мир, мироздание, человеческое общество)¹¹. Все эти слова либо совсем исчезли из современного русского литературного языка, либо вошли в словарь с пометой «устар.».

Некоторые словосочетания, которые использовались в словаре Россохина, сегодня не употребляются, но в словарях и литературе XI–XVII и XVIII веков такие значения зафиксированы, например: *большей братъ* (старший брат)¹², *меньший братъ* (младший брат)¹³, *большая сестра* (старшая сестра), *маленькая сестра* (младшая сестра), *доброй приятель* (хороший/близкий приятель)¹⁴.

В группу существительных с общим значением родственных названий и описания людей входит и глагол *дружусь*. Подобных случаев немало в словаре. Это можно объяснить тем, что глагол следует за словами со значением «друг / приятель», для которых он семантически является основным глаголом. Глаголы в словаре чаще всего даны в форме первого лица единственного числа. Эта традиция восходит к грамматике Мелетия Смотрицкого, где славянский глагол описывается по образцу классических языков – греческого и латыни. Исключения составляют те слова, которые даны в форме прошедшего времени и в форме повелительного наклонения – проголодался (л. 21 об.), простудился (л. 22), принеси (л. 20 об.) возьми (л. 20 об.) и др. Россохин пытается соответствующими грамматическими формами русского глагола объяснить типичный способ выражения прошедшего времени (了) в китайском языке. Так как слова в китайском языке не изменяются, прошедшее время выражается не формами слова, как в русском языке, а с помощью частицы 了. Конструкция «глагол + 了» выражает прошедшее время.

Словарь Иллариона Россохина (БАН 34.8.9) вошел в архив под названием «русско-китайский», по-видимому, из-за того, что сначала следует русское слово, а затем китайское. Мы полагаем, что его правильнее назвать китайско-русским по следующим причинам:

1) для китайской параллели дано одно слово, а для русской иногда несколько вариантов, и не всегда эти варианты являются синонимами. В таком случае разные варианты даются для объяснения разных значений китайского слова в разных контекстах. Например: 人口 *душа или голова* (л. 45 об.); 姓 *фамилия, прозвание* (л. 46); 听 *слушаю, слышу* (л. 18 об.). Это свидетельствует о том, что русские слова в словаре переведены с китайского языка;

2) в словаре отражены в основном реалии китайской жизни. Типичным доказательством являются приведенные примеры со словом *зять*, где показаны разные объемы понятия слова. Объем понятия русского слова *зять* шире, чем у китайских слов 夫 и 妹夫. Это позволяет считать, что русским переводом здесь передается реалия китайской жизни;

3) словарь служит преподаванию китайского языка на начальном этапе, поэтому логично объяснять китайские слова русскими, а не в обратную сторону.

В связи с вышесказанным можно прийти к выводу, что в словаре заголовочное слово дается на китайском языке и словарь является китайско-русским.

Итак, в структуре словаря Иллариона Россохина объединяются два принципа организации: морфологический (по частям речи) и тематический. В словаре отражена характерная для первой половины XVIII века орфография, стилистическая пестрота и разные объемы понятий китай-

ских и русских слов. Также в нем представлены некоторые слова, которые перестали использоваться сегодня. Словарь значителен в архивной описи как русско-китайский, но в связи с тем, что он употребляется на начальном этапе изучения китайского языка, русские слова в нем являются переводом с китайского языка и отражают в основном реалии китайской жизни, можем предположить, что по замыслу Иллариона Россохина этот словарь был китайско-русским.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь русских писателей XVIII века / Под ред. А. М. Панченко. Вып. 3. СПб., 2010. С. 62–68.
- ² Мы приводим написания в соответствии с оригинальной орфографией в рукописи, так, например, предлоги в ней пишутся с существительными слитно.
- ³ В статье приведены примеры лишь слова для описания людей по внешности.
- ⁴ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984. Вып. 1. А – Безпристрастие. С. 123.
- ⁵ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984. Вып. 12. Лъстец – Молвотворство. С. 217. МЛАДОСТЬ, и, ж. Слав. Возраст от отрочества до зрелости; молодые годы. Нынѣшние друзья мои суть дѣти и внуки друзей младости моя. МЖ VI 20. Стряпчей вида себя презираемого от Президента ради его младости, сказал: правда сударь, я молод, однако читал старья книги. ПК 1796 I 142. В (во) младости, от (с, из) младости. Не слышал Монарх в младости своей пространнх о морском плавании повѣстей. Пркп. СР II 47. Нужно человекѹ со младости обучится. Тат. Разг. 77. Редкие находятся <камчадалы>, у которых от младости до старости от одной жены по пяти робенков бывает. Краш. ОЗК'696. Во младенствѣ, в дѣтствѣ, в юности, во младости, мы окружены всегда предметами, к жизни нас прильбляющими. Рдшв Чел. II 171.
- ⁶ Словарь русского языка XVIII века / Под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1984–2011. Вып. 1. С. 124. Вып. 13. С. 10–11.
- ⁷ Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. 4-е изд. М., 1999. Т. I. С. 402.
- ⁸ Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. 4-е изд. М., 1999. Т. II. С. 455.
- ⁹ Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. 4-е изд. М., 1999. Т. IV. С. 240.
- ¹⁰ Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. 4-е изд. М., 1999. Т. III. С. 486.
- ¹¹ Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. 4-е изд. М., 1999. Т. IV. С. 45.
- ¹² Словарь русского языка XVIII века / Под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1984–2011. Вып. 2. С. 105–107. Старший. К сему отечества чину надлежат и болшии кровнии, и сродники; Напримѣр: родный дядя, тетка, и брат болшой: и оным тыж и должности и почести, которыя прямым родителем, хотя и не равною мѣрою. Уч. отр. 13.
- ¹³ Словарь русского языка XVIII века / Под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1984–2011. Вып. 12. С. 131–132. Младший по годам; самый молодой из членов семьи. Но сверх той <печали> вопиет естественный закон, Что меньший старшему отъемлет брату трон. Лом. ПВ 14. Потом простился я с дядями своими, из которых особливо меньшей мнѣ приятен... был. Маркиз I 124. Подобно так была меньшая <дочь царя> всѣх виднѣй, И старших сестр своих достоинства мрачила. Богд. 9. М. кому. Вить надобна бы о том подумать, что я всем меньшая и всем должна угождать. Зап. Н. Длг. 26.
- ¹⁴ Он не мог решиться, и зашел в недоумении своем к ложному Друиду. «Доброй приятель!» сказал он, положив ему на плечо руку: «слава Богу!» ([Н. М. Карамзин]. Колодезь Истины // «Вестник Европы». 1802).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. 212 с.
2. Лексикография русского языка / Под ред. Д. М. Потепны. СПб., 2013. 704 с.
3. Попова И. Ф. Становление лексикографии китайского языка в России // Страны и народы Востока. Вып. XXXV. М., 2014. С. 291–303.
4. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. 503 с.
5. Таранович В. П. Илларион Россохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение. 1945. № 3. С. 225–241.
6. 陆俭明. 汉语词类的特点到底是什么 // 汉语学报. 2015. № 3. С. 2–7.
7. 周斐斐. 谈谈俄语中的亲属称谓 // 俄语学习. 2008. № 5. С. 80–85.

Chen Shengnan, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

THE STRUCTURE AND LEXICAL FEATURES OF THE RUSSIAN-CHINESE DICTIONARY OF ILLARION ROSSOKHIN (1740s)

The article is devoted to the Russian-Chinese dictionary for Chinese language study. The dictionary was compiled by Illarion Rossokhin in 1740s in St. Petersburg during his work as a teacher in the school of Chinese and Manchu languages at the Academy of Sciences. The article discusses the structure of the dictionary and its lexical features, as well as the arguments that this dictionary should be considered as Chinese-Russian dictionary.

Key words: Illarion Rossokhin, dictionaries of the XVIII century, Chinese language study in the XVIII century St. Petersburg

REFERENCES

1. Birzhakova E. E. *Russkaya leksikografiya XVIII veka* [Russian lexicography of the XVIII century]. St. Petersburg, 2010. 212 p.
2. *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian language] / Edited by D. M. Potsepny. St. Petersburg, 2013. 704 p.
3. Попова И. Ф. Formation of lexicography of the Chinese language in Russia [Stanovlenie leksikografii kitayskogo yazyka v Rossii]. *Strany i narody Vostoka*. XXXV edition. Moscow, 2014. P. 291–303.
4. Skachkov P. E. *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the history of Russian Sinology]. Moscow, 1977. 503 p.
5. Taranovich V. P. Illarion Rossokhin and his works about sinology [Illarion Rossokhin i ego trudy po kitaevedeniyu]. *Sovetskoe vostokovedenie*. 1945. № 3. P. 225–241.
6. 陆俭明. 汉语词类的特点到底是什么 // 汉语学报. 2015. № 3. С. 2–7.
7. 周斐斐. 谈谈俄语中的亲属称谓 // 俄语学习. 2008. № 5. С. 80–85.

Поступила в редакцию 06.04.2017

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА КЛАДОВА

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы, методист, Межрегиональный учебно-методический центр «Паритет» (Москва, Российская Федерация)

natakladova@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СМЫСЛ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Анализируется система образов романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в аспекте родственных связей. Цель работы – раскрыть художественную значимость родственных отношений героев. Данные отношения исследуются в соответствии с логикой повествования в ракурсе художественной концепции романа, показывается их многоплановая семантическая наполненность. Отмечается «вырванность» из семейного круга одних героев и пренебрежение семейными узами другими; в противовес – существование Алеши в мире, как в родной семье. Раскрывается искаженная сущность карамазовской семьи, в которой устранено Отцовское начало – в религиозно-нравственном смысле. Кроме того, пренебрежение героями родственной связью умножается на поругание святости чувства любви: любовные отношения выстраиваются на ложных принципах и во исполнение корыстных желаний; но снова в противовес: истинная братне-сестринская духовная связь возникнет между Алешей и Грушенькой. Анализ указанных аспектов художественного мира «Братьев Карамазовых» позволяет сделать вывод о том, что способность или неспособность того или иного героя вступать в отношения родства отражает его внутреннюю сущность, характеризует как способного или неспособного быть частью человеческого целого. Содержательная основа романного действия – мысль о всеобщем родстве человечества как его исконном состоянии. Поэтому родственные отношения – важный смысловой компонент художественной идеи романа. Результаты исследования указывают на то, что понятие *родство* было наполнено уникальным смыслом в творческом сознании Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, «Братья Карамазовы», родственные отношения, семья, художественная идея, роман, система образов, сборность

«Старец говорит, что Бог дал родных, чтоб учиться на них *любви*» (15: 205) – запись, сделанная Достоевским в черновиках к «Братьям Карамазовым». И мысль, положенная им в основу художественного мира романа. Бог дал каждому из братьев друг друга, и каждый брат на других братьях учился любви, благодаря чему стало со-зидаться братство, выходящее за рамки генетического родства...

В литературоведении уже давно признано, что последний роман Достоевского наиболее во-брал в себя религиозно-философские смыслы. В. Н. Захаров называет «Братьев Карамазовых» христианским метароманом [6]. По мнению К. А. Степаняна, в романе «главной становится тема схождения на людей Святого Духа» [16]. О пути к обретению Бога как основном мотиве произведения писали Е. В. Сосницкая [15], Т. В. Зверева [7], К. В. Каминская [8], Р. Л. Джексон [4], О. А. Ларионова [13], С. Л. Шариков [20], Ф. Б. Тарасов [17], А. Л. Волынский [2], И. И. Евлампиев [5] и др. Е. М. Мелетинский, осмысливая семью Карамазовых как образ России, оппозицию *русское/нерусское* сопрягает с оппозицией *вера в Бога/безверие*, «определяющей возможность спасения души, преодоления хаоса» [14: 67]. Идею единения во Христе как основопо-

лагающую в художественном мире романа, по справедливому признанию большинства исследователей, считаем, необходимо рассматривать в совокупности с идеей родства.

Учеными уже указано на значимость отдельных эпизодов, образов, мотивов, связанных с понятием родства, довольно глубоко раскрыто их семантическое наполнение. Так, О. А. Фарфонова в диссертации, посвященной мотивной структуре романа, исследовала мотив дома [18: 132–139], А. Г. Гачева выявила религиозный аспект понятия «семья» [3: 66]. На тему отцеубийства как определяющую в художественном мире произведения указывали В. Е. Ветловская [1: 174, 184], Е. В. Ковина [11: 233] и др. Однако в ходе целостного анализа творчества Достоевского – художественного и публицистического – мы пришли к выводу о том, что в «Братьях Карамазовых», как и в других произведениях писателя (за редкими исключениями), идея родства является структурирующей художественный мир и создающей глубокий философский подтекст повествования. Цель настоящей статьи – раскрыть художественную значимость родственных отношений героев романа «Братья Карамазовы».

С миссией «собрать» человеческое целое на основе духовного родства послал в мир Алексея

Карамазова старец Зосима, который еще стоял «единицей». Но ученика это не смущало: «Все равно, он свят, в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит наконец правду на земле, и будут все святые, и будут любить друг друга» (14: 29)... В подготовительных материалах к роману читаем: «Семейство расширится, вступают и неродные, заткалось начало нового организма» (15: 249). В финале произведения автор оставляет открытым вопрос о том, состоятся ли малые семьи, за которые на протяжении всего повествования идет такая ожесточенная, нечеловеческая борьба (Грушенька + Митя, Катерина Ивановна + Иван, Лиза Хохлакова + Алеша), ибо зарождается семья всечеловеческая, евангельская – у Илюшечкина камня... духовной силой Алеши. Это – самый дорогой Достоевскому образ будущего *духовно* единого человечества. Художественный же мир романа до финального эпизода – мир, в котором преданы поруганию родственные связи.

Большинство героев в «Братьях Карамазовых» находятся в отношениях родства. Петр Александрович Миусов – двоюродный брат первой жены Федора Павловича и Аделаиды Ивановны; Калганов – дальний родственник Миусова; Смердяков, согласно легенде, основательно укоренившейся в умах жителей Скотопригоньевска, сын Федора Павловича. Грушенька, как выяснилось на суде (конец романа!), двоюродная сестра Ракитина. Ранее на предположение Алеши об этом родстве Ракитин отреагировал так: «Я Грушеньке не могу быть родней, публичной девке, прошу понять-с!» (14: 77). Ценность родственных отношений определяется социальным положением. Весь скандал в монастыре, нужно заметить, разгорается от нежелания признавать Петром Александровичем родственную связь с Федором Карамазовым. Поэтому очень значимым становится подтекст фразы Зосимы, обращенной к собравшемуся у него в келье карамазовскому семейству: «Не стесняйтесь, будьте совершенно *как дома* (курсив мой. – Н. К.)» (14: 40). У Карамазовых нет своего *дома*; старец предлагает им обрести *дом* – духовный.

Все остальные герои (Катерина Ивановна – Грушенька – Карамазовы) могли бы быть вовлечены в единый родственный круг (по крайней мере, предпринимали попытки к этому), если бы оказались способными на любовно-духовную связь. Но в романном мире семьи создаются по иному принципу. Ракитин собирается образовывать семью по финансовым соображениям: «строю куры Хохлаковой», он мечтает о деньгах, на которые каменный дом в Петербурге купит (15: 29). Первая супруга Федора Павловича – Аделаида Ивановна Миусова, «девушка с приданым, да еще и красивая» (заметим, красота – дополнительная характеристика, наличие приданого – основная!) – мужа своего презирала, обоюдной любви вовсе не было. Их общий ребенок – Дмит-

рий, которого в трехлетнем возрасте мать оставила, сбежав с любовником. Отец же завел в доме гарем, о сыне забыл совершенно. Родня ребенка по матери тоже о нем забыла. Митю принял на свое попечение слуга Григорий. Далее взялся за воспитание «сироты» двоюродный брат Аделаиды Ивановны Петр Александрович Миусов, однако вскоре, уезжая в Париж, поручил ребенка одной из своих двоюродных теток, потом и вовсе забыл о нем. Когда тетка умерла, Митя перешел к одной из ее замужних дочерей. В итоге отношения «отец – сын» установились на денежной основе: они заключили сделку на получение сыном доходов с имения.

Вторая супруга Федора Павловича Софья Ивановна была безродной с детства, выросла в богатом доме знатной генеральши. Федор Павлович прельстился ее невинной красотой и, пользуясь ее смирением и безответностью, устраивал в доме оргии. Их общие дети – Иван и Алексей – так же, как Митя, были забыты и заброшены отцом и так же попали к Григорию. Потом детей взяла к себе генеральша, у которой росла Софья; после ее смерти о них стал заботиться Ефим Петрович Поленов. Братья Карамазовы встретились друг с другом уже взрослыми!

Лизавета Смердящая тоже человек без семьи. Мать ее умерла, отец, бездомный, разорившийся, сильно запивавший мещанин, часто бил дочь. Когда же он умер, сирота Лизавета обрела иную – духовную – *семью*. С окружающими незнакомыми людьми у героини установились теплые, родственные отношения: ее впускали в дом, угощали калачиками и бубликами, и так же легко принимали их, когда отдавала она. Это те отношения, которые формирует подлинное человеческое общество. Факт того, что сиротство человека находит отклик в сердцах других, указывает на возможность преодоления его в мире. Лизавета родила Павла Смердякова в бане Карамазовых (молва приписала отцовство Федору Павловичу). Новорожденного и умирающую мать нашел Григорий, он «взял младенца, принес в дом, посадил жену и положил его к ней на колени, к самой ее груди: “*Божье дитя-сирота – всем родня*, а нам с тобой подавно. <...> Питай и впредь не плачь” (курсив мой. – Н. К.)» (14: 92–93). Здесь скрыта очень важная мысль о всеобщем родстве человечества как его истинном состоянии.

Эту идею заключает в себе и образ младшего брата Карамазова. Алеша находит дом везде, где оказывается. «Очутившись в доме своего благодетеля и воспитателя, Ефима Петровича Поленова, он до того привязал к себе всех в этом семействе, что его *решительно считали там как бы за родное дитя* (курсив мой. – Н. К.)» (14: 9). После смерти Поленова его дальние родственницы приютили мальчика... Однако бездомность Алеши – не сиротство Дмитрия или Ивана, но существование со всеми, как с родными.

Капитан Снегирев (когда Алеша войдет в его избу) произнесет фразу, очень точно отражающую сущность семьи в ее должном воплощении: «Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя семья, мои две дочери и мой сын – мой помет-с. Умру я, кто-то их возлюбит-с? А пока живу я, кто-то меня, скверненького, кроме них возлюбит? Великое это дело устроил Господь для каждого человека в моем роде-с. Ибо надобно, чтоб и человека в моем роде мог хоть кто-нибудь возлюбить-с...» (14: 183). На вопрос сомневающейся в вере матери Лизы Хохлаковой: «Чем доказать?» – Зосима отвечает: «Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить Ваших ближних деятельно и неустанно» (14: 52). Важно подчеркнуть то, что Зосима говорил о любви к ближнему, а не к абстрактному человечеству, как мыслит Хохлакова. Любовь к ближнему – единственно возможная основа образования семьи. Старец явил собой действительный пример человеческого единения. Через восемь лет он встретил своего денщика Афанасия, которого как-то в порыве злобы ударил. Тот обрадовался, пригласил в дом, а прощаясь, дал полтину. Это был момент «великого человеческого единения». Показательно пояснение Зосимы: «Почему не быть слуге моему как бы мне *родным*, так что приму его наконец *в семью свою* и возрадуюсь сему? (курсив мой. – Н. К.)» (14: 287–288). Достоевский создает невидимые параллели, усиливающие контраст наличного мира и должного быть: Смердяков – *брат* (по отцу) Ивану, Дмитрию, Алеше – становится, по сути, их *слугой*. «Земной» сюжет оказывается перевернутым по отношению к тому, что может быть и что случается эпизодически, как отблеск истинного человеческого сосуществования.

В карамазовской семье любовь к ближнему заменена на апелляцию к суду, родственные отношения – на экономические. В художественном мире романа потеряно Отцовское начало – не только в физическом (убийство), но и в метафизическом смысле, любовь Отца.

Смердяков – олицетворение дьявольской силы, испытующей духовную прочность людей, проверяющей их способность к всечеловеческому единению (иначе – способность вступить в отношения всечеловеческого родства). По желанию людей он устраняет *Отца* – высшее начало, то есть дает материальное воплощение греху, поселившемуся в душах брата Мити и брата Ивана... и не только. Лиза в разговоре с Алешей делает примечательное наблюдение: все любят, что Митя отца убил, – и Алеша соглашается.

Пренебрежение родственной связью во второй книге романа умножается на поругание святости чувства любви: любовные отношения героев выстраиваются на ложных принципах. К ссорам отца и сына из-за спорных денег добавляется «нелепое и уродливое» соперничество за сладострастное обладание Грушенькой. Дмитрий

готов уступить Ивану свою невесту Катерину Ивановну. Сюжетный ход – в начале романа невестой Мити была Катерина Ивановна, в конце невестой становится Грушенька – метафорически воплощает, полагаем, антитезу: брак, искаженный в своей духовной сущности, и брак действительный, который создается, в первую очередь, прощением ложной любви. Катерина Ивановна – *ложная* невеста Мити, неспособная «подать луковку», не верующая в невиновность Мити; Грушенька – *истинная*, поверившая слову жениха «не я убил». Она в самый нужный момент оказывает духовную помощь Мите, «поддерживает душу». Не случайно вопрос о венчании становится главным для невинно осужденного героя. Грустно-символично получилось: Митю арестовали в тот самый миг, когда Груша стала его невестой.

Обозначенную нами антитезу далее усиливает вопрос о доверии и поддержке. Катерина Ивановна выписывает из Москвы доктора, для того чтобы тот засвидетельствовал помешательство Мити в момент совершения убийства. И она оказывается не одинокой в своих побуждениях. Иван также убежден в виновности Мити, точнее, ему очень хочется быть в этом убежденным, поскольку это означает: не он, Иван, убил. Ракину нужно написать статью с направлением: «нельзя было ему не убить, заеден средой».

Грушенька же оказалась способной поверить в невиновность Мити, на что он «дрожащим голосом отозвался»: «Спасибо, Аграфена Александровна, поддержала душу!» (14: 455). Митя вопрошает и Алешу, верит ли тот в его виновность, и на отрицательный ответ отзывается: «– Спасибо тебе! <...> Теперь ты меня *возродил*... (курсив мой. – Н. К.)» (15: 36).

Со стороны Катерины Ивановны мы видим требующую одобрения, поощрения добродетель, помощь «на показ». Она прислала Дмитрию записку, в которой предлагается к нему в невесты с целью спасти его. «Она свою добродетель любит, а не меня, – невольно, но почти злобно вырвалось вдруг у Дмитрия Федоровича» (14: 108). От Алеши героиня тоже ждет поощрения своего «сестринского» чувства, считает себя пожертвовавшей ему жизнь. Катерина Ивановна очень хотела, чтобы Груша отказала Дмитрию. Соперничество между невестами – и с той, и с другой стороны – не столько исключительно за жениха, сколько за удовлетворение своего самолюбия, эго-желания обладать другим: Катерина Ивановна «любит» Митю, чтобы быть добродетельной и поощряемой за это (не хочет быть невестой, но другом или сестрой!), Грушенька Митей забавлялась, чтобы к другому не бежать (то есть не выглядеть «собачонкой»).

Истинная братне-сестринская духовная связь возникнет между Алешей и Грушенькой. Ракинин ведет Алешу к Грушеньке, преследуя

двойную цель: 1) увидеть «позор праведного» и вероятное «падение» Алеши («проглотить» гостя желала и Груша); 2) получить 25 рублей от Грушеньки, обещанные ею за «доставку» ангела Алеши. Но у Груши пропадает желание «глотать» ангела после услышанной новости о смерти старца Зосимы. И это действие героини имело первостепенное значение для Алеши: «Я шел сюда злую душу найти – так влекло меня самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашел *сестру искреннюю*, нашел сокровище – душу любящую... <...> Ты мою душу сейчас восстановила (курсив мой. – Н. К.)» (14: 318). Для Груши нареченность сестрой тоже оказалась очень значимой, она призналась в том, что никогда этого не забудет. Это, на наш взгляд, один из ключевых эпизодов романа, поскольку заключает в себе важную авторскую мысль: духовная поддержка обладает эффектом отражения, усиливая, делая более прочной связь между людьми.

В целом важность подобного сестринского чувства в человеческом обществе раскрывает рассказанная Грушей басня, которую она слышала от кухарки Матрены. Басня повествует о злющей-презлющей бабе, хотевшей единолично спастись из огненного озера посредством протянутой ангелом луковки. Луковка, точно замечает Т. А. Касаткина, «становится *связью*, соединяющей личности в единство, которое и есть рай». «Таким образом, согласно “Луковке”, в ад попадают неспособные к восстановлению, к воссоединению со всеми». «Пребывание в аду <...> есть закупоривание внутри своей самости, без внутренней возможности установить связь со всем, и тем более без возможности эту связь, будь даже она случайно установлена, сохранить» [9: 307–308]. Аналогично раскрывает смысл легенды о луковке Е. В. Костенко: «К спасению можно прийти не индивидуальным путем, а всем вместе», то есть в легенде явлен «путь соборного спасения» [12: 88–90]. Груша в данном эпизоде сделала шаг к обретению подлинной связи со всеми. Алеше суждено еще более эту связь укрепить: через видение он стал участником брачного пира в Кане Галилейской. Эта евангельская аллюзия образует метафизический подтекст, выражая на глубинном уровне основную идею романа. На свадебном пире – то есть на пире, обозначающем зарождение новой семьи, – могут быть только те, кто способен преодолеть погруженность в себя и обратить свою душу к другому. Иначе: действительная семья – это союз людей, созидающийся на духовно-любовной основе. И в этом союзе нужно уметь не только *подавать*, но и *принимать* луковку.

Грушенька просит у Мити прощения – за то, что думала: любит другого, за то, что мучила его со злобы. Далее в ее словах возникает мотив всеобщего прощения: «Кабы Богом была, всех бы людей простила: “Милые мои грешнички, с этого

дня прощаю всех”. А я пойду прощения просить: “Простите, добрые люди, бабу глупую, вот что”. Зверь я, вот что. А молиться хочу. Я луковку подала» (14: 397). Но для того, чтобы прощать, не нужно быть Богом. Примечательно: сама героиня хочет просить прощения именно у людей, а не у Бога (*простите, добрые люди...*).

Митя так же, как и Алеша, признается в том, что Грушенька подала ему луковку. Он «просит луковку» и у Алеши, говоря ему о предложении Ивана бежать и спрашивая совета. Герой не может выбрать: с одной стороны, без Груши он жить не в состоянии, а каторжных, возможно, не венчают; с другой – от страдания убежит. И Алеша «подает луковку»: «После суда сам и решишь; тогда сам в себе нового человека найдешь, он и решит» (15: 35). Митя решил. «Если я и убегу, даже с деньгами и паспортом и даже в Америку, то меня еще ободрят та мысль, что не на радость убегу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, может быть, этой!» (15: 186).

Когда Дмитрий узнал о том, что Григорий жив, его первым порывом было поделиться радостью с Грушенькой. «Этот старик, – признается герой, – ведь он носил меня на руках, господа, мыл меня в корыте, когда меня трехлетнего ребенка все покинули, был *отцом родным!*.. (курсив мой. – Н. К.)» (14: 413–414). Смерть Григория (если бы это случилось) более острой болью отозвалась бы в душе Мити, нежели отозвалась смерть собственного, генетически родного, отца. Отцовство, как мы уже указали, многогранное понятие у Достоевского, где прямой смысл почти полностью нивелируется глубинным, философским. И радость о том, что жив «отец родной», обязательно нужно разделить с невестой, которая способна радоваться такой же радостью. Так рождается одна радость на всех – радость прочной духовной связанности родственных душ.

Читая сон Мити о плачущем «дитё», мы понимаем, что здесь тоже радость духовного просветления неотделима от мысли существования невесты и ощущения себя как жениха. Но на эту духовную перемену Мити нет отклика среди власть имущих. Искренно обращаясь к суду, герой просит поверить в его невиновность, но не получает ответа. Иная реакция народного мира. Когда осужденного увозили, «у ворот столпились люди, мужики, бабы, ямщики, все усталились на Митю.

– Прощайте, Божьи люди! – крикнул им вдруг с телеги Митя.

– И нас прости, – раздалась два-три голоса» (14: 460).

Иная реакция и невесты Грушеньки:

«– Сказала тебе, что твоя, и буду твоя, пойду с тобой навек, куда бы тебя ни решили. Прощай, безвинно погубивший себя человек!

Губки ее вздрогнули, слезы потекли из глаз» (14: 460).

Когда Катерина Ивановна приходит к Мите после совершившегося суда, его первый вопрос: «простила или нет?» Вопрос самый важный в данный момент: только положительный ответ «поддержит душу». Но героиня не в состоянии понять всю значимость этого вопроса для Мити.

Один эпизодический, на первый взгляд, диалог многое добавляет к художественной концепции романа. Груша приютила «скитающегося приживальщика» Максимова, который говорит ей:

«– Я Ваших благодеяний не стою-с, я ничтожен-с, – проговорил слезящимся голоском Максимов. – Лучше бы Вы расточали благодеяния Ваши тем, которые нужнее меня-с.

– Эх, всякий нужен, Максимушка, и по чему узнать, кто кого нужней» (15: 8).

«Нужность» каждого, невозможность устранить ни одного, если человечество хочет жить в светлом, гармоничном мире, есть составляющая идеи всеобщей – семейной – связанности. Поэтому далее герои заняты в основном тем, что решают для себя вопрос о своей «нужности» в человеческом целом. Лиза Хохлакова, например, признается, что не хочет быть счастливою, а хочет, чтобы кто-нибудь ее истерзал, обманул... Она не желает делать доброе, у нее есть внутренняя потребность делать злое – чтобы нигде ничего не осталось. Остро ощущая необходимость помощи, которую Алеша действительно может ей оказать, и отказываясь от нее, Лиза лишает себя возможности быть членом всечеловеческой семьи; она не готова быть женой Алеши. Их намечавшийся брак так и не состоится.

Не случайно в финале романа Митя посылает Алешу к Ивану: он понимает, что только младший брат способен вернуть Ивана в большую семью. «“Люби Ивана!” – вспомнились ему вдруг сейчасные слова Мити» (15: 36). И Алеша идет к брату.

На неверие Алеши в то, что Митя убил, Иван «холодно» и даже «высокомерно», а потом «свирепо» спрашивает: кто же? Брат отвечает: «Не ты убийца, слышишь меня, не ты! Меня Бог послал тебе это сказать» (15: 40)... Фраза «не ты убил», безусловно, одна из самых «многослойных» в романе и, может быть, одна из самых загадочных. Она – и отражение всепрощающей безусловной любви (которую Иван воспринял как сигнал того, что у брата была мысль о его, Ивана, виновности), и попытка облегчить душевную боль родного человека, сняв с него ощущение греховности. Иван не принимает «луковку» Алеши: заявляет, что разрывает с ним навсегда, и уходит, не оборачиваясь. Возможно, герой чувствует, что труд покаяния и очищения для него очень тяжел или вовсе неподъемен. Возможно, и Алеша это почувствовал, потому и проявил сострадание-жалость к слабости брата. Символический эпизод: у Смердякова Иван видит книгу «Святого отца нашего Исаака Сирина слова» и накрывает ею три тысячи, украденные слугой у Федора Павловича, то есть он механически устраняет из поля видимо-

сти атрибут преступления, тогда как «устранение» должно произойти в его внутреннем человеке – том, который воскрес в Мите. Для Ивана еще закрыт путь поиска в себе Божественного начала. Смердяков недвусмысленно намекнул, что герой не найдет «третьего», то есть Бога. Стоит отметить, что изначально Смердяков испытывал Ивана на «пункте» – желает или не желает он смерти отца, а потом высказал ему: если он уехал, то тем самым дал понять, что не препятствует убийству отца. Слова лакея: «Главный убивец во всем здесь единый Вы-с, а я только самый не главный, хоть это и я убил. А Вы самый законный убивец и есть!» (15: 63) – прямо противоположны словам Алеши. Смердяков обнажил перед Иваном суть его в настоящий момент (допустив в своем сознании убийство отца, Иван становится таким образом сопричастным людскому отвержению высшего начала жизни) – Алеша обозначил его сущность, должную быть.

При третьем свидании со Смердяковым Иван решает признаться в своей виновности, после чего поднимает с заботой и пристраивает мужичонка, которого, идя к Смердякову, ударил и оставил замерзать на улице. В статье Н. И. Квашко и В. В. Соломоновой есть интересное наблюдение: «Иван, наткнувшись на пьяного мужика без сознания, хлопчет о нем, устраивая на ночлег, не жалеет для него денег, слово в слово почти повторяя евангельскую притчу о добром Самарянине. Для чего же? Иисус говорит эту притчу законнику, задавшему вопрос “а кто мой ближний?” <...> утверждая ближним любого человека, а особенно нуждающегося в любви и помощи. Именно это-то и делает Иван, прежде утверждавший невозможность такой любви» [10: 72].

Показательно, что признание Ивана происходит вопреки тому, что герой получает математическое доказательство виновности Мити – его письмо с грозным обещанием убить отца, чтобы вернуть деньги Катерине Ивановне. Более того, позже Алеша сообщит Ивану о том, что повесился Смердяков. Соответственно, для Ивана наступит ситуация свободы от подозрений... Но он признаётся. И открывает себе этим признанием путь к воссоединению с человеческим целым.

В художественном мире романа есть еще одна семья – Снегиревых, в доме которых установилась мрачная атмосфера предчувствия смерти. Илюша, желая облегчить горе отца, советует взять другого мальчика вместо него. Реакция отца – самая правильная: «Не хочу хорошего мальчика! не хочу другого мальчика! <...> Аще забуду тебе, Иерусалиме, да прильпнет...» (14: 507). Алеша пояснит эту библейскую аллюзию: «Это из Библии: “Аще забуду тебе, Иерусалиме”, то есть если забуду все, что есть самого у меня драгоценного, если променяю на что, то да поразит...» (14: 508). Но «самое драгоценное» в этой семье давно разрушается – «усилиями» наивно-эгоистичной матери: пушечку, которую Коля

принес в подарок Илюше, мама хочет иметь как подаренную ей. Илюша же лишен эгоизма, он с легкостью отдает пушечку маме. Не случайно подлинное человеческое единение в романе состоялось среди мальчиков. На похороны Илюшечки собралось человек двенадцать его товарищей. Один из них – Коля – очень хочет, чтобы друга можно было воскресить.

Идея воскресения каждого умершего, созвучная «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, отображает в художественном пространстве Достоевского необходимость духовной связанности каждого с каждым в человеческом мире, то есть мечту писателя о мире как единой *семье*. Не случайны здесь образы детей. Федоров в своей книге очень определенно говорит о том, что именно дитя, «не только не понимающее еще ни рангов, ни чинов, ни всех отличий, установившихся вне Царствия Божия, разрушивших родство,

возникших на его развалинах, но и сознающее свое родство со всеми без различия положений или не знающее ничего, вне родства заключающегося», способно на духовное единение с человеческим целым [19]. Алешин завет мальчикам звучит так: «Не забывайте никогда, как нам было раз здесь хорошо, всем сообща, соединенным таким хорошим и добрым чувством, которое и нас сделало на это время любви нашей к бедному мальчику, может быть, лучшими, чем мы есть в самом деле» (15: 195). Они идут на поминки «рука в руку». Жизненный путь не может быть в одиночку.

Карамазовская семья в романе стала образом всего человеческого мира – в наличном его состоянии. Союз мальчиков, собравшихся у камня, это тот образ человеческого единения в любви, к которому идут три брата Карамазовы: воистину, «Бог дал родных, чтоб учиться на них *любви*».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14, 15. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. 640 с.
2. Вольтский А. Л. Человекобог и Богочеловек // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. М.: Книга, 1990. С. 74–85.
3. Гачева А. Г. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров: линии духовного родства // Текст, контекст, интертекст. Т. 3. М.: МГПУ, 2012. С. 61–75.
4. Джексон Р. Л. Речь Алеши у камня: «целая картина» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 275–295.
5. Евлампиев И. И. Между «сладострастием насекомого» и «громовым воплем восторга серафимов»: смысл человеческой жизни в художественном мире Ф. Достоевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. Вып. 2. С. 25–36.
6. Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 694–710.
7. Зверева Т. В. Проблема слова и структура романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Ижевск: УГУ, 1998. 122 с.
8. Каминская К. В. Евангельские мотивы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологические этюды. Саратов: Научная книга, 2007. Вып. 10. Ч. 1–2. С. 68–73.
9. Касаткина Т. А. «Братья Карамазовы»: опыт микроанализа текста // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 283–319.
10. Квашко Н. И., Соломонова В. В. Тесные врата «спасения» (путь Ивана Карамазова в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск: Вариант-Омск, 2009. С. 68–73.
11. Ковина Е. В. Художественная картина мира в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: время, пространство, человек: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 266 с.
12. Костенко Е. В. «Легенда о луковке» как символ милосердия // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток: Типография ДГТУ, 2009. № 4 (8). С. 88–90.
13. Ларионова О. А. Духовный путь человека: опыт земной жизни старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2007. С. 175–177.
14. Мелетинский Е. М. Достоевский в свете исторической поэтики. Как сделаны «Братья Карамазовы». М.: РГГУ, 1996. 112 с.
15. Сосницкая Е. В. Путь духовного совершенствования личности (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // История. Культура. Духовность. Калуга: Полиграф-Информ, 2005. Вып. 5–6. С. 99–104.
16. Степанян К. А. «Братья Карамазовы»: лик земной и вечная истина // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 711–731.
17. Тарасов Ф. Б. Евангельский текст в художественной концепции «Братьев Карамазовых» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 332–378.
18. Фарафонова О. А. Мотивная структура романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2003. 202 с.
19. Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litres.ru/nikolay-fedorov/vopros-o-bratstve-ili-rodstve-o-prichinah-nebratskogo-nerodstvennogo-t-e-nemirnogo-sostoyaniya-mira-i-o-sredstvakh-k-vosstanovleniu-rodstva> (дата обращения 14.05.2014).
20. Шариков С. Л. Идея спасения в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 391–398.

Kladova N. A., Interregional training center "Parity" (Moscow, Russian Federation)

ARTISTIC MEANINGS OF RELATIONSHIPS AMONG CHARACTERS
IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

The present article is devoted to the analysis of images of the novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov" in the aspect of relationships. The article aims to reveal the artistic significance of relationships among characters of the novel. The author investigates, in accordance with the logic of the narrative, these relationships from the perspective of artistic conception. The study reveals their multifaceted semantic completeness. "Disengagement" from the family circle of some characters and disregard to the family ties by the others was noted; in contrast to the existence of Alyosha in the world as his own family. A distorted nature of Karamazov's family was brought to light. It is further stated that the neglect of the novel's heroes to the kindred bonds is multiplied by the desecration of the sanctity of the feeling of love: loving relationships are built on false principles and are aimed to fulfill selfish desires; but again in contrast to the true brotherly relationships established between Alyosha and Grushenka. The author comes to a conclusion that the ability or inability of one or another hero to enter into a relationship reflects his or her inner essence, characterizes him or her as an able or unable character of the human whole. The substantial basis of the novel is an idea of the universal kinship of the whole humanity as its original condition. Therefore, human relationships are an important semantic component of the novel's artistic ideas. The research results presented in the paper suggest that the concept of kinship was filled with unique meanings developed by the creative consciousness of F. M. Dostoevsky.

Key words: F. M. Dostoevsky, "The Brothers Karamazov", relationships, family, artistic idea, a novel, system of images, the unity

REFERENCES

1. Vetlovskaja V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"* [The Novel F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. 640 p.
2. Volynskij A. L. Man and the God-man [Chelovekobog i Bogochelovek]. *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli*. Moscow, 1990. P. 74–85.
3. Gacheva A. G. F. M. Dostoevsky and N. F. Fedorov: lines of spiritual kinship [F. M. Dostoevskiy i N. F. Fedorov: linii dukhovnogo rodstva]. *Tekst, kontekst, intertekst*. Vol. 3. Moscow, 2012. P. 61–75.
4. Dzheksun R. L. Alyosha's Speech at the stone: "the whole picture" [Rech' Aleshi u kamnya: "tselaya kartina"]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov*. Vol. 4. Petrozavodsk, 2005. P. 275–295.
5. Evlampiev I. I. Between "insect's sensuality" and "the thundering scream of Seraphim's delight": the meaning of human life in the artistic world of Dostoevsky [Mezhdru "sladostrastiem nasekomogo" i "gromovym vopem vostorga serafimov": smysl chelovecheskoy zhizni v khudozhestvennom mire F. Dostoevskogo]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6*. St. Petersburg, 2009. Vol. 2. P. 25–36.
6. Zakharov V. N. Hosanna in the crucible of doubt [Osanna v gornile somneniy]. *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, 2007. P. 694–710.
7. Zvereva T. V. *Problema slova i struktura romana F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"* [The Problem of words and the structure of the novel F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. Izhevsk, UGU Publ., 1998. 122 p.
8. Kaminskaja K. V. Evangelical motives in the novel by F. Dostoevsky "the Brothers Karamazov" [Evangel'skie motivy v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"]. *Filologicheskie etyudy*. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2007. Issue 10. № 1–2. P. 68–73.
9. Kasatkina T. A. "The Brothers Karamazov": the experience of the microanalysis of the text ["Brat'ya Karamazovy": opyt mikroanaliza teksta]. *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, 2007. P. 283–319.
10. Kvashko N. I., Solomonova V. V. Narrow gate "of salvation" (the path of Ivan Karamazov in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov") [Tesnye vrata "spaseniya" (put' Ivana Karamazova v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy")]. *Svyatootecheskie traditsii v russkoy literature*. Omsk, 2009. P. 68–73.
11. Kovina E. V. *Khudozhestvennaya kartina mira v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": vremya, prostranstvo, chelovek: Dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic picture of the world in the novel of F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov": time, space, people. PhD phil. sci. dis.]. St. Petersburg, 2005. 266 p.
12. Kostenko E. V. "The legend of the onion" as a symbol of relief ["Legenda o lukovke" kak simvol miloserdiya]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Vladivostok, 2009. № 4 (8). P. 88–90.
13. Lariova O. A. The Spiritual path: the experience of the earth life of the elder Zosima in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" [Dukhovnyy put' cheloveka: opyt zemnoy zhizni startsa Zosimy v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. Yazykoznanie i literaturovedenie v sinkhronii i diakhronii*. Part 1. Tambov, 2007. P. 175–177.
14. Meletinskij E. M. *Dostoevskiy v svete istoricheskoy poetiki. Kak sdelaya "Brat'ya Karamazovy"* [Dostoevsky in the light of historical poetics. How are "The Brothers Karamazov" made]. Moscow, RGGU Publ., 1996. 112 p.
15. Sosnickaja E. V. The Path of spiritual perfection of the individual (novel by F. Dostoevsky "The Brothers Karamazov") [Put' dukhovnogo sovershenstvovaniya lichnosti (roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy")]. *Istoriya. Kul'tura. Dukhovnost'*. Kaluga, 2005. Issue 5–6. P. 99–104.
16. Stepanjan K. A. "The Brothers Karamazov": the earthly face and eternal truth ["Brat'ya Karamazovy": lik zemnoy i vechnaya istina]. *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, 2007. P. 711–731.
17. Tarasov F. B. The Gospel text in the artistic conception of "The Brothers Karamazov" [Evangel'skiy tekst v khudozhestvennoy kontseptsii "Brat'ev Karamazovykh"]. *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, 2007. P. 332–378.
18. Farafonova O. A. *Motivnaya struktura romana F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": Dis. ... kand. filol. nauk* [Motivic structure of the novel F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov": PhD phil. sci. dis.]. Novosibirsk, 2003. 202 p.
19. Fedorov N. F. *Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t. e. nemirnogo, sostokaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva* [To the question of brotherhood or kinship, on the reasons for non-brotherly, unrelated, i. e. non-peaceful state of the world and on the means restoring relationships]. Available at: <http://www.litres.ru/nikolay-fedorov/vopros-o-bratstve-ili-rodstve-o-prichinakh-nebratskogo-nerodstvennogo-t-e-nemirnogo-sostoyaniya-mira-i-o-sredstvakh-k-vosstanovleniyu-rodstva> (accessed 14.05.2014).
20. Sharakov S. L. The idea of salvation in the novel F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov" [Ideya spaseniya v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. Issue 3. Petrozavodsk, 2001. P. 391–398.

Поступила в редакцию 20.03.2017

АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧЕВТАЕВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы факультета филологии, Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
achevtaev@yandex.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ Н. ГУМИЛЕВА «ЛЕСНОЙ ПОЖАР»: СТАНОВЛЕНИЕ ПОЭТИКИ АДАМИЗМА

Рассматривается структурно-семантическая организация стихотворения Н. С. Гумилева «Лесной пожар» (1909), вошедшего в состав третьей книги стихов поэта «Жемчуга» (1910). В период создания данного поэтического сборника в творческом сознании Гумилева намечается поворот от символистского мировосприятия к новой поэтике, впоследствии концептуально оформившейся в парадигму акмеистического видения мира, одной из ключевых идеологем которого оказывается адамизм. Адамистический смысл рассматриваемого стихотворения формируется посредством нарративной репрезентации губительного разгула природной стихии. Пожар в африканском лесу получает здесь статус апокалиптической катастрофы, так как его губительному воздействию подвергаются иерархические упорядоченные формы жизни, одновременно воспроизводящие и эволюционную логику развития живого, и онтологический процесс тварности сущего: от флоры через фауну к человеку. В структуре текста актуализируется идеологема причастности человеческого «я» природно-доисторическим ритмам бытийного движения универсума. Первенство человеческого погружения в апокалиптический огонь лесного пожара, маркированное смертью, становится знаком адамистического «возвращения» к тварной первоизданности мира. Первым погибая в природном катаклизме, человек смертельно вовлекается в единый процесс существования. Соответственно, поэтика адамизма в «Лесном пожаре» представлена имплицитно и связана не столько с библейским смыслом Адама, сколько с идеей тварного родства человека и природы. Вскрытие первоизданности человеческого «я» в событии катастрофической смерти маркирует начальный этап формирования адамистической концепции в поэзии Гумилева.

Ключевые слова: Н. Гумилев, адамистический код, лирическое сюжетостроение, нарративность, система персонажей, художественный универсум

Мифологизация представлений о бытии, являющаяся основой художественного миромоделирования в ранней поэзии Н. С. Гумилева, прежде всего связана с поиском и утверждением тех ипостасей человеческого «я», которые способствуют реонтологизации мироздания и его ценностно-смысловому преобразованию. Бытийная активность лирического субъекта в доакмеистическом творчестве поэта оказывается одним из источников формирования художественной идеологии, позднее реализуемой в концепции акмеизма. Наиболее явной точкой преломления ранней поэтики Гумилева в акмеистической картине мира является постулирование адамистического видения сути взаимодействия на оси «Я – Универсум».

Как известно, термин «адамизм», использованный в поэтических манифестах Гумилева и С. М. Городецкого, опубликованных в 1913 году в январском номере журнала «Аполлон», в самосознании акмеистов предстает параллельным к собственно акмеизму обозначением нового художественного миропонимания. Утверждая целью и смыслом поэзии пересоздание действительности, освобожденной от онтологических спекуляций, Н. Гумилев называет адамизмом «мужественно твердый и ясный взгляд на

жизнь»¹, который должен уравновесить макро- и микрокосм в их бытийным единстве. Провозглашаемая в «Наследии символизма и акмеизма» вовлеченность человеческого «я» в целостный процесс самодвижения бытия продуцирует гумилевскую идеологему первоизданной наивности и чистоты восприятия «мирового ритма»: «Как адамиты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению»². В понимании адамистического начала Городецким акцентирована творческая сила, реализуемая в данности реального, «посюстороннего» мира, так как «новый Адам <...> огляделся тем же ясным, зорким оком, принял все, что увидел, и пропел жизни и миру аллилуйя»³. Таким образом, адамизм предстает своеобразным учением о новом человеке, способном упорядочить бытие и эмпирически вскрыть сущность миропорядка.

Адам в акмеизме воплощает три ключевых идеологических постулата: первоизданность видения бытия, именование сущего, возвращающее Слово одухотворяющее начало, и восхваление сотворенного мира [13: 85–87]. Художественная реализация такого адамистического триединства наиболее очевидна и концептуально оформлена в творчестве Городецкого, М. А. Зенкевича

и Вл. И. Нарбута, поэтому чаще всего описание специфики адамизма связывается с поэтическим наследием именно этих представителей акмеизма [8: 62–69], [11]. Вместе с тем адамистическая стратегия миропонимания (прежде всего – в аспекте ее генезиса) оказывается ключевым механизмом смыслообразования именно в поэзии Гумилева, вскрывая глубинные связи раннего периода его творчества с последующими, в которых адамизм определяет сущность его творческой индивидуальности [14].

Представления об Адаме как ценностно-смысловом центре универсума формируются в гумилевской поэтике гораздо раньше, нежели эстетическая парадигма акмеизма (адамизма). В период создания третьей книги стихов «Жемчуга» (1910) Гумилев интенсивно ищет единое концептуальное основание различным вариантам онтологического маршрута человека в многомерном бытии, и таким инвариантным знаком бытийного обновления становится именно Адам, первоизданность которого проступает в каждом человеческом «я». М. Баскер указывает, что в «Жемчугах» образуется идеологема возможного искупления «падшего Адама, характерно следующего своему суровому пути горя и труда в упорном отказе скорбеть по “плодам, неискупленным и презренным” своего первоначального, райского сада» [1: 68]. Помимо прямой экспликации адамистического начала (стихотворения «Сон Адама» (1909) и «Адам» (1910)) здесь обнаруживаются имплицитные указания на его принципиальную значимость в художественном мире Н. Гумилева, причем на первый план выдвигается именно семантика обновления / преобразования мироздания, которая, как отмечено выше, впоследствии становится смысловым ядром акмеистического адамизма.

Такое становление адамистической идеологии в гумилевских «Жемчугах» реализуется различными способами, одним из которых оказывается константное для Н. Гумилева рефлексивное «вглядывание» в пространство Африки. В настоящей статье предлагается рассмотрение адамистического кода в стихотворении «Лесной пожар», написанном поэтом в 1909 году и представляющем африканские реалии в качестве основы художественного миромоделирования.

К моменту написания данного стихотворения Гумилев дважды предпринял поездку в Африку: в июне – июле 1907 года [9: 109–110] и осенью 1908 года [9: 145–146], причем эти путешествия ограничены посещением Египта, поэтому говорить о влиянии на поэтику «Лесного пожара» биографических впечатлений не представляется возможным. Африка здесь предстает как ментальная проекция онтологических исканий поэта, в основе которых лежит принципиальное внимание «к оккультным доктринам» [4: 116], нередко наделяющих африканский материк сакральным статусом. Думается, что сакрализация африканского локуса обуславливает формирование «адамистического» кода в структуре данного текста.

На тематическом уровне стихотворение представляет собой изображение природной стихии – пожара в африканском лесу. Конкретизация реальных африканской природы в процессе сюжетного развертывания текста, конечно, обнаруживает «экзотические» коннотации в облике репрезентируемой действительности [5: 509], однако африканская экзотика здесь является способом кодирования онтологического смысла, а не самоцелью субъектной рефлексии. В первом издании «Жемчугов» Гумилев помещает «Лесной пожар» в первый раздел книги «Жемчуг черный», в котором актуализировано танатологическое изменение бытия. Следуя за стихотворением «Выбор» (1908), в котором декларируется право выбора смерти, и предшествуя «Царице» (1909), в котором изображается герой-жрец, сознательно идущий на гибель от руки обожествляемой им женщины-повелительницы, данный текст верифицирует движение к смертельной границе существования вопреки желанию человеческого «я», лишённого возможности выбирать между жизнью и смертью. Такая логика постижения бытийной «танатологии» эксплицирует поиск Гумилевым констант человеческого самополагания в мире, сопряженных с возможностью преодоления ужаса смерти⁴.

Итак, в 1-й строфе изначально акцентирован динамический импульс событийности, приводящий в движение изображаемое лесное пространство:

Ветер гонит тучу дыма,
Словно грузного коня.
Вслед за ним неумолимо
Встало зарево огня (216)⁵.

«Ветер», помещенный в сильную позицию начала текста, эксплицирует процесс оживания универсума, сообщая о наступлении пожара. Данный знак задает горизонтальную ось пространственного движения в его отрицательном значении («гонит тучу дыма»). Экспликация видимых проявлений стихии здесь сопрягается с «неумолимостью» ее действия, материально воплощенного в «зареве огня». Эта смысловая точка строфы актуализирует вертикальные параметры моделируемого мира, в котором динамика свойственна всему «гонимому», а «огонь» оказывается смысловым интегралом происходящего, в дальнейшем многократно и разнообразно проявляясь в изображаемой картине природного бедствия.

Во 2-й и 3-й строфах точка зрения лирического субъекта фокусируется на природных реалиях уничтожаемого огнем пространства: «Только в редкие просветы / Темно-бурых тополей / Видно розовые светы / Обезумевших полей. // Яркое вспыхивает маис, / С острым запахом смолы, / И шипит и разгораясь, / В пламя падают стволы» (216). «Тополя», «поля», «маис», «стволы» (деревьев) предстают не только и не столько пейзажными индексами изображаемой реальности, сколько одушевленной природой, явленной в конкретике растительного мира. Флора,

гибнущая в огне стихии, становится своеобразным участником события, испытывающим на себе катастрофическое воздействие пожара. Здесь акцентирована визуальная сторона происходящего («розовые светлы», «ярко вспыхивает», «разгораясь»), что создает резкий контраст с последующей точкой развертывания сюжета, в которой эксплицируется звуковая динамика стихийного движения универсума:

Резкий грохот, тяжкий топот,
Вой, мычанье, визг и рев,
И зловеще-тихий ропот
Закипающих ручьев (216).

В структуре изображаемого мира появляются новые жертвы лесной катастрофы – животные, локализуемые в художественном пространстве посредством звукового метонимического ряда. Как видно, синхронность погружения флоры и фауны в огненную стихию дается в линейной последовательности: сначала – древесно-растительные реалии, затем – анималистические. В движении лесного пожара вскрывается причинно-следственная логика наступления на иерархически организованный природный мир. Такая нарративизация лирического сюжета усиливается в 5-й и 6-й строфах, где метонимическое представление животных сменяется их прямым изображением:

Вон несется слон-пустынный,
Лев стремительно бежит,
Обезьяна держит финик
И пронзительно визжит.

С ведрем стиснутый бок о бок,
Легкий волк, душа ловить,
Зубы белы, взор неробок –
Только время не для битв (216).

Конкретизация фауны здесь, во-первых, эксплицирует африканский локус повествуемого события, а во-вторых, способствует определенной персонификации животного мира. Д. В. Соколова отмечает, что гумилевской поэтике присуща «“анимализация” образа человека», и «вобретении человеком “звериных”, более подлинных и первичных сущностей» поэт «видит его приближенность к природе» [10: 136]. Очевидно, что отождествление «человеческого» и «звериного» может разворачиваться и в обратную сторону: животное уподобляется человеку, причем именно в аспекте персонализации. В нарративной структуре «Лесного пожара» актантные функции закрепляются именно за анималистическими персонажами. «Слон-пустынный», «лев», «обезьяна», «вепрь», «волк» обнаруживают бытийную активность, что реализуется в их действиях: попытке спастись от огненной стихии. Конечно, витальное стремление фауны избежать гибели определяется не сознательно-волевым актом, а инстинктом самосохранения, свойственным всему живому, однако восходящая упорядоченность вовлечения природы в динамику стихийного бедствия продуцирует идеологему сопротивления смерти.

Таким образом, нарративное развертывание сюжета здесь предстает как последовательная репрезентация мира, погруженного в эпицентр катастрофического события – пожара в африканском лесу. Действие стихии со всей очевидностью приобретает апокалиптическое значение, так как губительному воздействию подвергаются иерархически упорядоченные формы жизни, одновременно воспроизводящие и эволюционную логику развития живого, и онтологический процесс тварности сущего: от флоры к фауне.

Абсолютизация катастрофы усиливается в 7-й строфе, в которой фауна сливается в единое неразличимое целое и сползает в обезличенный хаос существования: «А за ними в дымных пущах / Льется новая волна / Опаленных и ревущих... / Как назвать их имена?» (217). Апокалиптическая перспектива изображаемого события упреждает индивидуальность природных феноменов, и именно в этой точке сюжетного развертывания впервые актуализируется адамитический смысл стихотворения. Субъект-нарратор, вглядываясь в страдающий животный мир, задается вопросом: «Как назвать их имена?», что соотносится с деянием ветхозаветного Адама: наделием всего сотворенного бытийной ценностью посредством именования⁶. Это вопрошание, с одной стороны, продуцирует воспоминание об изначальной (эдемской) гармонии универсума, в котором все сущее поддавалось индивидуации, а с другой – фиксирует нынешний крах тварного мира, охваченного пожаром и утрачивающего свою природную сущность.

Такая реализация адамитического кода в стихотворении сопрягается с представлением об inferнальном аспекте существования мира. Как отмечает А. В. Якунин, развернутая здесь «кошмарная картина природной катастрофы» обусловлена тем, что «перманентное движение жизни в онтологии Гумилева приобретает отчетливо дьявольскую природу» [12: 151]. Думается, что апокалиптический смысл репрезентируемого события получает концептуальное завершение именно за счет акцентирования «дьяволического» плана бытия в 8-й строфе стихотворения: «Словно там, под сводом ада, / Дьявол шелкает бичом, / Чтобы грешников громада / Вышла бешеным смерчем» (217). Появление «дьявола» в изображаемом универсуме маркирует онтологический поворот в развертывании нарратива. Событийность, изначальное определявшая движение к гибели первозданно-природного, внечеловеческого (а точнее – дочеловеческого) мира, обнаруживает антропологическое измерение изображаемой катастрофы, получающей подлинно вселенский статус. Действие «дьявола», пространственно-аксиологическим атрибутом которого является адский огонь, здесь подобно действию «ветра» в начале стихотворения. Так же, как природа оказывается «гонимой» «ветром», грешное человечество вырывается из ада, нарушая привычный миропорядок. Знак «грешников громада» продуцирует идеологему конца времен и актуализирует бытийную точку восстания

мертвых на Страшный суд. Такое вскрытие в репрезентации лесного пожара эсхатологических значений, присущих поэтике Гумилева в целом [6: 130], также способствует утверждению адамистической сущности изображаемого события: Адам как универсальная ипостась человека существует в координатах греховной земной жизни и нуждается в очищении, которое позволит ему обрести ценностно-смысловую полноту Мироздания, утраченную в результате грехопадения.

В этом отношении принципиальным оказывается именно огненное воплощение природно-африканского «апокалипсиса». В семантике «пожара», помимо эмпирически-стихийного значения, явно обнаруживается глубинная символика огня как бытийной универсалии. Согласно мифопоэтическим представлениям, огонь представляет собой амбивалентное явление: с одной стороны, в нем воплощается губительное, inferнальное начало («адское пламя»), а с другой – ему «приписывается очищающее воздействие (“очистительное пламя”), свойство уничтожать зло» [3: 184]. Соответственно, огненная катастрофа сакрализуется как очистительный апокалиптический итог существования мира. Укажем, что в акмеистическом творчестве Гумилева «огонь» становится константным знаком онтологического очищения универсума, концептуализируясь в итоговой книге стихов поэта «Огненный столп» (1921). В поздней гумилевской лирике именно огненное начало определяет характер и смысл обновления миропорядка⁷.

В рассматриваемом стихотворении универсальный смысл «пожара» утверждается в 9-й, финальной, строфе, в которой нарративное развертывание сюжета достигает событийного апогея и стихийное бедствие получает смысловое завершение:

Все страшней в ночи бессонной,
Все быстрее дикий бег,
И, огнями ослепленный,
Черной кровью обогранный,
Первым гибнет человек (217).

Стремительное оживание африканского леса и эскалация движения живых существ («несется», «стремительно бежит», «лется новая волна», «вышла бешеным смерчем») здесь достигают предельного напряжения. «Дикий бег», являясь метонимическим обозначением спасающихся от огня животных, продуцирует значение самого принципа существования универсума: хаотическое стремление избежать гибели и неизбежное приближение к ней, причем эпитет здесь совмещает семантику первобытно-природного состояния мира и тотального подчинения все-ленному ужасу.

Именно здесь обнаруживается вовлеченность человеческого «я» в динамику изображаемого стихийного бедствия. Человек, венчающий собой тварное бытие, помещается в мортальный центр апокалиптического итога природного существования. Семантика смерти, имплицитно присутствующая на протяжении всего сюжетного развертывания картины лесного пожара,

эксплицируется гибелью именно человеческого «я». Здесь вскрывается экзистенциальный парадокс: одухотворенная бытийность оказывается более уязвимой в ситуации уничтожения, нежели первозданный природный мир, что, очевидно, определяется греховным отпадением человека от гармоничной целостности мироздания. Гибнущий человек здесь предстает в своем надиндивидуальном измерении, то есть возводится к Адаму как исходной точке антропологического маршрута в природных координатах универсума. Первенство в смерти становится знаком и онтологического возвышения Адама, и глубины его земного падения.

Необходимо указать, что гумилевское стихотворение полемически соотносится с изображением природных пожаров в лирике Ф. Тютчева и К. Бальмонта. В тютчевском натурфилософском стихотворении «Пожары» (1968) огненная стихия, скрытно движущаяся в дневном пространстве (Ср.: «Лишь украдкой, лишь местами, / Словно красный зверь какой, / Пробираясь меж кустами, / Пробежит огонь живой!»⁸), обнаруживает свое враждебное торжество над человеком ночью, но граница между ними не нарушается: «Пред стихийной вражьей силой / Молча, руки опустя, / Человек стоит уныло, / Беспомощное дитя»⁹. Бессилие человеческого «я» перед лесным пожаром здесь маркирует его принадлежность иным, нежели окружающая природа, координатам бытия: не в силах совладать со стихией, он может лишь созерцать ее разгул. В «Лесном пожаре» (1899) К. Бальмонта вектор осмысления огненного буйства природы близок гумилевскому, так как лирический герой здесь попадает в эпицентр действия стихии: «Удар, еще удар, и вот вблизи налево, / Исполнен ярости и мстительного гнева, / Взметнулся огненный пылающий язык. / <...> И замер. И кругом, везде – огонь, шипенье, / Деревьев-факелов кипящий дымный ад, / И бури бешеной раскатистый набат»¹⁰. Однако, в соответствии с символистской парадигмой миропонимания, пожар здесь предстает провозвестником глубинного смысла бытия и тем самым лишается своей стихийно-материальной самоценности: «Лесной пожар гудит. Я понял предвещанье, / Перед душой моей вы встали на прощанье, / О, тени прошлого! – Простите же меня, / На страшном рубеже, средь дыма и огня!»¹¹ Лирический герой в движении огня видит знак итогового разрыва с былой любовью, и «страшный рубеж» здесь маркирует переход от памяти к забвению, что усиливает его ментальную внеположность природной стихии.

У Гумилева натурфилософские и символистские значения огненной стихии очевидно трансформируются: пожар, уничтожающий человека, вскрывает его принадлежность природе как единому целому, а потому гибель человеческого «я» в огне мыслится не порыванием с прошлым, а, напротив, признанием его первозданного родства с природным миром, мортальным возвращением к доисторическому состоянию миропорядка,

в котором все живое подчиняется общей логике существования.

Как видно, становление гумилевской концепции адамизма в «Лесном пожаре» проявляется в изображении первозданного мира, жизнь и смерть в котором определяется стихией. Существование человека дается в контексте девственно-природного, доисторического состояния бытия. В восходящей иерархии сущего флора, фауна и человек уравниваются в ситуации катастрофы: обладая единой тварной природой, они одинаково подвержены губительному действию огня. Адамистическое начало человеческого «я» здесь мыслится как акцентирование первоисточков существования, ментальное возвращение к целостности сотворенного мира. Человек в девственно-диком пространстве Африки существует в согласии с едиными мировыми ритмами, даже если они ведут его к гибели. Эту бытийную ритмичность как раз и воплощает динамика катастрофического движения природы: «Все страшней в ночи бессонной, / Все быстрее дикий бег» (217).

Однако в такой согласованности с природным миром человек все же адамистически выдвигается на первый план. Хотя в орбиту действия огня по восходящей втягивается все живое (растительность → животные → человек), неумолимо обреченное на гибель в апокалиптическом пламени, именно за человеком закрепляется первенство смерти («Первым гибнет человек»). В этом проявляется своеобразная инверсия человеческой бытийности: Адам, сотворенный последним, после всех прочих живых существ, погибает первым. Соответственно, в изображении природной катастрофы просматривается процесс, обратный процессу творения: сначала уничтожается человеческое начало и только потом остальной мир.

Вместе с тем смысловая завершенность гумилевского «Лесного пожара» все же обнаруживает и некоторую «антитанатологическую» интенцию [7: 90]. Проживание гибели мира оказывается катарсисом очистительного ужаса, в результате которого утверждается ценность жизни как изначальной основы бытийного развития сотворенной природы. В свою очередь смерть человека

(Адама), венчающего природный мир и первым гибнущего в апокалиптическом огне, в ценностном кругозоре нарратора мыслится, используя терминологию М. М. Бахтина, «моментом единого и единственного открытого события бытия» [2: 173], которому причастен весь универсум.

Таким образом, в стихотворении Гумилева «Лесной пожар» обнаруживается смысловой разворот к адамистическому миропониманию. Адамизм, еще не имеющий отчетливого концептуального решения, проявляется здесь, прежде всего, в актуализации идеологемы причастности человеческого «я» природно-доисторическим ритмам бытийного движения мироздания. Животно-витальное начало, свойственное человеку, определяет его попытку избежать катастрофической гибели, тем самым согласуя его бытие с бытием всего тварного мира. В то же время его смерть, оказывающаяся результирующим событием в нарративной структуре стихотворения и эксплицирующая первенство человеческого погружения в апокалиптический огонь лесного пожара, напоминает о грехопадении и отпадении Адама и его потомков от девственной целостности сотворенного универсума. Давший имена всему сущему в начале времен, человек утрачивает способность возвышаться над природой в их конце и поэтому первым исчезает в природно-вселенском катаклизме. Соответственно, именно гибель человека адамистически первозданно возвращает его к тварным первоисточкам, морально подчеркивая его вовлеченность в единый процесс существования.

Конечно, поэтика адамизма в «Лесном пожаре» представлена имплицитно и связана не столько с библейским смыслом Адама, сколько с идеей тварного родства человека и природы. Однако именно адамистическое вскрытие первозданно-стихийной сущности человеческого «я» в событии катастрофической смерти намечает путь к восстановлению изначальной онтологической целостности микрокосма и макрокосма, которая концептуально утверждается в поэзии Н. Гумилева в дальнейшем и становится ценностно-смысловым центром его акмеистического миропонимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006. С. 147.

² Там же. С. 148.

³ Городецкий С. М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 49.

⁴ В редакции «Жемчугов» 1918 года поэт, как известно, отменяет деление книги на разделы и удаляет ряд стихотворений из ее состава. Изъятие «Выбора» из данного издания приводит к тому, что путь постижения смерти здесь оказывается иным: «Лесной пожар» предстает не антитезой к утверждению права на выбор своей смерти, а одним из модулов ее действия в многомерном универсуме.

⁵ Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 501 с. Здесь и далее стихотворение «Лесной пожар» цитируются по данному изданию с указанием в скобках номера страницы.

⁶ Ср.: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2: 18–20).

⁷ Ср., например: «Сердце будет пламенем палимо / Вплоть до дня, когда взойдут, ясны, / Стены Нового Иерусалима / На полях моей родной страны» («Память» (1920)) (Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. С. 92); «Ужели вам допрашивать меня, / Меня, кому единое мгновенье – / Весь срок от первого земного дня / До огненного светопрестьянья?» («Душа и тело» (1919)) (Там же. С. 66); «Закричал громогласно / В синее-черную соню / На дворе моем красный / И пернатый огонь. // <...> В этот час я родился, / В этот час я умру, / И зато мне не снился / Путь, ведущий к добру» («Канцона» (1919)) (Там же. С. 62).

⁸ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6 т. Т. 2. М.: Издательский центр «Классика», 2003. С. 189.

⁹ Там же.¹⁰ Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 238.¹¹ Там же. С. 239.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскер М. Ранний Гумилев: Путь к акмеизму. СПб.: РХГИ, 2000. 160 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 69–263.
3. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
4. Богомолов Н. А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: НЛО, 2000. С. 113–144.
5. Верховский Ю. Н. Путь поэта. О поэзии Н. С. Гумилева // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 505–550.
6. Дубовцев А. Н. Эсхатологический миф в прозе Н. С. Гумилева (на материале рассказа «Девкалион») // Известия Уральского федерального университета. 2014. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 2 (127). С. 128–132.
7. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
8. Лекманов О. А. Книга об акмеизме // Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. С. 7–184.
9. Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: Наука, 2010. 893 с.
10. Соколова Д. В. Поэтическая фауна Н. С. Гумилева // Вестник Московского государственного университета. 2006. Сер. 9. Филология. № 1. С. 129–137.
11. Чеснялис П. А. Аграрная метафора в адамистической лирике В. Нарбута и М. Зенкевича // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 11. С. 39–41.
12. Якунин А. В. Антиномия духовного и телесного в суггестивно-выразительной композиции поэтических текстов Н. С. Гумилева // Проблемы художественной антропологии. Тара, 2009. С. 149–156.
13. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. XXXII. P. 84–97.
14. Rusinko E. The “Two Adams”: Gumilev’s Creative Personality // Nikolaj Gumilev 1886–1986: Papers from The Gumilev Centenary Symposium. Oukland, California: Berkeley Slavic Specialties, 1987. P. 243–268.

Chevtayev A. A., Russian State Hydrometeorological University (St. Petersburg, Russian Federation)

THE POEM “THE WILD FIRE” BY N. GUMILEV: FORMATION OF POETICS OF ADAMISM

The article is concerned with the structural-semantic organization of the poem “The Wild Fire” (1909) by N. Gumilev. The poem was included into the composition of his third book of poems “Pearls” (1910). Turning from the symbolist perception of the world towards new poetics, the subsequently formed conceptual paradigm of acmeistic world vision and implemented ideologeme of adamism is emerging in N. Gumilev’s creative mind during creation of this poetry collection. The adamistic meaning of the poem is formed by the narrative representation of disastrous and rampant natural disasters. The fire in the African forest gets a status of an apocalyptic catastrophe because it destroys hierarchically organized forms of life, simultaneously reproducing the evolutionary logic of the living and of the ontological process of creation of all beings: from the flora through the fauna to a human being. The ideologeme of the human “self” involvement into the nature-prehistoric rhythms of the existential movement of the universe is actualized in the structure of this text. The primacy of the human immersion in an apocalyptic wildfire, marked by death, becomes a sign of the adamistic “return” to the created primeval essence of the world. Coming as the first death of the natural disaster, a human being is mortally involved into a common process of existence. Therefore, poetics of adamism in “The Wild Fire” is represented implicitly and is not so much concerned with the biblical meaning of Adam as with the idea of creaturely cognation of a man and nature. Revelation of primordial essence of the human “self” in the event of the catastrophic death marks the initial stage of the adamistic concept formation in N. Gumilev’s poetry.

Key words: N. Gumilev, adamistic code, structure of lyrical plot, narration, system of personages, artistic universe

REFERENCES

1. Basker M. *Ranniy Gumilev: Put' k akmeizmu* [Early Gumilev: the Path to the Acmeism]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2000. 160 p.
2. Bakhtin M. M. The Author and the Hero in Aesthetic Activity [Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti]. *Bakhtin M. M. Sbranie sochineniy: V 7 t. Vol. 1.* Moscow, Russkie slovari Publ., 2003. P. 69–263.
3. Bidermann G. *Entsiklopediya simbolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 335 p.
4. Bogomolov N. A. Gumilev and Occultism [Gumilev i okkul'tizm]. *Bogomolov N. A. Russkaya literatura nachala XX veka i okkul'tizm.* Moscow, NLO Publ., 2000. P. 113–144.
5. Verkhovskiy J. N. The Path of the Poet. On the Poetry of N. Gumilev [Put' poeta. O poezii N. S. Gumileva]. *N. S. Gumilev: pro et contra.* St. Petersburg, RKhGI Publ., 2000. P. 505–550.
6. Dubovtsev A. N. The Eschatological Myth in The Prose by N. S. Gumilev (Based on The Story “Deucalion”) [Eskhatologicheskii mif v proze N. S. Gumileva (na materiale rasskaza “Devkalion”)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Izvestia of the Ural federal university]. Series 2. Humanities. 2014. № 2 (127). P. 128–132.
7. Krasilnikov R. L. *Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoy literature (Vvedenie v literaturovedcheskuyu tanatologiyu)* [Thanatological Motives in Literature (Introduction to the Literary Thanatology)]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015. 488 p.
8. Lekmanov O. A. The Book about Acmeism [Kniga ob akmeizme]. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty.* Tomsk, Vodoley Publ., 2000. P. 7–184.
9. Luknitsky P. N. *Trudy i dni N. S. Gumileva* [Works and Days of N. Gumilev]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 893 p.
10. Sokolova D. V. Poetic fauna of N. Gumilev [Poeticheskaya fauna N. S. Gumileva]. *Vestnik MGU* [Moscow State University Bulletin]. Series 9. Philology. 2006. № 1. P. 129–137.
11. Chesnalis P. A. The Agricultural Metaphor in Adamistic Lyrics by V. Narbut and M. Zenkevich [Agrarnaya metafora v adamisticheskoy lirike V. Narbuta i M. Zenkevicha]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University]. 2014. № 11. P. 39–41.
12. Yakunin A. V. Antinomy of the Spiritual and the Bodily in the Suggestive-expressive Composition of Poetic Texts by N. S. Gumilev [Antinomiya dukhovnogo i telesnogo v suggestivno-vyrazitel'noy kompozitsii poeticheskikh tekstov N. S. Gumileva]. *Problemy khudozhestvennoy antropologii.* Tara, 2009. P. 149–156.
13. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. XXXII. P. 84–97.
14. Rusinko E. The “Two Adams”: Gumilev’s Creative Personality // Nikolaj Gumilev 1886–1986: Papers from The Gumilev Centenary Symposium. Oukland, California: Berkeley Slavic Specialties, 1987. P. 243–268.

Поступила в редакцию 27.09.2016

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА ГРИШКЕВИЧ
аспирант кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
katerina.grishkevich@gmail.com

ГОМИЛИИ ТРИФОНА ПЕТРОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ТЕОРИИ КРАСНОРЕЧИЯ XVIII ВЕКА*

Период расцвета, который переживала русская ораторская проза в конце XVII – начале XVIII века, неразрывно связан с деятельностью представителей Выго-Лексинского старообрядческого общежития. Основанная в Заонежье в 1694 году Выгорецкая пустынь со временем превратилась в крупнейший книжный центр со своей собственной литературной школой, воспитавшей не одно поколение талантливых писателей. В их числе автор, оказавший большое влияние на развитие гомилетики на Выгу, – Трифон Петров. Статья посвящена анализу композиции торжественных слов книжника с точки зрения ее соответствия предписаниям в учебниках по риторике, имевшихся в библиотеке общежития. Как показало исследование, при создании своих сочинений выговский автор строго следовал данным рекомендациям, о чем свидетельствует и структура его гомилий, и их содержание. Тем не менее даже в рамках риторики находилось пространство, где сочинитель мог проявить свою эрудицию, фантазию и писательское мастерство. Трифон Петров использовал это пространство в полной мере.

Ключевые слова: Трифон Петров, Выговская старообрядческая пустынь, риторика, гомилетика

Середина XVII – начало XVIII века – переходный период в русской литературе, характеризуется расцветом жанра ораторской прозы, что выразилось в том числе в подъеме такого рода творчества, как гомилетика. Искусство проповеди в Древней Руси было унаследовано от Византии и сформировалось под влиянием святоотеческой литературы, заложившей основы христианского красноречия. Древнерусские проповедники при создании своих сочинений, помимо текстов Священного Писания, ориентировались именно на эти авторитетные образцы, которые служили для них источником художественной образности и примером экзегетического мастерства. Каких-либо специальных руководств по красноречию древнерусский книжник, по сути, не знал. В середине XVII века литературная система претерпевает глубинные изменения, происходит кардинальная ломка традиций, нашедшая свое отражение и в смене взглядов сочинителей на творческий процесс. Наряду с традиционным принципом подражания авторитетным текстам возникает тенденция следования теоретическим образцам, поэтическим правилам, прописанным в риториках. Если использовать терминологию А. М. Панченко, выделившего в русском литературном процессе два писательских типа [2: 167–169], на смену писателю-«апостолу» приходит писатель-«мастер». Яркими выразителями эстетических идеалов «апостольского» типа являются старообрядцы первого поколения с их непримиримым отношением к «внешней» мудрости и верой в «богодуховенность» слова. Позицию «мастера» отстаивали представители официального лагеря, защитники никонов-

ских «новин», ставшие адептами литературных умствований и риторской учености. И, как ни странно, именно такой эстетической установке следовали староверы второго поколения – представители выговской литературной школы, оказавшиеся открытыми новым веяниям эпохи.

Выго-Лексинское старообрядческое общежитие было основано в лесах Обонежья в конце XVII века и со временем превратилось в крупнейший религиозный и культурный центр. Являясь продолжателями традиций дониконской Руси и бережно храня духовную связь с деятелями раннего старообрядческого движения, выговцы все же разошлись с ними в ряде вопросов, в частности, различия обнаружились в их отношении к художественному творчеству. Анализируя позиции двух поколений старообрядцев, Н. В. Поньрко сделала важный вывод о том, что поморские книжники отделяли веру от культуры [4: 111]. Именно это позволило им использовать творчество своих идейных противников в качестве литературного образца. Премудрость и словесное мастерство рассматривались выговцами как явления одного порядка и воспринимались как определенного рода искусство, которому можно научиться. В качестве учебного материала, на основе которого можно было сформировать необходимые для сочинительства умения, были выбраны разнообразные руководства по красноречию. Как показало исследование Н. В. Поньрко, все основные учебники по ораторскому искусству, бытовавшие в России в первой половине XVIII века, получили свое распространение на Выгу [3]. В библиотеке пустыни имелись труды по риторике Софрония Лихуда, Козьмы

Афоноиверского, Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Георгия Даниловского, Андрея Белобоцкого. О. Д. Журавель удалось установить, что выговцам был также известен трактат из книги по гомилетике Иоанникия Галятковского [1: 22]. В 30-е годы XVIII века в общежительстве на основе названных сочинений был создан собственный вариант Риторике – Риторика-свод [3: 159], а во второй половине XVIII века путем переработки свода – Поморская риторика.

Риторика-свод известна в списке БАН, собрание Дружинина, № 122. В ее составе можно выделить две части: первая является универсальным вариантом риторике, она состоит из пяти разделов, повторяющихся во всех трудах по ораторскому искусству того времени: 1) Обретение (изобретение); 2) Благоглаголение; 3) Изложение; 4) Память; 5) Произношение. Каждый из разделов представляет собой компиляцию из учений разных авторов, которая со всей тщательностью была выполнена поморскими книжниками. Вторая часть Риторике – составленные самими выговцами парадигмы к материалу, изложенному в первой половине. Свод дает ценную информацию о том, какие именно руководства и рекомендации по гомилетике были приоритетными для основателей выговской литературной школы, и позволяет проникнуть в творческую лабораторию поморского сочинителя.

Цель настоящей статьи – на примере гомилий одного из наиболее известных выговских писателей – Трифона Петрова определить, какую функцию выполняли риторические руководства при создании торжественных слов, охватывали ли они весь процесс сочинительства или оставляли пространство для свободного творчества. Для нас важно понять, что способствовало выбору книжником той или иной повествовательной линии, что служило импульсом для развития определенных тем и мотивов в произведении. Мы сфокусируем внимание на разделах риторике, которые оказывали непосредственное влияние на содержательный компонент сочинений, а именно инвенцию и диспозицию. Прежде чем перейти к их более подробной характеристике, следует сказать несколько слов об авторе, чьи произведения послужили материалом для нашего исследования.

Трифон Петров (1670–1766) относится к первому поколению писателей выговской школы. В кинобии он занимал должность уставщика, кроме того, входил в число старших соборных, что говорит о его высоком статусе в братии. Перу Трифона Петрова принадлежит внушительное число произведений, написанных в разных жанрах, но основную их часть составляют гомилии, посвященные различным праздникам церковного календаря. О них и пойдет речь далее.

Авторы большинства риторик интересующего нас времени выделяли в составе произведения

четыре композиционных элемента: 1) предизвестие, 2) повествование, 3) утверждение, 4) надсловие. Предварять слово могла фема (тема) – цитата, аккумулирующая основную мысль сочинения. В качестве обязательного, крайне важного компонента фема рассматривается в Риторике Раймунда Люллия (выговский список: БАН, собрание Дружинина, № 123 (154)), представленные в ней рекомендации были учтены в Риторике-своде. Гомилии Трифона Петрова свидетельствуют о том, что их автор был прекрасно знаком с этими предписаниями и неотступно им следовал. Каждое свое слово проповедник начинал с фемы, выбранной из Священного Писания или гимнографического текста, значение которой постепенно расширял и углублял в дальнейшем. В качестве примера приведем гомилию Трифона Петрова на перенесение мощей Зосимы и Савватия Соловецких. Фемой для этого сочинения послужила строка из тропаря преподобным на перенесение мощей: «Яко свѣтилници всесвѣтлии явистесе во отоцѣ окиана-моря, преподобнии отцы Зосимо и Саватие»¹. На первый взгляд, выбранная Трифоном Петровым фема ничем не примечательна: в ней использована вполне традиционная для гимнографии и церковно-панегирической литературы метафора «светильник», часто употребляемая по отношению к святым. Невольно напрашивается вопрос: в чем же причина того, что ритор в качестве цитаты, синтезирующей смысловое наполнение всего сочинения, избрал столь незамысловатый стих церковного гимна? Ответ на него раскрывается ходом всего повествования. С первых строк вступления, посвященного прославлению Зосимы и Савватия, книжник настойчиво развивает заявленную в феме «световую» символику. Нанизывая один образ на другой, он подводит слушателей к идее о том, что не только богоугодная жизнь, сопряженная с материальными и духовными трудностями, сделала Зосиму и Савватия святыми, но их апостольское служение Богу, выразившееся в распространении Божьего Слова среди некрещенного народа: «...научивше окрестъ моря языкъ лопский вѣровати во Отца и Сына и Святаго Духа, введше и благозаконие христианское, научивше лопи служити Святыи Троицѣ в цѣломудрии, и правде, и истинѣ...»². Другой смысловой оттенок феме придает рассказ о нетленных чудотворных мощах святых – явленном свидетельстве богоугодной жизни Зосимы и Савватия. Даже после смерти они продолжают излучать свет, обращая взор людей к Богу силой своих чудес.

Составляя предизвестие, то есть вступительную часть слова, ритор должен был помнить о том, что основная цель предисловия – овладеть вниманием слушателей, следовательно, начало проповеди должно быть ясным, эмоциональным и увлекательным одновременно. Вариантов для реализации этой цели предлагалось множество,

зависели они и от характера события, и от идеи автора. Например, в Риторике Козьмы наиболее предпочтительным для проповедника назван «образ от недоумения». Ритор настолько поражен важностью прославляемого события, что не знает, как подобрать подходящие слова для его описания. Отсюда укоры в своем «худогласии» и невежестве. Такой приступ часто используется Трифоном Петровым; приведем небольшой фрагмент из его гомилии на Сошествие Святого Духа: «Но что речемъ или что возглаголемъ? И киймъ словомъ похвалимъ Святаго Духа – Бога истинна, от Бога истинна исходяща, и вездѣ суща, и вся исполняюща? – Не вѣмы. Но убо кто и увѣсть не точию от земленородныхъ, но и от небесныхъ по достоянию похвалити Духа Святаго Господа»³.

Многие праздничные слова Трифона Петрова открывает так называемый образ от сравнения. Его излюбленным вариантом является сравнение, построенное на внутренней антитезе: прославление Небесного Царя и святых он соотносит с торжественными речами и похвалой в честь земных царей и их подчиненных, тем самым противопоставляя вечное и преходящее, божественное и земное. Примером может служить цитата из уже упомянутого «Слова на перенесение мощей Зосимы и Савватия Соловецких»: «... аще бо вѣка сего царемъ, служащимъ министромъ честь отдается по достоинству и привѣтствуется словесы похвальными, яко носить знаменія или потенты царьскаго служения, кольми паче по лѣпотѣ долженствуетъ преподобнымъ отцемъ Зосимѣ и Саватию въ честь словеса похвальная, и мысли высокия, и слушающихъ благоразсуждение всевѣрное отдавати, яко носящимъ знаменія Божия служения, не на рамѣхъ повѣшены или на хартияхъ начертаны по внѣшнихъ, но на святыхъ мощехъ прѣподобныхъ и на ракахъ нетлѣниемъ чюдеса явѣ и на душахъ ихъ благодатию начертанныя»⁴.

Интересный ход для привлечения внимания слушателей использован Трифоном Петровым в «Слове похвальномъ Александру Свирскому». Гомилия начинается с истории об одном живописце, изобразившем на холсте некое покрывало. Изображение получилось настолько реалистичным, что казалось, будто покров настоящий; люди, видевшие картину, просили художника снять накинутую ткань и показать, что за ней скрыто. Автор слова обещает слушателям не уподобляться «зографу», посмеявшемуся над своими зрителями, и рассказать историю действительно истинную, а не только кажущуюся таковой. При этом образ живописательства он делает сквозным в гомилии и выстраивает дальнейшее повествование с опорой на него. Такой вариант начала в Риторике-своде, а туда он попал из Риторике Козьмы, назван «образом от художества», а в качестве его парадигмы выступает рассказ про «зографа». Иными словами, идею вступления для своего произведения Трифон Петров, вероятно,

позаимствовал из Риторике Козьмы, пересказав историю, приведенную в ней, в пример.

Вторая часть сочинения, выделявшаяся авторами риторик, – повествование – по сути, являлась мостом для перехода к основной части. Задача повествования заключалась в том, чтобы настроить слушателя на нужный лад. Согласно учебникам по красноречию, оно должно было содержать краткую формулировку того, о чем далее пойдет речь. Обращаясь к аудитории, проповеднику следовало разъяснить, почему его речь достойна внимания: «И аще убо и потрясаетъ всякъ слухъ страхъ, яко вельми грозно есть предложение, но любы Святаго Духа препобѣждаетъ страхъ, по рекшему: “Любы изгонити страхъ”, и сего ради лишнее внимати долженствуетъ. При семъ, возложивше вся, яже о нашемъ тщании, на Бога, Духа Святаго, наставляющаго на всякую истину, приходимъ до бесѣды»⁵. Приведенная цитата из слова на день Святой Троицы является также наглядным примером заботы Трифона Петрова над тем, чтобы переход от одной части к другой был плавным и гармоничным. Часто в роли нити, связывающей начало с главной частью, у книжника выступает образ гуслей, как в Слове на Вход Господень в Иерусалим: «В сию сладкогласную церковную цевницу пречюднаго торжественнаго органа нашего худаго языка ударимъ словеснымъ бряцалом...»⁶. Надо заметить, что образ музыкального инструмента появляется у Трифона Петрова далеко не случайно. Е. М. Юхименко обратила внимание на то, что его произведения отличают как бы вплетенные в текст церковные песнопения [5: 134]. Действительно, использование цитат из гимнографии является стилистической приметой Трифона Петрова. Нередко именно строки из службы празднику становятся отправной точкой для риторического наращивания в основной части гомилий, которая в сочинениях по теории проповеднического творчества именуется «утверждением» (утверждением).

«Утверждение» объединяет в себе доводы, необходимые для подкрепления того, чему посвящено произведение. Доводы во всех учебниках по красноречию подразделялись на два вида: от внешних мест и от внутренних, а их описание содержалось в разделе «изобретение». Места внутренние – не что иное, как логико-смысловая основа текста, а места внешние – те или иные источники, которые привлекались автором для аргументации утверждений, связанных с темой сочинения. К сожалению, в рамках одной статьи нет возможности рассмотреть каждое из положений инвенции и проиллюстрировать их реализацию в текстах Трифона Петрова, однако стоит отметить, что в качестве «подкреплений» книжник нередко использовал богослужебные тексты, хотя риторике не содержали такого рода предписаний. Кроме того, инвенция позволяла

проповеднику проявить свою эрудицию и избрательность, поскольку он мог выбрать такую линию повествования, которая, по его мнению, являлась наиболее убедительной. Так, основу Слова похвального на праздник Воздвижения (полное название: «На воздвижение честнаго и животворящаго креста Господня слово похвальное, сочиненное лѣта 1735») составляют пассажи из Службы Кресту, делающие речь необычайно ритмичной и возвышенной. Да и сам автор рассматривает свое слово как часть торжественного богослужения, что доказывает введение в повествование описания ритуала, который сопровождает священнодействие: «Крестъ в церкви на священнѣи трапезѣ предлагается днесь, и церковныя нѣдра освящаются. Крестъ архиерея рукама подъемлетя днесь, и священная церкви благоуукрашается ликовствующи. Крестъ посредѣ церкви происходит днесь, и церковь вся просвещается празднующи...»⁶. В гомилии на Сретение членению с последующим тщательным исследованием подвергается евангельский рассказ о предреченной встрече в храме; экзегетическую направленность имеет и слово на Благовещение, где в центре авторского внимания оказывается диалог архангела Гавриила с Девой Марией. Более замысловатый характер отличает гомилию на Рождество Иоанна Предтечи, что, кстати, отражено в определении жанра произведения самим автором, а озаглавлено оно следующим образом: «На рождество великаго во пророцѣхъ Иоанна Предтечи и Крестителя Господня слово торжественное, сочиненное символически». В Риторике-своде нашли место предписания, взятые из разных риторик и касающиеся составления слов на рождество разных

Риторика Козьмы

Царственноименная Дѣва Мариа – сладчайшее гортани моему возглаголаніе – естъ, яко небо, преиспещренная звѣздами // добродѣтелей и освящаемо солнцемъ правды; яко гора, осѣнена благодатми Духа Святаго, из нея же и камень изѣчеся кромѣ руки человѣческой; яко порфириличныи шипокъ, естествоною червленностию увеселяетъ всякую душу печальную. <...> Рѣка златоструйная, понеже всякого челоуѣка благодатей своих упоывает; мость твердый, по нему же всякая душа горное море мира сего преходитъ спасенна.

(БАН. 21.8.5. Л. 32–32 об.).

О Пресвятая Дѣво Марие, души моя утѣшение и сердца моего възглаголаніе и веселіе, слава твоя небеса превзыде, власть твоя и под землю сущія устрашила. Все челоуѣков роди Царицу ты именують, зане подданную имаша не всю токмо подсолнечную, но и пренебесную тварь присно; Госпожу ты проповѣдують, зане раби твои все мы и имя твое имѣнуемъ; Воеводу ты величаем, зане имаша непобѣдимое воинство небесныя бесплотныхъ вся чины, Мати еси богородительная. И кто // не вѣсть, яко родила еси Сына – всѣхъ Бога.

(БАН. 21.8.5. Л. 37–37 об.).

лиц. Согласно одному из предписаний, в таком сочинении непременно должен присутствовать рассказ о том, что предвзяло рождение, сопутствовало ему и последовало потом. С опорой на Евангелие от Луки Трифон Петров выстраивает текст в соответствии с этой схемой, но облекает его в метафорическую форму. Историю о чудесах, предшествующих и сопровождающих рождение Иоанна Крестителя, ритор уподобляет кушаньям, которые преподносятся на торжественной трапезе. Это образное сравнение является сквозным и выдерживается на протяжении всего сочинения, от начала до конца.

Использование подобного приема – свидетельство влияния барочной эстетики с ее известной любовью к сочетанию несочетаемого, эффективным метафорам и неожиданным сопоставлениям. Еще одним ярким примером проникновения барочной образности служит Слово на Рождество Девы Марии. В одном из фрагментов в одном ряду с именем Марии стоят героини древнегреческой мифологии: «Престаните и вы, о баснословыи, и персть на устѣхъ положите, баснословяще притворнѣ Афродиту, понеже непритворнѣ вся доброты взяла скипетры Мариа. Должайшии вѣщы, имя Елены умолчите, зане ино возжеся имя – доброты Марии, еже во вѣки безконечныя не угаснетъ...»⁷. Справедливости ради нужно заметить, что фрагмент текста, из которого приведена цитата, сочинен не самим Трифоном Петровым. Его источником является парадигма на «вину от случайного», читающаяся в Риторике Козьмы. Нам удалось выявить еще ряд отрывков, заимствованных выговским книжником из примеров, иллюстрирующих те или иные места инвенции. Приведем некоторые из них:

Слово на Рождество Богородицы Трифона Петрова

Тако царственноименная Мариа, яко небо, преиспещренная звѣздами добродѣтелей и освящаема солнцемъ правды; яко гора, осѣнена благодатми; яко порфириличныи шипокъ, естествоною червленностию веселитъ всякую душу печальную; яко рѣка златоструйная, всю тварь благодатми своими упоевающая, мость твердый, по нему же всякая душа горное море мира сего преходитъ спасенна.

(РГБ. Собрание Барсова. № 367. Л. 10 об.).

Да кто измѣрити можетъ величество твое, о пречистая Дѣво Марие? Душамъ утѣшение и сердечное веселіе; слава твоя небеса превзыде, власть твоя и под землю сущія устрашает. Все челоуѣков роди Царицу ты именують, зане подданную имаше не токмо подсолнечную всю, но и пренебесную тварь, присно Госпожу ты проповѣдают, зане раби твои все мы и имя твое имѣнуемъ; Воеводу ты величаем, зане имаша непобѣдимое воинство небесное – бесплотныхъ вся чины, Мати еси // Божия. И кто не вѣсть, яко родила еси Сына – всѣхъ Бога, его же моли спастися душамъ нашимъ.

(РГБ. Собрание Барсова. № 367. Л. 12–12 об.).

Последняя часть слова, надсловие, выполняло функцию обобщения всего того, о чем шла речь, в заключение произносилась молитва. Как отметила Е. М. Юхименко, гомилии Трифона Петрова почти не содержат примет своего выговского происхождения [5: 136]. Но в некоторых его текстах в финальной части все же встречаются отсылки к настоящему времени и насущным проблемам пустыни. Так, в Слове на Воздвижение читаем: «Предстани против борющихся ны с нами, изсуни оружие твое сопротивь гонящимь ны, рцы намъ: “Спасение ваше есмь”, да постыдятся и посрамятся вси имущии пожрети насъ...» (РГБ. Рогожское собрание. № 609. Л. 47 об.⁸).

Итак, рассмотрение гомилий Трифона Петрова в контексте теоретических трудов по красноречию, известных на Выгу, позволило нам сде-

лать вывод о том, что свои сочинения выговский уставщик создавал, руководствуясь содержащимися в них правилами. Путь, по которому следовало двигаться ритору, задавали диспозиция и места инвенции, но способ и характер движения избирал сам книжник. Для каждого торжественного события Трифон Петров находил свой вариант освещения и свою тональность, при этом оставался верен *своей главной цели* – *донести до слушателя значение того или иного церковного праздника, пробудить в его душе искренние чувства*. Именно поэтому за пышностью и витиеватостью языка распознаются прозрачность стиля и строгая логика, за обилием образов и цитат – ясность мысли и широкая эрудиция, но самое главное – его слово неизменно живо и емко, а это уже признак писательского мастерства.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-14-10001.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ РГБ. Собрание Егорова. № 1013. Л. 233.
- ² РГБ. Собрание Егорова. № 1013. Л. 237об.
- ³ РГБ. Рогожское собрание. № 609. Л. 227об.
- ⁴ РГБ. Собрание Егорова. № 1013. Л. 236.
- ⁵ РГБ. Рогожское собрание. № 609. Л. 227об.–228.
- ⁶ РГБ. Рогожское собрание. № 609. Л. 32об.
- ⁷ РГБ. Собрание Барсова. № 367. Л. 13–13об.
- ⁸ РГБ. Рогожское собрание. № 609. Л. 47об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
2. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
3. Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 154–162.
4. Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. СПб.: Наука, 1994. С. 104–112.
5. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 1. 544 с.

Grishkevich E. D., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HOMILIES OF TRYPHON PETROV IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN THEORY OF RHETORIC OF THE XVIII CENTURY

The flowering period of the Russian oratorical prose experienced at the end of the XVII – beginning of the XVIII century is inextricably linked with the activity of the Old Believers of the Vyg community life. Founded in Zaonezhie in 1694 Vygoretskaya poustinia, which eventually grew into one of the largest book centers with its own literary school, brought up a generation of talented writers. Among them was Trifon Petrov, the author who had a significant bearing on the development of homiletics in the Vyg community. The article analyzes the structure of the writer's solemn words in terms of its compliance with the requirements laid down by the library community books on rhetoric. The study showed that the writer followed these guidelines strictly. It is reflected in the structure and content of his works. Nevertheless, even in the frames of rhetoric the writer was able to find a place to express his erudition, imagination and writing skills. Trifon Petrov used this space to the full extent.

Key words: Tryphon Petrov, the Vyg Old Believers community, rhetoric, homiletics

REFERENCES

1. Zhuravel' O. D. *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev XVIII – nachala XXI v.: temy, problemy, poetika* [The literary works of Old Believers of the 18th – early 21st centuries: topics, issues, poetics]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2012. 442 p.
2. Panchenko A. M. *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [Russian poetic culture of the 17th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 280 p.
3. Poryrko N. V. Rhetoric textbooks of the Vyg [Uchebniki ritoriki na Vygu]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1981. Vol. 36. P. 154–162.
4. Poryrko N. V. Esthetic positions of the Vyg literary school [Esteticheskie pozitsii pisateley vygovskoy literaturnoy shkoly]. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: XVII v.* St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. P. 104–112.
5. Yukhimenko E. M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literatura* [The Vyg Old Believer hermitage: Spiritual life and literature]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. Vol. 1. 544 p.

Поступила в редакцию 09.01.2017

УДК 811.161.1

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
olnikitin@yandex.ru

Рец. на кн.: Котов А. А. Введение в лексикографию: учеб. пособие для студентов-филологов / А. А. Котов. – 3-е изд., доп. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. – 150, [2] с.

Лексикография – особая наука, которая находится на передовых рубежах гуманитарного знания и выполняет аккумулятивную функцию. Без словарей невозможно как приобщение к ценностям прошлого, так и понимание современных процессов движения «атомов» цивилизации.

Первый раздел книги дает общую характеристику типологии словарей (энциклопедические и лингвистические), рассказывает о видах их классификации, разъясняет понятие «тезаурус», содержит необходимую информацию о наиболее важных нормативных толковых словарях, знакомит с макро- и микроструктурой этих источников. Последний компонент очень важен: студент обязан знать хронологические границы словника, понимать, кто является адресатом словаря, что такое «заголовочное слово» и алфавитно-гнездовой способ построения статьи, из каких зон она состоит и др. Показательно, что здесь А. А. Котов приводит фрагменты структуры статей классических нормативных словарей (с. 47 и далее). Обращаем внимание и на такой важный пункт, справедливо указанный автором пособия как «метаязык описания лексического значения слова» (с. 53–59), от реализации которого почти всегда зависит и качество самого словаря. Далее говорится о требованиях, предъявляемых к толкованию, показана научная лаборатория творчества лексикографа (с. 61). Примечательно, что А. А. Котов отдельный подраздел посвятил классификации типов нормативных толковых словарей С. И. Ожегова. Завершается раздел очерком о теории интегрального описания языка, созданной Ю. Д. Апресяном и его учениками, позволяющей разрабатывать так называемый словарь активного типа (с. 77–88).

Определенный интерес имеет содержание второго раздела, в котором представлена краткая хрестоматия текстов работ крупнейших лексикографов XX века – Л. В. Щербы, С. И. Ожегова, А. М. Бабкина, Н. Ю. Шведовой, Ю. Д. Апресяна. Эта часть фрагментарно показывает динамику развития словарных идей: от зарождения теории этой науки в советский период до освоения новых понятий вроде «лексикографического портрета». Думается, что будет полезно подготовить и издать отдельный том наиболее важных статей и архивных материалов именно по лексикографии XIX–XXI веков.

По сравнению с 1-м и 2-м изданиями (2011, 2014) в рецензируемом пособии расширены очерки

о словарях активного типа, введены новые параграфы, посвященные интегральному описанию языка, дополнена литература о новейших словарях.

В качестве пожелания выскажем автору такое: в следующих изданиях было бы целесообразно расширение той части книги, где говорится о типах словарей, за счет включения информации, например, о терминологических лингвистических лексиконах и новых экспериментальных словарных опытах. Может быть, имело бы смысл углубить содержание разделов о региональных словарях и их роли. Лингвокраеведческий аспект в таких работах очень важен. Нам также показалось небезынтесным дать хотя бы краткое описание первых отечественных «тезаурусов», стоявших у истоков научной лексикографии, с приложением фрагментов подлинных статей таких словарей XVIII–XIX веков, например, один из первых толковых лексиконов Екатерининского времени «Церковный словарь...» П. А. Алексеева (1-е изд. – 1773–1779, есть переиздания), «Словарь русских синоним, или сослов» А. И. Галича, опубликованный в 1840 году, «Корнеслов русского языка» Ф. С. Шимкевича 1842 года или любой другой словарь. На первый взгляд, такое излишество усложнит содержание, но в то же время придаст книге авторский «сюжет», а главное – может заинтересовать студента таким неформальным открытием, ведь каждый словарь как тип имеет свою поучительную историю. Нам кажется, что элемент научной занимательности был бы уместен в учебных пособиях такого типа.

Наши наблюдения над книгой А. А. Котова во многом имеют личный лингвистический и педагогический акцент. Надеемся, что они не будут восприняты автором как «поучение».

В заключение подчеркнем, что книга А. А. Котова – интересное руководство для изучения лексикографии прежде всего в рамках вузовских курсов «Введение в языкознание», «Лексикология», «Общее языкознание», где в доступной форме сжато и информативно изложена актуальная информация об истории и теории данной отрасли в прикладном аспекте, что во многом расширяет «интеллектуальный стандарт» знаний, необходимых для усвоения изучаемых дисциплин, и дает посыл к самостоятельным занятиям и поискам своего филологического его.

Поступила в редакцию 22.06.2017

УДК 904[470.22]

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ХОРОШУН

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
tattyana@list.ru

Рец. на кн.: Витенкова И. Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 208 с.

Книга является итогом изучения археологических памятников Карелии от каменного века до эпохи металла (IV – начало III тыс. до н. э.) с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой (названия отражают особенности орнаментации глиняной посуды). Автор внес существенный вклад, пополнив источниковую базу этого пласта древностей. Под руководством И. Ф. Витенковой начиная с 1980-х годов проведены археологические работы на северном побережье Онежского озера и внутренних водоемах. Введение в научный оборот материалов ряда поселений существенно расширило знания о периоде позднего неолита – раннего энеолита на территории Карелии и способствовало более углубленному изучению вопросов происхождения и взаимодействий в среде носителей керамики с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной орнаментацией. Автор впервые в данном исследовании наиболее полно представил материалы археологических памятников со своеобразной орнаментацией ромбическими ямками и обозначал основные взгляды на происхождение и развитие этой культуры. Особую ценность работы составляют обоснованные научные выводы автора.

Публикацию дополняет каталог, включающий 305 памятников с краткой характеристикой (местоположение, исследованная площадь, выявленные объекты и т. д.). Особое внимание уделено ареалу керамики, орнаментированной ромбическими ямками, и освещению истории исследования локальных районов как на территории Карелии, так и за ее пределами. Работа сопровождается картографическим и иллюстративным материалом, наглядно отражающим особенности изучаемых древностей.

Автор делится своими наблюдениями о времени бытования отдельных памятников и их назначении, о появлении срубных жилищ в Карелии. Предложена схема эволюции жилищ в период позднего неолита и энеолита и сделан вывод о связях между культурами с гребенчато-ямочной и асбестовой керамикой. Исследователь опирается на новейшие изыскания в изучении каменной индустрии на территории Карелии. Подробно освещается вопрос о медных изделиях

(приведен список металлических предметов из энеолитических комплексов на территории Карелии и Фенноскандии). И. Ф. Витенкова приходит к выводу об экспериментальном, адаптивном характере в использовании нового материала (меди) в среде носителей керамики с ромбо-ямочной орнаментацией.

Сильной стороной работы является привлечение результатов естественно-научных исследований. Эти данные по петрографическим исследованиям гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики на территории Карелии дополнены наблюдениями автора по технологии изготовления керамики и составам формовочных масс. Уделено внимание и анализу изделий из глины, выявленных на ряде поселений, в том числе и миниатюрным скульптуркам, «головкам-налепам» на краю сосудов, датируемым поздним неолитом. По мнению И. Ф. Витенковой, сюжет с водоплавающими птицами характерен не только для древней Карелии, но и для памятников лесной зоны России, Прибалтики и Финляндии.

Между тем наиболее дискуссионной и менее разработанной, по мнению автора, является тема происхождения ромбо-ямочной керамики. И. Ф. Витенкова выделяет два аспекта в этом вопросе: происхождение ромбо-ямочного орнамента и возникновение культуры. Она считает, что ромбо-ямочный орнамент на территории Карелии является чужеродным. Между носителями ромбо-ямочной посуды более южных областей и Карелии существует достаточное сходство, что приводит к заключению об их возможном родстве и предположению о миграции населения с территории деснинской культуры в Карелию. Таким образом, И. Ф. Витенкова подтверждает высказанное ранее предположение, согласно которому на территории Карелии между ромбо-ямочной керамикой и гребенчато-ямочной существовал промежуток в 100–200 лет.

В заключение отмечу, что книга И. Ф. Витенковой «Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой)» является существенным вкладом в источниковую базу древнейшей истории Карелии.

Поступила в редакцию 06.03.2017

АЛЕКСАНДР ЛАЗАРЕВИЧ ВИТУХНОВСКИЙ

(24.06.1917–30.07.1986)

К 100-летию со дня рождения
кандидата исторических наук, доцента,
заслуженного работника культуры КАССР

А. Л. Витухновский родился в Киеве в семье служащих. В 1930 году семья переехала под Ленинград, в город Пушкин. После окончания школы и рабфака Александр Лазаревич поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, где специализировался по кафедре новой истории. Окончив университет с отличием, недолгое время проработал по распределению в Сызранском учительском институте, собиравшись поступать в аспирантуру. Однако война расстроила все планы: лейтенант Витухновский служил в авиации, был начальником штаба батальона аэродромного обслуживания авиации противовоздушной обороны. Служба началась в Архангельской области, на острове Ягодник, а завершилась в 1945 году в Польше.

В 1946–1948 годах Александр Лазаревич обучался в аспирантуре при Ленинградском университете. Его кандидатская диссертация «Россия и англо-бурская война 1899–1902 годов» являлась первым серьезным исследованием истории отношения России к той войне. Но диссертация не была опубликована. Результаты исследования удалось опубликовать лишь в конце 1950-х и начале 1960-х годов двумя статьями в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета».

После окончания аспирантуры последовало распределение в Петрозаводский университет, с этого времени (1949) вся последующая жизнь Александра Лазаревича была связана с Петрозаводским университетом. Он стоял у истоков преподавания всеобщей истории в университете, в котором проработал более 35 лет. Лекции А. Л. Витухновского отличались научной глубиной, логичностью, он учил студентов самостоятельности, умению анализировать события, сопоставлять факты, делать выводы. Его аспиранты Е. А. Фефилятьева, М. И. Бацер, Г. Е. Шоймер успешно защитили кандидатские диссертации

и впоследствии реализовали себя на поприще научно-педагогической деятельности. Сотни его выпускников работают в научных учреждениях, вузах, СМИ, управленческих структурах, занимаются политикой и бизнесом.

Александр Лазаревич считал себя прежде всего популяризатором научных исторических знаний. Долгое время он возглавлял республиканское отделение общества «Знание», объездил с лекциями всю Карелию, готовил серии передач о международном положении на карельском телевидении. Его широкая эрудиция позволяла говорить о сложных вещах доступно и интересно для самой широкой аудитории. Для подготовки будущих кадров он организовал в 1970-х годах школу молодого лектора. Интересовала Витухновского и методическая сторона лекторской работы – как правильно подобрать материал, как увлекательно прочесть лекцию. На эту тему он написал книгу «Пульс планеты (Методическое пособие для школ молодого лектора)». Для начинающих преподавателей она стала настольной. Перу А. Л. Витухновского принадлежат монографии и многочисленные научно-популярные статьи, рассчитанные прежде всего на молодежь. Особенно дорогой его сердцу была книга о науке истории «В гостях у Клио. История, о чем она рассказывает, чему учит, как помогает преобразовать мир» (Петрозаводск: Карелия, 1986. 180 с.).

Уже более 30 лет нет с нами Александра Лазаревича, но до сих пор многие преподаватели и выпускники исторического факультета, люди старшего поколения с теплотой вспоминают своего учителя, коллегу – светлого, талантливого, порядочного человека, много сделавшего для развития исторического образования в нашей республике.

*Ю. В. Суворов,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии
и международных отношений ПетрГУ*

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- Vasiliev Yu. A.*
POLITICAL ELITE OF THE KARELO-FINNISH
SSR IN THE PERIOD OF LATE STALINISM. 7
- Kabatov S. A., Kurochkina S. A., Alibekov S. Y.*
THE USE OF NATURAL SCIENTIFIC METHODS
IN THE STUDY OF CERAMIC SINKERS OF
THE VEZHI SETTLEMENT (KOSTROMA OBLAST) . . . 15
- Krivosheev Yu. V.*
“TO SUPPLY THE FRONT WITH MORE FISH”:
FISHERMEN OF LADOGA DURING THE WAR. 21
- Shumilov M. I., Kiselev A. A.*
ACTIVATION OF THE FOREIGN ECONOMIC
ACTIVITY OF KARELIA IN THE EARLY 1990s. 28
- Kamenev E. V.*
“SOVIET PATRIOTISM” OF DECEMBRISTS:
M. V. NECHKINA'S NARRATION ON THE
STRUGGLE OF THE MEMBERS OF THE UNI-
ON OF PROSPERITY AGAINST N. M. KARAM-
ZIN'S HISTORICAL CONCEPTION. 33
- Krivosozhenko A. F.*
REPRESSIONS WITH REGARD TO PETRO-
GRAD UNIVERSITY IN THE PERIOD OF CIVIL
WAR. 41
- Rumyantseva M. F.*
THE SOURCE STUDY IN THE STRUCTURE OF
HISTORICAL KNOWLEDGE: THE NEOCLAS-
SICAL MODEL OF SCIENCE 44
- Karakchiev V. N.,*
EDUCATION, HEALTH CARE AND SOCIAL
SUPPORT DEVELOPMENT IN THE DISTRICTS
OF KOMI AUTONOMOUS REGIONS IN 1920s 52
- Kuznetsova N. Yu.*
STUDY OF OLD BELIEVERS OF THE RUS-
SIAN NORTH: CHARACTERISTIC FEATURES
OF A. PRIKLONSKY AND A. S. PRUGAVIN'S
RESEARCH EXPERIENCE 57

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Zaitseva N. G.*
‘TO GET ANGRY’ IN VEPSIAN (CONCEPT'S
NAMING IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC
GEOGRAPHY) 61

- Gilyasev Yu. V.*
PRAGMATISM OF THE ENGLISH MOTIVA-
TIONAL DISCOURSE 70
- Mukhina E. A.*
SEMANTIC OPPOSITION IN THE LYRICAL
SPIRITUAL VERSE 77
- Nechaeva N. A.*
OBJECTIVE FACTORS OF INTEGRATION PRO-
CESSES IN THE LANGUAGE OF ECONOMICS 81
- Rozchkova A. V.*
ANAPHORA IN I. I. DMITRIEV'S POETRY: THE
ROLE OF RHETORICAL FIGURES IN THE SYN-
TACTICAL STRUCTURE OF POETICAL TEXTS 88
- Popova L. A.*
KEY WORDS OF MODERN TIMES: THE ISSUE
OF THE TERM 93
- Chen Shengnan*
THE STRUCTURE AND LEXICAL FEATURES
OF THE RUSSIAN-CHINESE DICTIONARY OF
ILLARION ROSSOKHIN (1740s) 98
- Kladova N. A.*
ARTISTIC MEANINGS OF RELATIONSHIPS
AMONG CHARACTERS IN F. M. DOSTOEV-
SKY'S NOVEL “THE BROTHERS KARAMAZOV” . . . 103
- Chevtayev A. A.*
THE POEM “THE WILD FIRE” BY N. GUMIL-
LEV: FORMATION OF POETICS OF ADAMISM . . . 110
- Grishkevich E. D.*
HOMILIES OF TRYPHON PETROV IN THE
CONTEXT OF THE RUSSIAN THEORY OF
RHETORIC OF THE XVIII CENTURY 116

Reviews

- Nikitin O. V.*
The book review: Kotov A. A. Introduction into
lexicography: a study guide for students – philologists . . . 121
- Khoroshun T. A.*
The book review: Vitenkova I. F. Karelia at the be-
ginning of the era of metal (monuments with rhom-
bus – patch ceramics) 122

Memory

- In memory of A. L. Vitukhnovskiy. 123